КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АВГУСТЪ

1890

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ.

Напечатанные въ нашемъ журналѣ и другихъ изданіяхъ [1]) наказы малороссійскимъ депутатамъ, а также документы, касающіеся ихъ избранія, позволяютъ въ настоящее время сдѣлать попытку краткаго изложенія нуждъ, желаній и стремленій, заявленныхъ малороссійскимъ народомъ какъ въ своихъ наказахъ, такъ и въ самыхъ собраніяхъ, толкахъ и броженіи, вызванномъ манифестомъ 14 декабря 1766 г. Предоставляя будущимъ, болѣе искуснымъ и умѣлымъ, изслѣдователямъ заняться изученіемъ народнаго самосознанія въ этотъ интересный моментъ внутренней исторіи Малороссіи, мы имѣемъ въ виду болѣе скромную цѣль и ограничимся въ этой статьѣ только сведеніемъ и группировкой сословныхъ нуждъ и желаній малороссіянъ, пробужденныхъ къ самодѣятельности и критикѣ своего настоящаго призывомъ императрицы къ составленію проекта новаго Уложенія. Извѣстная Екатерининская коммиссія 1767—1769 г. составляетъ такой крупный фактъ во внутренней жизни Россіи, что, несмотря на свою полную неудачу, обусловленную какъ неподготовленностью русскаго общества, такъ и неумѣлостью заправилъ коммиссіи, она оставила весьма видные и полезные плоды въ исторіи нашего общественнаго развитія и государственной жизни. Принесенные съ далекихъ краевъ нашего обширнаго отечества наказы и челобитныя, хотя и не послужили

[1]) „Кіевская Стар.“ за 1888 г. и 1—4 кн. 1889 г., 43 т. Сборника Имп. Русск. Историческаго Общества и 2-ой т. Исторіи Новой Сѣчи г. Скальковскаго.

своей непосредственной цѣли—составленію Уложенія—тѣмъ не менѣе, отдернувъ завѣсу, скрывавшую массу золъ, они озарили путь для будущаго и послужили необходимымъ матеріаломъ для многихъ реформъ императрицы. Малороссія не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; голосъ ея депутатовъ о желаніяхъ, нуждахъ и надеждахъ украинцевъ представляетъ не только важный матеріалъ для сужденія о недостаткахъ и безпорядкахъ во внутреннемъ устройствѣ, управленіи, судѣ, народномъ хозяйствѣ и просвѣщеніи, но также доставляетъ весьма драгоцѣнныя данныя для характеристики политическаго развитія и идей, волновавшихъ въ это время наиболѣе развитыхъ представителей недавней гетманщины. Нигдѣ, конечно, вопіющіе недостатки и пороки общественной организаціи Малороссіи не могли получить такого яркаго освѣщенія и оцѣнки изъ подъ различныхъ угловъ зрѣнія, какъ въ наказахъ, представленныхъ депутатами всѣхъ свободныхъ сословій. Шляхетство, козаки, горожане и духовенство, каждое отъ себя и за себя, говорили въ наказахъ о своихъ сословныхъ нуждахъ и отягощеніяхъ, выставляли свои общественные идеалы, открывали свои надежды и ходатайствовали объ ихъ удовлетвореніи. Помимо этого, наказы особенно важны для изслѣдователя еще въ томъ отношеніи, что, совпавши съ эпохой окончательнаго включенія гетманщины въ громадное тѣло создававшагося сильнаго государства, они заключаютъ въ себѣ указанія на реакцію малорусскаго народа противъ принятыхъ въ отношеніи его мѣръ правительства. Начало царствованія Екатерины, какъ извѣстно, было далеко не благопріятно для сохраненія привилегированнаго положенія Малороссіи; порядки старой козацкой гетманщины были признаны всѣ, безъ разбора и тщательной критики, изжившими свой вѣкъ и для козачины наступалъ часъ окончательной ликвидаціи Начало ея уже было сдѣлано отмѣной гетманскаго управленія; послѣдующія реформы въ томъ же духѣ, съ назначеніемъ на постъ генералъ-губернатора Румянцева, носились въ воздухѣ и уже предчувствовались довольно опредѣленно и явственно. Въ виду этого малороссійскіе наказы, отмѣченные сильной струей децентрализаціоннаго направленія, представляютъ какъ бы заранѣе

подготовленный отвѣтъ малороссійскаго народа на политику Екатерининскаго царствованія и даютъ весьма любопытныя свѣдѣнія для оцѣнки самосознанія и міровоззрѣнія старой Малороссіи, въ послѣдній разъ въ 1767 г. заявившей о себѣ, какъ объ особой культурно-исторической единицѣ, желающей жить, управляться и развиваться на основаніи своихъ привилегій, правъ и законовъ. Эта антіассимиляціонная струя, составляющая специфическую особенность малороссійскихъ наказовъ, представляетъ законный плодъ исторической эпопеи гетманщины и сближаетъ ихъ съ наказами, представленными лифляндскими и эстляндскими депутатами; она должна обратить на себя особенное вниманіе каждаго историка, такъ какъ въ ней въ сущности выразились политическіе идеалы малороссіянъ съ одной стороны и успѣхи соединительной правительственной политики и ея культурнаго воздѣйствія на Украйну—съ другой. Кромѣ этого, въ наказахъ, трактующихъ о недостаткахъ и нуждахъ своего времени, изслѣдователь найдетъ не только взглядъ самого народа на ихъ причины и источники, но также и сравненіе своего настоящаго съ прошедшимъ и указанія на желаемое будущее; малороссіяне въ своихъ наказахъ какъ-бы подводили итоги совмѣстной жизни съ Великороссіей и, рисуя свое прошлое и настоящее, тѣмъ самымъ отмѣчали на скалѣ прогресса движеніе своего общества и ростъ его развитія. Эта черта особенно любопытна въ наказахъ въ томъ отношеніи, что она даетъ возможность сравнить и оцѣнить различные взгляды русскаго правительства и малорусскаго народа на одинъ и тотъ же предметъ—упадокъ и разложеніе внутренняго строя въ Малороссіи, не подвергавшагося радикальнымъ измѣненіямъ съ самаго момента возсоединенія. Предпославъ эти нѣсколько словъ, мы переходимъ къ изложенію занимающаго насъ предмета и такъ какъ документы, напечатанные до настоящаго времени, заключаютъ въ себѣ, кромѣ наказовъ всѣхъ сословій, еще и данныя относительно избранія депутатовъ, сочиненія наказовъ и броженія, вызваннаго этимъ среди малороссіянъ, то мы и начнемъ нашъ очеркъ именно съ этого момента, взволновавшаго умы украинскихъ патріотовъ, послѣ чего мы разсмотримъ отдѣльно наказы

каждаго сословія, не исключая „пунктовъ“, представленныхъ духовенствомъ Синоду и наказа отъ Запорожья, занимавшаго совершенно особое положеніе даже въ самой Малороссіи.

ГЛАВА I.

Броженіе и толки, вызванные въ Малороссіи манифестомъ 14 декабря 1766 года.

Два года спустя послѣ неожиданнаго увольненія отъ гетманства графа К. Разумовскаго вся Украйна была взволнована съ верху до низу необыкновеннымъ для нея событіемъ: молодая императрица, еще недавно такъ сурово оборвавшая привилегію гетманскаго управленія, призывала теперь всѣ сословія Малороссіи—шляхетство, рыцарство, гражданство и земство—въ задуманную ею коммиссію для сочиненія проекта новаго Уложенія и для совѣтовъ о способахъ къ достиженію общенароднаго благоденствія. Манифестъ Екатерины, отъ 14 декабря 1766 года, съ объясненіями причинъ, побудившихъ ее созвать представительное собраніе отъ всѣхъ свободныхъ сословій имперіи, вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ въ Малороссіи и вызвалъ въ ней довольно разнорѣчивые толки и всевозможныя сомнѣнія. Несмотря на дѣятельную роль и участіе новаго правителя Малороссіи, графа Румянцева, въ разъясненіи и популяризаціи содержанія высочайшаго манифеста, послѣдній далеко не всѣми былъ понятъ желательномъ для вѣнценоснаго автора смыслѣ и немногіе изъ украинцевъ взглянули на него въ смыслѣ намѣренія императрицы „возвести малороссійскій народъ на высшую степень счастья“, какъ это было обѣщано при уничтоженіи гетманства. Предубѣжденные противъ всякихъ реформъ и новшествъ, малороссіяне какъ бы не хотѣли понимать истиннаго либеральнаго смысла манифеста императрицы и циркулярныхъ листовъ о выборахъ графа Румянцева, съ которыми онъ обратился по изданіи манифеста ко всѣмъ сословіямъ Малороссіи. Мы не останавливаемся на манифестѣ Екатерины II, такъ какъ его содержаніе, весьма замѣчательное по мыслямъ и духу для своего времени,

достаточно извѣстно всякому. Что же касается до Малороссіи, то тотчасъ по полученіи манифеста малороссійская коллегія распорядилась разослать его по всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, предписавъ при этомъ обнародовать его „во всѣхъ сотняхъ, хуторахъ, деревняхъ, даже до послѣдняго жительства". 27 февраля 1767 г., почти вмѣстѣ съ обнародованіемъ высочайшаго манифеста, по Малороссіи были распространены генералъ-губернаторомъ и его циркулярные листы въ поясненіе манифеста. Они были исполнены самыхъ благихъ желаній народнаго счастья, дышали горячимъ убѣжденіемъ и призывали малорусское общество къ исправленію накопившихся непорядковъ, злоупотребленій, неправосудія, разстройства народнаго хозяйства и вообще всего внутренняго строя Украйны, дѣйствительно давно нуждавшейся въ освѣженіи и обновленіи своей административной машины и законодательства. Правосудіе и добрый порядокъ [1]), писалъ въ своихъ листахъ Румянцевъ, обращаясь къ шляхетству, рыцарству, гражданству и земству—вотъ краеугольные камни къ достиженію человѣческаго благоденствія; поэтому, совѣтовалъ онъ, нужно воспользоваться предстоящимъ случаемъ и внимательно разыскать всѣ причины, вредящія общественному счастью, препятствующія точному исполненію законовъ и правильному теченію дѣлъ, безъ чего невозможно ни одно гражданское общежитіе. Необходимо—продолжалъ суровый реформаторъ Малороссіи—глубже всмотрѣться въ причины злоупотребленій, расшатавшихъ порядокъ гражданскаго и воинскаго управленія, разстроившихъ правосудіе, торговлю, промыслы, земледѣліе и не только доведшихъ поселянъ до полнаго отвращенія къ своимъ занятіямъ, но и принудившихъ ихъ бросить свои имущества и даже удалиться изъ отечества. Подумайте—убѣждалъ далѣе Румянцевъ, повторяя въ этомъ случаѣ мысли своей государыни,— что въ основаніи всѣхъ государственныхъ законовъ должны лежать государственныя честь и слава, опирающіяся на общественное благосостояніе и правовой порядокъ, что первая законная забота хорошо устроеннаго государства должна состоять въ

---

[1]) Наказы, 185 стр.

томъ, чтобы доставлять всѣмъ гражданамъ возможность въ тишинѣ и спокойствіи пользоваться плодами своихъ трудовъ и занятій и что въ этомъ заключается прямая вольность гражданина, разумно понимающаго свои права и обязанности. Довольно обширный циркуляръ Румянцева, весь написанный въ вышеприведенномъ духѣ, по собственнымъ словамъ графа, былъ изданъ для малороссіянъ, „не въ предложеніи точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ“ и, кромѣ резюмированныхъ общихъ разсужденій, заключалъ въ себѣ еще повтореніе положеній „обряда“ о нравственныхъ качествахъ, какими должны были обладать предводители и депутаты. Эти избранники общества, по толкованію графа, должны быть настолько высоко и благородно настроены, чтобы дѣйствительно оказаться способными помышлять не о своихъ, а объ общенародныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, чтобъ быть совершенно чуждыми пороковъ, „отъ которыхъ главное неустройство вездѣ взяло свое начало и послужило источникомъ къ лихоимству, презрѣнію своего ближняго и неистовству на своего подчиненнаго“. Въ заключеніе малороссійскій генералъ-губернаторъ высказывалъ желаніе, чтобы ввѣренный его управленію край явился достойнымъ соревнователемъ другихъ провинцій имперіи, въ возлагаемой на него миссіи и оставилъ бы своему потомству память златого для него времени царствованія Екатерины.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе циркуляра; посмотримъ теперь поближе, какъ встрѣтило его малорусское общество или, лучше сказать, его сословныя группы и какіе толки и сомнѣнія породило распространеніе въ Малороссіи манифеста и циркуляровъ. Вопросъ этотъ настолько важенъ для характеристики степени довѣрія малороссіянъ къ правительственной власти и вообще для уясненія отношеній украинцевъ къ идеѣ созванія представительнаго собранія, что мы не имѣемъ права пройти его молчаніемъ. Существуетъ въ нашей литературѣ взглядъ, высказанный авторомъ перваго изслѣдованія о „Малороссіи въ 1767 г.“,—г. Авсѣенкомъ, что манифестъ императрицы, вмѣстѣ съ циркулярными листами генералъ-губернатора, былъ встрѣченъ въ Украйнѣ съ неподдѣльною радостью; въ доказательство этого

г. Авсѣенко приводитъ краснорѣчивыя фразы малорусскихъ наказовъ съ цвѣтистыми и пышными выраженіями признательности и глубокой благодарности императрицѣ ихъ сочинителей. Мы, конечно, нисколько не думаемъ умалять радости малороссіянъ, вызванной появленіемъ манифеста, ни тѣмъ болѣе сомнѣваться въ преданности гуманной и просвѣщенной императрицѣ, но намъ кажется, что на основаніи однѣхъ торжественныхъ фразъ, значительная часть которыхъ должна быть отнесена на долю реторики, нельзя на дѣло смотрѣть исключительно глазами г. Авсѣенка и въ виду многихъ данныхъ, едва ли не слѣдуетъ усумниться, что радость малороссіянъ не была омрачена кое какими недоразумѣніями и страхомъ за ожидаемое будущее. Знаменитый русскій историкъ Соловьевъ, излагая въ 27 томѣ своей Исторіи выборы депутатовъ въ Малороссіи, приводитъ довольно много данныхъ, указывающихъ, что къ радости украинцевъ примѣшивались чувства совсѣмъ иного свойства. „Циркуляръ—говоритъ онъ—не произвелъ вполнѣ того дѣйствія, какого бы хотѣлось Румянцеву". Въ письмѣ, отъ 2 марта 1767, года заимствуемъ мы у Соловьева, будущій кагульскій герой жаловался императрицѣ, что сочиненіе проекта новаго уложенія не производитъ въ высшихъ кругахъ Малороссіи того сочувствія и признательности, на которыя бы справедливо слѣдовало надѣяться, въ виду особеннаго благоволенія и заботъ монархини о своемъ народѣ. Многіе малороссіяне, по словамъ этого письма, до того вошли во вкусъ своевольства, что имъ всякій законъ и царскій указъ кажется ничѣмъ инымъ, какъ нарушеніемъ правъ и вольностей. Манифестъ 14 декабря 1766 г. вызвалъ именно это боязливое ощущеніе въ сердцахъ патріотовъ. „Зачѣмъ намъ тамъ быть, когда наши законы весьма хороши, восклицали обыкновенно малороссіяне—сообщалъ Румянцевъ императрицѣ—развѣ только для подтвержденія своихъ старинныхъ правъ и привилегій?" Заботы о сохраненіи и подтвержденіи „вольностей" болѣе всего волновали въ Малороссіи высшій кругъ, т. е. шляхетство, которое, не отдавая себѣ хорошо отчета, къ чему можетъ повести непреложное сохраненіе старины, сообщало свои опасенія простолюдинамъ и настраивало ихъ на тотъ же ладъ недовѣрія и не-

расположенія къ мѣропріятіямъ правительства. Безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ начатыхъ и ожидаемыхъ преобразованій и нововведеній чувство консерватизма особенно какъ то восторжествовало въ Малороссіи среди шляхетства, козачества, духовенства и отчасти горожанъ, т. е. среди всѣхъ сословій, къ которымъ обращался Румянцевъ съ своими циркулярами, и обнаружилось въ довольно опредѣленномъ теченіи въ сторону своего прошлаго. „Замѣчено—писалъ Румянцевъ по этому поводу императрицѣ—что многіе весьма ободрились и считаютъ прямо возможнымъ держаться старины; одни только горожане да простой народъ признаютъ милосердіе вашего императорскаго величества, благодаря различнымъ реформамъ, въ ихъ пользу введеннымъ; но тутъ же жалуются, что ихъ начальники, а особенно расплодившееся весьма шляхетство, всѣми силами имъ въ томъ препятствуютъ [1]“. Румянцевъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, былъ правъ, указывая въ своихъ представленіяхъ императрицѣ, на старшину и шляхетство, какъ на классъ особенно возбуждавшій въ своихъ интересахъ консервативныя чувства украинскаго населенія. Встрѣченное на первыхъ порахъ дѣятельности нерасположеніе малорусскаго общества очень опечалило генералъ-губернатора и онъ еще не разъ обращался въ письмахъ къ Екатеринѣ съ ламентаціями, подобными вышеприведенной и сама императрица должна была успокаивать не въ мѣру волновавшагося правителя Малороссіи и совѣтовать ему не придавать особаго значенія безпокоившему его консервативному движенію шляхетства и козачества. Изъ всѣхъ сословій только одни горожане отнеслись болѣе или менѣе довѣрчиво и спокойно къ начинаніямъ правительства и надѣялись найти въ нихъ выходъ изъ тяжелаго состоянія полнѣйшей дезорганизаціи и подавленія другими классами своихъ сословныхъ интересовъ. Поэтому императрица въ отвѣтахъ на письма безпокоившагося Румянцева указывала ему, что поведеніе и образъ дѣйствій мѣщанъ могутъ дать добрый примѣръ остальнымъ сословіямъ и движеніе шляхетства и козачества должно будетъ значительно сократиться; но Румянцевъ

---

[1]) 27 т. Исторіи Россіи Соловьева.

не успокаивался. Его, воспитаннаго въ понятіяхъ строгой дисциплины и не вполнѣ ознакомившагося съ бытомъ Украйны, весьма поражали кривотолкованія, возникшія въ своеобразно настроенномъ краѣ. Дѣло—насколько можно видѣть изъ донесеній генералъ-губернатора—заключалось въ томъ, что „вельможи, старшины и шляхетство вездѣ различно толковали о манифестѣ. Одни говорили, что манифестъ до нихъ, малороссіянъ, имѣющихъ особые отъ Великороссіи законы, нисколько не касается; другіе, „ослѣпленные любовію къ своей землицѣ“, иронизировалъ Румянцевъ надъ украинскими патріотами, думали, что ихъ созываютъ въ коммиссію только какъ опытныхъ и ученыхъ юристовъ для совѣтовъ по сочиненію проекта новаго Уложенія для одной Великороссіи; третьи, наконецъ,—мы говоримъ о шляхетствѣ—руководствуясь сословнымъ гоноромъ и предразсудками, совсѣмъ отказывались отъ участія въ собраніяхъ и возмущались одной мыслью, что имъ придется сидѣть на ряду съ мужиками и мѣщанами. Были и такіе случаи, какъ въ Прилукахъ и другихъ городахъ, что „градскіе жители“ совсѣмъ отказались идти въ собраніе, а козацкіе старшины сплошь и рядомъ не участвовали въ городскихъ выборахъ, отказываясь подъ самыми ничтожными предлогами, въ родѣ обѣщаній отправиться на богомолье въ Ахтырку и пр. Неурядица, вызванная выборами депутатовъ, была такова, что Румянцевъ, несмотря на свой „терпѣливый и неборзкій“ характеръ—такимъ онъ рекомендовалъ себя въ письмахъ къ Екатеринѣ—принужденъ былъ, по его словамъ, ради точнаго исполненія манифеста и внушенія кривотолкователямъ здравыхъ мыслей, принять начальническій тонъ и объяснить „вралямъ“, что депутаты требуются отъ нихъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и отъ другихъ провинцій. Однако, несмотря на усилія малороссійскаго генералъ-губернатора, борьба съ обнаруженнымъ среди населенія „изумительнымъ своеволіемъ, доходившимъ до коварства“, была далеко не успѣшна, и лица, командированныя Румянцевымъ для присутствія и надзора за выборами депутатовъ, доносили ему о тѣхъ же еретическихъ мысляхъ и желаніяхъ малороссіянъ, какія ему уже приходилось слышать самому лично. Малороссійскій генералъ-губернаторъ все болѣе и болѣе убѣж-

дался въ своеволіи, коварствѣ и завзятомъ консерватизмѣ украинскаго народа и въ представленіи императрицѣ далъ слѣдующую характеристику малороссіянъ: „страннѣе всего—писалъ онъ—что эта небольшая частица людей инако не отзывается, что они изъ всего свѣта отличенные люди и что нѣтъ ихъ сильнѣе, ихъ храбрѣе, нѣтъ ихъ умнѣе и нигдѣ ничего хорошаго, ничего полезнаго и ничего прямо свободнаго, чтобы имъ годиться могло и все, что у нихъ есть, то лучше всего“. На донесенія Румянцева Екатерина продолжала отвѣчать ему въ прежнемъ успокоительномъ духѣ: одобряя „тонъ начальничества“, принятый ея вельможей, она вмѣстѣ съ тѣмъ выражала надежду, что „умоначертанія прежнихъ временъ“ несомнѣнно исчезнутъ, такъ какъ она рѣшила не обращать вниманія на желанія „несходственныя съ общимъ добромъ“, осуществленіе котораго, кстати сказать, понималось ею въ смыслѣ проведенія общихъ и однообразныхъ мѣръ государственнаго устройства и управленія безъ уваженія къ мѣстнымъ особенностямъ и историческимъ традиціямъ. Полагая за несомнѣнную истину, что исцѣленія общественныхъ язвъ на всемъ протяженіи обширнаго отечества можно достигнуть путемъ установленія общаго законодательства, построеннаго въ духѣ философіи энциклопедистовъ, императрица считала вздоромъ всякія желанія, противорѣчившія ея взглядамъ, и конечно, не могла раздѣлять стремленій малороссіянъ, отстаивавшихъ пункты Богдана Хмельницкаго и неизвѣстныя ей привилегіи „Жигимонта Августа“. Екатерина,—абсолютная монархиня обширнѣйшаго государства—вѣрила и убѣждала въ томъ Румянцева, что вздорныя вожделѣнія малороссіянъ о своей старинѣ и вольности падутъ сами собой, такъ какъ малорусскіе депутаты, не желая быть осмѣянными предъ многолюднымъ собраніемъ, сами постыдятся своихъ требованій и откажутся отъ ихъ домогательства. Къ тому же, хотя и не безосновательно, но тѣмъ не менѣе ошибочно, императрица надѣялась на благодѣтельное вліяніе въ коммиссіи на депутатовъ нѣкоторыхъ умѣренныхъ наказовъ, въ родѣ черниговскаго, „въ которомъ—по ея словамъ—есть множество пунктовъ, кои честь дѣлаютъ сочинителямъ онаго“. Впослѣдствіи мы убѣдимся, что благодѣтельное вліяніе, на которое

надѣялась Екатерина оказалось въ коммиссіи равнымъ нулю; это можно было предугадать уже и раньше, въ виду того, что большинство шляхетства не раздѣляло вообще мнѣній черниговцевъ, а нѣжинцы, напримѣръ, даже поставили въ вину своему депутату Селецкому то, что онъ совѣтовалъ слѣдовать наказу черниговцевъ и выставили это обстоятельство однимъ изъ мотивовъ къ избранію новаго депутата. Кромѣ того, изъ писемъ самого Румянцева видно, что за составленіе черниговскаго наказа въ Малороссіи возненавидѣли предводителя черниговскаго шляхетства—Безбородка; его упрекали въ недоброжелательствѣ своей отчизнѣ, а депутатъ черниговскій Михаилъ Скоропадскій заявилъ, что онъ его наказъ ему же сдастъ въ Москвѣ, такъ какъ онъ настолько теменъ, что онъ, Скоропадскій, едвали даже въ состояніи его понимать. Такимъ же неосновательнымъ оказалось и предположеніе императрицы, что пункты козацкихъ наказовъ сбавятъ многимъ спѣси; на дѣлѣ вышло, что козаки, хотя и были недовольны своей старшиной, тѣмъ не менѣе въ отношеніи своихъ политическихъ идеаловъ были за одно съ нею и тянули самимъ рѣшительнымъ образомъ вспять, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ лубенцы, прямо требовали возстановленія гетманскаго управленія. Козачество въ данномъ случаѣ стояло и обязано было стоять за шляхетскія требованія уже потому, что оно само добивалось признанія за нимъ правъ шляхетства, выдвинувшагося изъ той же козацкой среды волной историческихъ событій и родного ей по тѣлу и духу. Даже городское сословіе, самое непритязательное изъ всѣхъ и хлопотавшее главнымъ образомъ о снятіи съ него повинностей и налоговъ, и то оказалось въ коммиссіи солидарнымъ съ шляхетствомъ и козаками или, по крайней мѣрѣ, высказалось такимъ въ прошеніи, поданномъ на имя Екатерины отъ лица всѣхъ малороссійскихъ депутатовъ, такъ что добрый примѣръ горожанъ во время выборовъ депутатовъ не нашелъ себѣ подражанія во время засѣданій коммиссіи и горожане подчинились общему теченію своего времени и руководящему направленію и тону шляхетскихъ наказовъ. Почему-же, ставимъ мы вопросъ—шляхетство по преимуществу такъ недовѣрчиво и почти враждебно относилось къ мѣропріятіямъ пра-

вительственной власти и какія причины существовали для этого въ современной ему исторической обстановкѣ?

Уже въ циркулярахъ Румянцева, гласившихъ о слабости законовъ и расшатанности управленія, малороссійское шляхетство находило основательныя причины безпокоиться за цѣлость своихъ правъ и привилегій, такъ какъ строгій начальникъ малорусскаго края слишкомъ темными красками обрисовалъ состояніе управляемаго имъ края, отвѣтственность за которое во многомъ безъ сомнѣнія лежала на шляхетствѣ, такъ какъ оно, въ роли землевладѣльцевъ и козацкой администраціи, имѣло самое видное значеніе въ своемъ отечествѣ и практически имъ заправляло. Зная личные неодобрительные взгляды Румянцева на состояніе законовъ и общественнаго благоустройства Малороссіи, шляхетство нисколько не ошибалось, когда не надѣялось и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ найти поддержку своимъ вожделѣніямъ, такъ какъ по всему было видно, что новый замѣститель гетмана творилъ волю пославшей его государыни. Миссія Румянцева, какъ малороссійскаго генералъ-губернатора, заключалась въ реформированіи Малороссіи, въ обновленіи ея въ духѣ общерусскаго устройства и изъятіи изъ рукъ малороссійской старшины, составлявшей въ тоже время и ядро шляхетства, многихъ отраслей суда и управленія, присвоявшихся по вольному избранію въ должности. Реформами,—думалось императрицѣ, — можно будетъ достигнуть уничтоженія въ малорусскомъ народѣ своеволія, „доходящаго до коварства", какъ выражался о немъ Румянцевъ, и втянуть Малороссію въ общерусское тягло и субординацію. Румянцевъ уже началъ свои опыты въ Малороссіи; они непріятно раздражали населеніе и болѣе всего, конечно, шляхетство, какъ слой наиболѣе развитой политически и лично заинтересованный въ исходѣ принятой относительно Украйны политики. Идея представительнаго собранія съ цѣлью составленія проекта Уложенія не могла не устрашать малороссійскихъ старшинъ и шляхетства: на всероссійскомъ собраніи депутатовъ могли какъ нельзя лучше вскрыться пороки общественнаго состоянія Украйны и небезгрѣшность въ этомъ отношеніи нашихъ старшинъ и шляхетства, злоупотребляв-

шихъ своимъ положеніемъ; по этому, заявляя, что законы малороссійскіе хороши и вполнѣ обезпечиваютъ добрый порядокъ и управленіе, шляхетство хлопотало ни о чемъ иномъ, какъ объ удержаніи своего вліятельнаго положенія, грозившаго поколебаться при обсужденіи малорусскихъ дѣлъ въ коммиссіи, особенно же въ виду того, что на малороссійскіе порядки и на командующій народомъ классъ уже давно была наброшена сильная тѣнь предъ правительствомъ; въ недавнее время эта тѣнь еще больше сгустилась подъ вліяніемъ записокъ Румянцева и Теплова „о непорядкахъ въ Малороссіи“ и шляхетскимъ вольностямъ, очевидно, приходилъ конецъ; наступало время широкой централизаціи и генералъ-губернаторовъ,—непосредственныхъ агентовъ императорской власти. Рѣшивъ преобразовать край по своему усмотрѣнію, Екатерина въ письмѣ къ Олсуфьеву, написанномъ вскорѣ по уничтоженіи гетманства и назначеніи Румянцева, высказала своему вельможѣ по этому поводу слѣдующія любопытныя мысли: „прибавить надлежитъ—писала она,—чтобы сколько возможно привести оный народъ къ тому, чтобы мужики съ мѣста на мѣсто не перешли и разбирать и раздѣлить „le gouvernement militaire d'avec le civile souverainement confondu dans cette province, раздѣлить ихъ настоящія права съ тѣми, которыя они сами себѣ присвоили и во всемъ ему (т. е. генералъ-губернатору) должно имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ. Доходовъ никакихъ нѣтъ оттуда, но еще отъ селѣ имъ дается 48 тысячъ“ [1]).

Вотъ это то раздѣленіе настоящихъ правъ отъ самовольно себѣ присвоенныхъ и раздѣленіе гражданскаго и воинскаго управленій, находившихся въ силу избранія старшинъ „вольными голосами“ въ рукахъ шляхетства, чрезвычайно безпокоило послѣднее, такъ какъ съ назначеніемъ на главныя должности коронныхъ чиновниковъ оно лишалось силы и власти, основанныхъ не на юридическомъ, а на фактическомъ положеніи шляхетства въ Малороссіи. Помимо этого, у шляхетства, рекрутировавшагося изъ старшины, было много и другихъ основаній опасаться коммиссіи Уложенія: за нимъ числилась масса злоупотребленій по

---

[1]) Семейство Разумовскихъ, Васильчикова, стр. 214.

скупкѣ и отнятію козачьихъ грунтовъ, земель и проч. угодій, по завладѣнію свободными, „коронѣ" принадлежащими землями, по обращенію козаковъ въ посполитые и по многимъ другимъ дѣяніямъ, съ невыгодной стороны освѣщавшимъ шляхетство. Что касается козаковъ, то хотя ихъ несочувственное отношеніе въ коммиссіи было меньше, тѣмъ не менѣе они раздѣляли его съ шляхетствомъ изъ одной боязни потерять свои вольности и обратиться въ простыхъ солдатъ, о чемъ разглашала уже нѣсколько лѣтъ козацкая старшина на основаніи нѣкоторыхъ незначительныхъ фактовъ, въ родѣ неудачныхъ попытокъ Румянцева ввести строевую дисциплину въ козачьи полки и обязать козаковъ знаніемъ военныхъ артикуловъ. Козаки съ ужасомъ останавливались предъ перспективой солдатчины и уже были случаи, что они, не желая подчиниться строевой службѣ, самовольно расходились домой и приговаривались за это къ наказаніямъ кіями [1]). Не слѣдуетъ также забывать, что составленіе проекта новаго Уложенія для всей Россіи и замѣна имъ дѣйствовавшихъ въ Малороссіи правъ и обычаевъ грозили отнять у козаковъ ихъ важное право избранія себѣ старшинъ „вольными голосами" и могли обратить „вольныхъ козаковъ" въ безсловесную массу земледѣльцевъ... Кромѣ того, козаки съ неудовольствіемъ относились къ генеральной описи Малороссіи и, дѣйствительно, на каждую новую мѣру правительства смотрѣли, какъ на умаленіе своихъ вольностей.

Однако, каково бы не было настроеніе и недовѣріе малороссіянъ, но воля императрицы должна была исполниться, и Малороссія была поставлена въ необходимость приступить къ выборамъ депутатовъ и сочиненію наказовъ о своихъ нуждахъ и отягощеніяхъ. Согласно манифесту Екатерины, депутаты должны были быть избраны въ Малороссіи отъ всѣхъ свободныхъ ея сословій, кромѣ владѣльческихъ крестьянъ, число которыхъ по офицерской переписи 1764 г. достигло до 985,909 человѣкъ [2]), откуда слѣдуетъ, что самое многочисленное, наиболѣе отягощенное и вопіявшее къ справедливости сословіе, не имѣло въ коммиссіи голоса, не могло

---

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., октябрь, стр. 127.

[2]) Максимовичъ, т. I, стр. 549.

разсказать о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Это обстоятельство должно быть принято нами во вниманіе, такъ какъ отсутствіе наказовъ отъ посполитыхъ лишаетъ изслѣдователя возможности дать полный очеркъ всѣхъ вожделѣній малороссійскаго народа въ эпоху Екатерининской коммиссіи. Все остальное свободное населеніе Малороссіи—шляхетство, козаки, городскіе обыватели и запорожская Сѣчь—имѣли своихъ представителей въ коммиссіи: шляхетство и козаки по одному депутату отъ полка, горожане по одному депутату отъ города. Запорожье выставило отъ себя двухъ депутатовъ. Что касается до малороссійскаго духовенства, то оно, собственно говоря, хотя и не имѣло отъ себя отдѣльнаго депутата въ коммиссіи, но имъ, по требованію Синода, были представлены послѣднему чрезъ митрополита кіевскаго, епископовъ черниговскаго и переяславскаго и архимандритовъ кіево-печерскаго и межигорскаго „*обстоятельные пункты*" относительно грунтовъ, маетностей и прочихъ „выгодностей" малорусскаго духовенства и эти „пункты" вполнѣ аналогичны наказамъ другихъ сословій. По личному росписанію графа выборы депутатовъ были назначены почти повсемѣстно на мартъ и начало апрѣля 1767 года; въ указанные въ росписаніи сроки все шляхетство, имѣющее въ данномъ полку „вотчины и помѣстья", должно было собраться въ повѣтовый городъ для выбора себѣ предводителя, депутата и для сочиненія наказа. Городскіе обыватели собирались, конечно, каждый въ своемъ городѣ, и такъ какъ изъ горожанъ правомъ избирательнаго голоса пользовался каждый, кто имѣлъ въ городѣ „дѣйствительный домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыселъ", то Румянцевъ приказалъ вносить въ списки городскихъ избирателей „всѣхъ жителей тѣхъ городовъ изъ шляхетства и козаковъ съ прочими гражданами, выключая однихъ владѣльческихъ людей и крестьянъ, и чтобъ въ собраніи всякъ по состоянію имѣлъ свое мѣсто". Избраніе предводителей и депутатовъ отъ шляхетства и городовъ происходило по большинству голосовъ и въ общемъ собраніи всѣхъ правоспособныхъ членовъ данной сословной группы. Женщины и лица отсутствовавшія не имѣли въ выборахъ участія ни сами, ни чрезъ вѣрющія письма;

находившіеся же въ городѣ, но не присутствовавшіе сами лично, могли подать свой голосъ письменно. Для руководства дѣйствіями собранія шляхетство выбирало себѣ предводителя, а горожане городскаго голову, которые и управляли затѣмъ, подъ надзоромъ особо командированныхъ Румянцевымъ чиновниковъ, всей дальнѣйшей избирательной процедурой. Выборы козачьихъ депутатовъ были нѣсколько сложнѣе, такъ какъ въ виду сравнительной многочисленности козаковъ и ихъ разбросанности на большихъ разстояніяхъ они были двухстепенные: сначала каждая сотня избирала изъ своей среды нѣсколькихъ повѣренныхъ, обыкновенно отъ 3 до 10 человѣкъ, но не болѣе 100 человѣкъ отъ всѣхъ сотенъ даннаго полка; сотенные повѣренные снабжались отъ своихъ сотенъ наказами и прошеніями и, собравшись въ полковомъ городѣ, выбирали изъ своей среды повѣреннаго уже отъ всего полка, иначе сказать — депутата. Изложенный порядокъ избранія депутатовъ, примѣненный къ козакамъ по аналогіи съ однодворцами, вызвалъ неудовольствіе среди козачьяго сословія; всѣ козаки были унижены и оскорблены сравненіемъ ихъ съ однодворцами, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ прилучане и миргородцы, съ горечью замѣчали въ наказахъ, что ихъ выборы чинились не по обряду шляхетскихъ и просили о неисключеніи ихъ депутатовъ изъ числа шляхетскихъ. Въ дѣйствительности 2-хъ степенный способъ избранія депутатовъ не только былъ обиденъ для козаковъ тѣмъ, что сравнивалъ ихъ съ однодворцами, но еще имѣлъ и дѣйствительно свою дурную сторону въ томъ, что, пропуская народную волю чрезъ двойной фильтръ сотенныхъ и полковыхъ выборовъ, неминуемо подвергалъ ее значительнымъ искаженіямъ, неполнотѣ и затмѣнію.

Что касается Запорожья, то Румянцевъ сначала распорядился объ избраніи отъ Сѣчи только одного депутата, но потомъ въ виду представленія коша о томъ, что Запорожье заключаетъ въ себѣ народонаселенія болѣе, чѣмъ въ 2—3 полкахъ, и имѣетъ до 40 куреней и массу зимовниковъ, разрѣшилъ произвести выборъ 2-хъ или 3-хъ депутатовъ. Самый порядокъ избранія былъ такого рода, что каждый курень избиралъ отъ себя 5 представителей, уполномоченныхъ на избраніе депутата; всѣхъ

представителей, „довѣренныхъ отъ товариства“ собралось въ шкуринскомъ куренѣ 190 человѣкъ и по балатировкѣ выборъ палъ на бывшаго судью Косапа, однако болѣзнь заставила его отказаться отъ представительства и на его мѣсто были избраны депутатами войсковой судья Головатый и атаманъ Корсунскаго куреня Скапа [1]).

О духовенствѣ мы уже сказали, что оно не было представлено въ коммиссіи, но въ виду его особаго положенія отъ великорусскаго ему было позволено доставить въ Синодъ „пункты“ о грунтахъ и маетностяхъ съ тѣмъ, чтобы они вошли въ общій наказъ Синода своему депутату; мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ составлялись пункты, но изъ того, что они подписаны кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ, архіепископами черниговскимъ и переяславскимъ, а также архимандритами и игуменами и всѣми малорусскими протопопами съ подвѣдомственнымъ имъ священствомъ, нельзя не заключить, что они содержали въ себѣ дѣйствительныя нужды чернаго и бѣлаго духовенства, а не измышленія его начальства. Всѣхъ депутатовъ отъ Малороссіи находилось въ коммиссіи 33 человѣка: отъ шляхетства и козаковъ было избрано по 11 человѣкъ, отъ горожанъ 10 и отъ Запорожья 2. Всѣ выборы, какъ мы сказали, происходили въ полковыхъ городахъ и послѣ торжественныхъ молебствій открывались избраніемъ предводителя и головы; послѣ этого чрезъ нѣсколько дней происходило новое молебствіе, предводитель или голова получали свои полномочія и по прочтеніи манифеста приступали къ выборамъ депутатовъ посредствомъ баллотировки большинствомъ голосовъ. Избранными могли быть не только лица, присутствовавшія на самыхъ выборахъ, но и бывшія въ отсутствіи. Такъ заочно былъ избранъ извѣстный въ коммиссіи депутатъ отъ лубенскаго шляхетства Григорій Полетика; „надворный совѣтникъ и морскаго шляхетнаго кадецкаго корпуса надъ ученіями главный инспекторъ“. По окончаніи выборовъ собраніе облекало полномочіями своихъ депутатовъ и приступало къ сочиненію самихъ наказовъ чрезъ посредство нѣсколькихъ уполномоченныхъ

---

[1]) Скальковскій. Ист. Нов. Сѣчи, ч. II, стр. 291.

на это лицъ, затѣмъ сочиненные наказы обсуждались въ общемъ собраніи и подписывались всѣми присутствовавшими. Разсмотрѣвши порядокъ—или, какъ тогда выражались, „обрядъ"—выбора депутатовъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ *теоріи* онъ въ достаточной степени обезпечивалъ населенію свободу избранія своихъ представителей; сочиненіе же наказовъ въ подготовительныхъ коммиссіяхъ [1]), обсужденіе ихъ въ собраніи и санкціонированіе всѣми избирателями также нельзя не признать порядкомъ, хорошо гарантировавшимъ населенію свободное и полное выраженіе своихъ нуждъ и желаній. Практика однако показала, что ни свободы выборовъ, ни непринужденности въ сочиненіи наказовъ и заявленіи своихъ нуждъ въ Малороссіи не было; какъ то, такъ и другое было довольно относительно и свобода въ выраженіи народной воли стѣснялась съ одной стороны довольно замѣтнымъ вмѣшательствомъ правительства, а съ другой происками и агитаціей шляхетства, вліявшаго на сочиненіе городскихъ и козачьихъ наказовъ. Въ виду этого намъ крайне интересно опредѣлить размѣры посторонняго вмѣшательства, дабы знать, насколько дѣйствительнымъ плодомъ народныхъ желаній являются разбираемые нами наказы. Относительно роли правительства г. Авсѣенко высказалъ мнѣніе, что такъ какъ созывъ коммиссіи былъ актомъ свободнаго желанія и милости Екатерины, настроенной въ весьма либеральномъ и прогрессивномъ духѣ, то нельзя допустить, чтобы графъ Румянцевъ, которому хорошо были извѣстны намѣренія императрицы и вліяніе котораго преимущественно обнаруживалось при составленіи наказовъ, сталъ противодѣйствовать свободному выраженію тѣхъ желаній и стремленій малороссійскаго народа, которыя клонились къ его несомнѣнному благу [2]). Однако, съ приведеннымъ мнѣніемъ г. Авсѣенка едва ли можно вполнѣ согласиться; несмотря на его справедливое замѣчаніе, что созывъ коммиссіи былъ дѣйствительно актомъ свободной воли, а не вынужденныхъ обстоятельствами времени политическихъ комбинацій, у насъ есть положи-

---

[1]) Наказы, стр. 272.

[2]) Малороссія въ 1767 г. Авсѣенко, стр. 34

тельныя данныя, доказывающія весьма замѣтное вмѣшательство графа Румянцева и въ избирательную борьбу и въ сочиненіе наказовъ.

Теперь извѣстно, что онъ вмѣшивался въ выборы, кассировалъ ихъ, уничтожалъ въ наказахъ то, что пахло „умоначертаніемъ прежнихъ временъ" и всячески старался, чтобы до слуха императрицы въ наказахъ не долетѣло чего-нибудь рѣзко и сильно напоминавшаго о старой гетманщинѣ. Относительно вмѣшательства правительственныхъ органовъ и вліянія ихъ на выборъ депутатовъ и сочиненіе наказовъ согласенъ и г. Латкинъ, авторъ недавно вышедшаго труда о законодательныхъ коммиссіяхъ въ XVIII вѣкѣ [1]), хотя онъ ошибочно полагаетъ, что число „рельефныхъ" случаевъ вмѣшательства ограничивалось всего однимъ. Въ дѣйствительности правительственное давленіе измѣрялось не случаями, но было постояннымъ явленіемъ, „рельефные" же случаи также считались болѣе, чѣмъ единицами. Приведемъ факты, заимствованные нами частью у того же Соловьева, частью же изъ самихъ наказовъ. Шляхетство повѣтовъ нѣжинскаго и батуринскаго, собравшись по циркуляру Румянцева въ полковой городъ, избрало себѣ предводителемъ отставнаго полковника Тарнавіота, а депутатомъ земскаго судью Л. Селецкаго и затѣмъ благополучно на время разъѣхалось. Собравшись затѣмъ снова для сочиненія наказа, шляхетство не минуло и обсужденія обѣщаній Екатерины II, отъ 10 ноября 1764 г. о сохраненіи вольностей малороссійскаго народа и пришло къ убѣжденію о необходимости избранія гетмана совокупно съ запорожскою Сѣчью; кривотолкователей, мечтавшихъ о гетманѣ и единеніи съ Сѣчью, было большинство, и когда депутатъ Селецкій не согласился присоединиться къ мнѣнію большинства, то шляхетство, ничтоже сумняся, выбрало себѣ другаго депутата, не находя Селецкаго способнымъ поддерживать въ коммиссіи не сочувственныя ему желанія своихъ избирателей. Не можетъ быть сомнѣнія, что шляхетство, избирая вмѣсто Селецкаго новаго депутата, осуществляло свое законное право имѣть отъ себя въ коммиссіи излюбленнаго

---

[1]) Стр. 243.

человѣка, помышляющаго не о своихъ, но объ общественныхъ нуждахъ и отягощеніяхъ, тѣмъ не менѣе Румянцевъ кассировалъ вторые выборы и безъ сомнѣнія не за нарушеніе „обряда", а потому, что шляхетство проявило свою неблагонамѣренность, заговоривъ „о безразсудныхъ просьбахъ и желаніяхъ" и выбравши во второй разъ депутатомъ главнаго виновника всѣхъ золъ, Долинскаго. Дѣло объ изложенномъ эпизодѣ было доведено до свѣдѣнія сената и противъ зачинщиковъ новыхъ выборовъ и мысли объ избраніи гетмана было возбуждено преслѣдованіе. Второй случай, когда дѣло дошло до сената, произошелъ въ г. Погарѣ съ городскимъ войтомъ Панасомъ, заявившимъ себя ярымъ поборникомъ старины и врагомъ нововведеній; но такъ какъ эпизодъ съ нимъ имѣетъ тѣсную прикосновенность къ городскими выборамъ, то мы и разскажемъ о немъ нѣсколько ниже, когда будемъ вести рѣчь объ антагонизмѣ, проявившемся среди малорусскихъ сословій.

О вмѣшательствѣ въ дѣла черниговскаго и стародубскаго шляхетства, хотя и по просьбѣ ихъ предводителей, сознается въ письмахъ къ Екатеринѣ и самъ генералъ-губернаторъ, говоря, что онъ помогъ предводителямъ уладить возникшія въ средѣ шляхетства несогласія. Особенную помощь Румянцевъ оказалъ черниговскому предводителю Безбородку, который чрезъ своего сына, находившагося при графѣ, неоднократно совѣтовался съ послѣднимъ и даже представлялъ ему пункты наказа, произведшаго въ своей окончательной отдѣлкѣ столь непріятное впечатлѣніе на украинцевъ и вызвавшаго неудовольствіе противъ его составителя—Безбородка. Близкимъ участіемъ, конечно, генералъ-губернатора, а не случайностью, слѣдуетъ объяснить, что черниговскій наказъ вышелъ, не въ примѣръ другимъ, написаннымъ въ правительственномъ духѣ и былъ одобренъ самой императрицей.

Помимо личнаго давленія Румянцева на выборы и сочиненіе наказовъ, въ немъ принимали надлежащее участіе командированные графомъ для присутствія на выборахъ чиновники, а также тѣ изъ шляхетскихъ предводителей, которые, питая „*великое всегда желаніе къ чинамъ, а особливо къ жалованью*",

стремились подделаться подъ направленіе столичныхъ вѣяній и забѣгали предъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Были предводители, какъ напримѣръ, у стародубскаго шляхетства, земскій судья П. Искрицкій, который самъ изъ собственнаго усердія прилагалъ стараніе для очищенія наказовъ отъ „закоренѣлыхъ предразсужденій" и съ горестью потомъ доносилъ Румянцеву, что его старанія не имѣли никакого успѣха, такъ какъ лицъ „одинаковыхъ съ нимъ сентиментовъ" оказалось слишкомъ мало и онъ, уступая большинству, самъ принужденъ былъ подписаться подъ несочувственными пунктами. Естественно, что Румянцевъ, получивъ сообщеніе П. Искрицкаго, предписалъ предосудительный наказъ уничтожить и замѣнить его новымъ, очищеннымъ отъ всѣхъ прошеній, „кои несогласуются съ пользою настоящаго времени". Второй наказъ въ предписанномъ духѣ былъ, конечно, составленъ, но замѣчательно, что несочувствіе къ нему было такъ велико, что предводитель едва провелъ его при помощи полковника князя Юрія Хованскаго, командированнаго къ выборамъ. Изъ донесенія только что названнаго князя Румянцеву намъ также извѣстно, что при сочиненіи наказа стародубскими козаками онъ принималъ всѣ мѣры къ исключенію изъ него всего несогласнаго съ правительственными видами, но, по собственному признанію князя, козаки написали нѣкоторые пункты, не согласившись съ нимъ, и онъ никакъ не могъ преодолѣть ихъ упорства[1]). Если въ данномъ случаѣ побѣда осталась за козаками и упорство ихъ осталось несломленнымъ, то въ другихъ случаяхъ съ козаками поступали гораздо проще и короче: донесеніе полковника Милорадовича о козачьихъ выборахъ въ Черниговѣ объясняетъ намъ, что по приказу Румянцева козацкому депутату было вовсе запрещено принимать наказы сотенныхъ повѣренныхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нихъ пишется „вовсе до нихъ не надлежащее" и что эти наказы компонуются не ими, а старшинами. Хотя послѣднее замѣчаніе не лишено справедливости, тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого основанія думать, что козаки proprio motu не могли сочинить

---

[1]) Наказы, стр. 217.

наказовъ съ содержаніемъ „вовсе для нихъ не надлежащимъ". Харьковскій южно русскій архивъ по счастью сохранилъ намъ нѣсколько наказовъ[1]), оставленныхъ, такъ сказать, за флагомъ и не попавшихъ въ коммиссію, изъ которыхъ по аналогіи можно убѣдиться, почему могло состояться запрещеніе графа принимать наказы сотенныхъ повѣренныхъ и въ чемъ заключалось содержаніе „вовсе до нихъ не надлежащее". Наказы отъ бывшихъ мелкихъ городковъ, а нынѣ мѣстечекъ, каковы Мринъ, Борисполь, Гоголевъ, Олишевка, Носовка, Кабижча, Бобровица, Муровскъ, Кролевецъ и друг., были составлены не только не старшинами, но иногда противъ нихъ[2]), и тѣмъ не менѣе заключали въ себѣ массу „закоренѣлыхъ предразсужденій", непріятно рѣвавшихъ генералъ-губернаторское ухо. Всѣ перечисленные нами городишки, обитаемые главнымъ образомъ козаками, въ одинъ голосъ заговорили о договорныхъ пунктахъ Богдана Хмельницкаго, просили объ утвержденіи ихъ на вѣчныя времена и заключали свои наказы смѣлыми надеждами, что при удовлетвореніи этихъ желаній несомнѣнно процвѣтутъ и они. „Есть-ли—писали олишевцы—вышеозначенные нужды исключить и за взятые въ арміи волы и фуры деньгами ихъ, олишевскихъ жителей, удовольствовать и *оставить ихъ на такомъ основаніи, какъ гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійскимъ народомъ приступилъ подъ державу всероссійскую и утвержденныя статьи всероссійскими монархами въ ненарушимой цѣлости, то тогда народъ города Олишевки могъ бы прійти въ цвѣтущее состояніе*". Жители Муровска, высказавъ надежды и желанія совершенно однородныя съ предыдущими, заключали свои pia desideria почти словами олишевцевъ: „чаятельно, писали они, что при свободѣ отъ всякихъ выстаченій процвѣтетъ и г. Муровскъ"... Таковы, не ошибаясь, можно сказать, были наказы и сотенныхъ повѣренныхъ, запрещенные къ принятію ихъ козацкими депутатами. Наконецъ, нельзя не указать, какъ на стѣсне-

---

[1]) № 3071 Ю.-рус. архива.

[2]) Въ нихъ встрѣчается обвиненіе старшинъ въ закрѣпощеніи себѣ многихъ козаковъ въ вѣчные подданные, благодаря ревизіи 1764 года.

ніе правительствомъ свободы выраженія народныхъ желаній, на дѣйствія Святѣйшаго Синода, исключившаго изъ пунктовъ, представленныхъ отъ малороссійскихъ епархій, много самыхъ важныхъ и существенныхъ требованій. Извѣстно, что всѣ пункты малороссійскихъ епархій были раздѣлены Синодомъ на три категоріи: 1, пункты, одобренные имъ ко внесенію въ синодскій наказъ и переданные синодскому депутату для проведенія въ коммиссіи, 2, пункты, хотя и одобренные, но оставленные на личное усмотрѣніе депутата и 3, наконецъ, пункты, которые опредѣлено было „отставить". Къ числу послѣднихъ были отнесены пункты, наиболѣе рѣзко поражавшіе своими смѣлыми заявленіями объ особенномъ положеніи малороссійскаго духовенства, о необходимости избранія митрополита изъ природныхъ малороссіянъ вольными голосами, о дозволеніи ему безъ разрѣшенія Синода посвящать въ архіерейскій санъ, имѣть свою типографію, школы и пр.... Словомъ, Синодъ исключилъ изъ прошеній малороссійскаго духовенства все, что такъ или иначе клонилось къ децентрализаціи церковнаго управленія и имѣло въ виду хотя бы небольшую его самостоятельность и особенность для Украйны. И Румянцевъ, и Синодъ дѣйствовали въ этихъ случаяхъ, конечно, по указаніямъ самой императрицы, а каковы были ея указанія достаточно хорошо можно судить по инструкціи, данной Екатериной князю Вяземскому, гдѣ между прочимъ говорилось, что „Малая Россія, Лифляндія, Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, нарушать оныя весьма непристойно было бъ, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупость. *Сіи провинціи, также смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они обрусѣли и перестали бъ глядѣть, какъ волки въ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, когда разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ*... Когда жъ въ Малороссіи *гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ и имя гетмановъ исчезло, не только бъ персона какая былъ произведена въ оное достоинство*[1]).

[1]) Соловьевъ, т. 26, стр. 39.

Выписанная нами цитата требуетъ никакихъ комментаріевъ и, на нашъ взглядъ, не оставляетъ сомнѣній, что при желаніи верховной власти изгладить изъ памяти малороссіянъ даже самое имя гетмана, нельзя было ожидать объективнаго отношенія къ выборамъ и со стороны ея органовъ.

Отмѣтивъ вмѣшательство правительственныхъ органовъ, важность котораго отрицать никто не рѣшится, скажемъ нѣсколько словъ и о влияніи старшины, которое весьма естественно въ сочиненіи наказовъ было гораздо незначительнѣе, чѣмъ вліяніе правительства; извѣстные намъ случаи, когда старшины, перейдя предѣлы позволеннаго нравственнаго воздѣйствія, устраняли козаковъ отъ сочиненія наказовъ или даже захватывали его въ свои руки и вычеркивали изъ наказовъ все, что могло вредить ихъ интересамъ, доказываютъ, что такіе случаи не оставались необжалованными и доходили до свѣдѣнія генералъ-губернатора. Помимо этого, самъ Румянцевъ, заинтересованный въ томъ, чтобы наказы были свободны отъ „умоначертаній прежнихъ временъ“, не могъ оставлять незамѣченными ни самъ, ни чрезъ командированныхъ имъ лицъ, злоупотребленій старшины, клонившихся къ искаженію народной воли и затемнѣнію истинно козацкихъ желаній, нуждъ и отягощеній. И однако, несмотря на авторитетное заявленіе генералъ-губернатора, что старшина компонуетъ наказы козакамъ, мы встрѣтили всего нѣсколько случаевъ, когда козаки, дѣйствительно, остались недовольны дѣйствіями старшины и обжаловали ея злоупотребленія. Намъ думается, что еслибы такихъ случаевъ было больше, то они не остались бы неизвѣстными; если же козаки оставались довольны наказами, сочиненными старшиной, то слѣдовательно сочинители не передергивали истинныхъ желаній козаковъ и для насъ рѣшительно все равно, кѣмъ бы они ни были составлены. Самый видный случай притѣсненія козаковъ своей старшиной при сочиненіи наказовъ—имѣлъ мѣсто въ кременчугской и власовской сотняхъ миргородскаго полка [1]). Сущность дѣла, какъ

---

[1]) Наказы, 280.

видно изъ донесенія козаковъ обѣихъ сотенъ, заключалась въ томъ, что командующій Кременчугомъ ротмистръ Гавриловъ и власовской сотней поручикъ Бабичъ не только не допустили козаковъ съѣхаться въ Полтаву, но созвавши въ Кременчугъ, обманомъ продержали ихъ въ немъ болѣе 2-хъ недѣль и, не допустивъ до выборовъ, „сами собой съ другими еще имъ согласниками выбрали депутатомъ майора Козельскаго, а предводителемъ Гаврилова“, а ихъ, козаковъ, выгнали изъ Кременчуга, объявивъ, что они пропустили назначенное для выборовъ время. Другой очень характерный случай не столько злоупотребленія, какъ давленія старшины на козаковъ описанъ въ донесеніи иваницкаго сотеннаго повѣреннаго Ивана Лисенка [1]). Этотъ повѣренный въ донесеніи своемъ графу, раскрывая закулисную сторону сочиненія наказовъ, жаловался, что другіе сотенные повѣренные „съ наущенія ли чьего, или сами отъ себя“ воспротивились внесенію въ наказы вопроса о скуплѣ козачьихъ земель и грунтовъ разными чиновниками и владѣльцами и „*купли той поставить не похотѣли*“. Подчеркнутая нами фраза указываетъ, что Лисенко имѣлъ основаніе думать, что нежеланіе сотенныхъ повѣренныхъ поднимать вопросъ о скуплѣ могло быть сдѣлано по чьему либо наущенію и, конечно, добавимъ мы, ни по чьему иному, какъ по наущенію старшины. Изъ того же донесенія видно, что сотенные повѣренные „для учиненія генеральнаго наказа“ обращались къ полковому канцеляристу Пятигорскому и что онъ посылалъ ихъ за копіей дворянскаго наказа къ предводителю Максимовичу; Максимовичъ наказа не далъ, тѣмъ не менѣе Пятигорскій не отказался сочинить козакамъ наказъ, пропустивъ въ немъ пунктъ о скупленныхъ во всемъ прилуцкомъ полку земляхъ. Подобное приведенному обращеніе козаковъ за сочиненіемъ своихъ наказовъ къ лицамъ изъ своей старшины не могло, намъ кажется, обходиться безъ извѣстнаго ея вліянія и замѣчаніе Румянцева по этому поводу не лишено основанія; но гораздо многочисленнѣе и интереснѣе были случаи, происходившіе при городскихъ выборахъ и указывающіе на антагонизмъ существовавшій среди сословій.

[1]) Наказы, стр. 243.

Малороссійскіе города прошлаго вѣка, пользовавшіеся въ своемъ управленіи магдебургскимъ правомъ, составляли, какъ извѣстно, довольно пеструю смѣсь сословій съ противорѣчивыми другъ другу интересами и съ враждебными между собой отношеніями. Извѣстно, что по магдебургскому праву, сообщавшему муниципальное управленіе многимъ малороссійскимъ городамъ, истинно городскимъ сословіемъ въ послѣднихъ являлись мѣщане, управлявшіеся своимъ *„мѣскимъ правомъ"* и, вѣдавшіеся магистратомъ, въ качествѣ главнаго городскаго учрежденія. Магдебургское право, даруя городу муниципалитетъ, въ тоже время обезпечивало исконнымъ его жителямъ, мѣщанамъ, право единственнаго владѣнія городскими „мѣскими" землями, угодьями и проч. а также право единственнаго занятія промыслами, торговлей, винокуреніемъ, шинкарствомъ и проч., и ни шляхетство, ни козачество, составлявшіе поэтому чуждый городу элементъ, не имѣли права ни селиться на городскихъ земляхъ, ни участвовать въ городскихъ промыслахъ. Въ дѣйствительности, при упадкѣ городовъ и при развитіи козацкой администраціи, мѣщане вмѣсто первостепенной заняли подчиненную роль въ городахъ и были обижены поселившимся въ нихъ шляхетствомъ, старшиной и козаками, скупившими земли и захватившими, вопреки всякому праву, промыслы, торговлю и винокуреніе. Столкновеніе интересовъ различныхъ городскихъ сословій было полное и очевидное, такъ какъ шляхетство и козачество, присвоивъ себѣ привилегіи мѣщанъ, не несли въ то же время никакихъ гражданскихъ повинностей, отбывавшихся исключительно мѣщанами. При выборахъ городскихъ депутатовъ и особенно при сочиненіи наказовъ, гдѣ должны были участвовать всѣ городскіе жители, сословная рознь обнаружилась въ довольно сильной формѣ и геральный обозный Кочубей совершенно вѣрно замѣтилъ по этому случаю относительно Полтавы, что „интересы мѣщанъ совсѣмъ противны интересамъ воинскаго званія людей и потому уповательно трудно согласиться имъ будетъ сдѣлать одинакіе депутату наказы" [1]). Достаточно упомянуть, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ

[1]) Наказы, 286.

сословный антагонизмъ доходилъ до явно выраженной борьбы и вызывалъ затрудненія и безпорядки, приводившіе къ кассаціи и перебаллотировкамъ; умышленное же противодѣйствіе шляхетства выборамъ, нежеланіе участвовать въ нихъ и подписываться на составленныхъ горожанами наказахъ было обыкновеннымъ явленіемъ въ избирательной хроникѣ и при составленіи городскихъ наказовъ. Изъ наиболѣе рѣзкихъ случаевъ избирательной борьбы мы укажемъ здѣсь на имѣвшіе мѣсто въ Прилукахъ, Лубнахъ и Погарѣ.

Въ Прилукахъ[1]) противодѣйствіе шляхетства выразилось пассивнымъ образомъ: оно не пожелало участвовать въ избраніи горожанами головы и депутата и послѣдніе были выбраны одними только мѣщанами, вслѣдствіе чего выборы были кассированы и назначены вторичные уже при участіи шляхетства.

Румянцевъ, узнавши о поведеніи шляхетства во время городскихъ выборовъ, предписалъ прилуцкой полковой канцеляріи доставить ему списокъ неявившихся лицъ съ обозначеніемъ причинъ неявки каждаго и изъ этого не совсѣмъ полнаго списка оказывается, что вся прилуцкая старшина, какъ наличная, такъ и „абшитованная", въ количествѣ 34 человѣкъ наиболѣе видныхъ представителей прилуцкаго общества не явилась на городскіе выборы по самымъ пустымъ и фальшивымъ предлогамъ, какъ напримѣръ „за приключившеюся болѣзнею", „за отлучкою изъ дому", „за отправленіемъ поминовенія" или „отъѣздомъ для законныхъ нуждъ" и проч. Назначеніе вторичныхъ выборовъ очень огорчило мѣщанъ и въ прошеніи, поданномъ на имя Румянцева по поводу кассаціи прежнихъ выборовъ, они жаловались, что уничтоженіе полномочій избраннымъ ими головѣ и депутату лишаетъ ихъ возможности представить свои нужды въ коммиссію и заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что новыми выборами, произведенными, слѣдовательно, совмѣстно съ шляхетствомъ, будутъ избраны излюбленные ими люди.

Точно такой же отказъ отъ участія въ выборахъ и отъ подписанія наказа случился и въ Стародубѣ[2]), гдѣ шляхетство

[1]) Наказы, стр. 231 и слѣд.

[2]) Наказы 213.

не пожелало подписаться подъ городскимъ наказомъ, потому что мѣщане выдвинули въ немъ прошеніе о подтвержденіи Стародубу магдебургскаго права, уничтожавшаго въ корнѣ всякое вліяніе на городскія дѣла козацкой администраціи и вообще шляхетства. Въ Лубнахъ[1]) также дѣло не обошлось безъ осложненій и перебаллотировки головы, избраннаго, какъ и въ вышеприведенныхъ случаяхъ, одними только „свободно посполитыми“ города Лубенъ безъ участія шляхетства. Выборы эти, какъ неправильные, конечно, были кассированы, но мѣщане со большимъ неудовольствіемъ приступали къ вторичнымъ, потому что не надѣялись „по своему маломочеству“ снова избрать головою войта Назарскаго и включить въ свой наказъ жалобы на захватъ начальнѣйшими людьми городскихъ земель, на лишеніе горожанъ „промысловъ и художествъ“ и на другія порабощенія и обиды[2]). Въ виду этихъ опасеній лубенскіе мѣщане просили подполковника Огарева не принуждать ихъ къ избранію того, о комъ, „не благоволятъ ихъ сердца“ и позволить имъ продолжать избраніе депутата и составленіе наказа подъ руководствомъ выбраннаго уже головы—войта Назарскаго; однако просьбы мѣщанъ не были уважены, нежеланіе производить вторичные выборы было сломлено угрозами и перспективой „наказанія кіями“ и новые выборы состоялись при подавляющемъ вліяніи шляхетства, хотя оно лично все таки не присутствовало, а прислало свои голоса; за то при сочиненіи наказа опасенія мѣщанъ сбылись вполнѣ: никто изъ нихъ не былъ допущенъ къ его составленію и старшины оборудовали это дѣло сами, поручивъ сочиненіе пяти своимъ же единомышленникамъ—„не для чего другаго,—рапортовалъ войтъ—какъ что оніе мѣщане о промыслахъ и рукодѣліяхъ, козаками и чиновниками отправляемыхъ, не отбувая гражданской повинности, такожъ о завладѣніи гражданской земли, о порабощеніи ихъ и о протчемъ, чиновникамъ и козакамъ неполезномъ, представленіе въ челобитну внесть намѣревали“, но шляхетство ихъ къ этому не допустило и жалоба внесена не была. Описанный нами

---

[1]) Наказы, 259 и слѣд.

[2]) Наказы, стр. 262.

случай служитъ лучшей характеристикой отношеній, существовавшихъ между шляхетствомъ и мѣщанами, хотя нужно замѣтить, что въ Лубнахъ произволъ шляхетства, совершенно устранившаго мѣщанство отъ составленія наказа, дошелъ до своего апогея и Румянцевъ, въ качествѣ корректива къ городскому наказу, разрѣшилъ лубенскимъ мѣщанамъ подать отдѣльную челобитную о своихъ нуждахъ и за это лубенцы въ адресѣ, поданномъ графу, обѣщали пребывать „тщательными въ прославленіи его имени и добротъ предъ людьми и въ молитвахъ предъ Богомъ [1]).

На той же точно почвѣ сословной вражды разыгралась въ Погарѣ упоминавшаяся нами исторія съ его войтомъ Панасомъ [2]). Войсковой товарищъ и погарскій войтъ Григорій Панасъ, какъ видно изъ переписки по его дѣлу, съигралъ въ своемъ городѣ роль совершенно обратную лубенскому войту Петру Назарскому и, несмотря на то, что былъ однимъ изъ представителей городскаго муниципалитета, оказался сочувствующимъ шляхетству и козакамъ и раздѣляющимъ ихъ интересы. Нужно сказать, что городскимъ головою въ Погарѣ былъ избранъ нѣкій Денисъ Приваловъ, повидимому, сильно поддерживавшій интересы мѣщанства, а потому и столкнувшійся съ антиподомъ его шляхетствомъ; послѣднее, недовольное этимъ избраніемъ, а также и тѣмъ, что сочиненіе наказа было поручено городскому райцѣ, не замедлило выдвинуть предъ Румянцевымъ цѣлую серію обвиненій Дениса Привалова въ неисполненіи формъ и предписаній „обряда“, хотя въ сущности, насколько можно догадываться дѣло шло не столько объ этомъ, какъ о томъ, что Приваловъ, устранивъ шляхетство, принялся вершить всѣ дѣла, касавшіяся до сочиненія наказа „*съ самими простыми и неграмотными мѣщанами*“, и выбравъ для этой цѣли 5 городскихъ жителей, о которыхъ войтъ Панасъ съ недовольной козацкой старшиной доносилъ генералъ-губернатору, что „они не только сочинить наказа, но и простаго письма совершенно сдѣлать не могутъ“ и что избранный голова вообще

---

[1]) Наказы, 275.

[2]) Ibid., 221 и слѣд.

повергаетъ ихъ въ сомнѣніе, „какъ бы онъ къ произведенію такого великаго дѣла (т. е. сочиненію наказа) вовсе будучи не достаточенъ и безпорядоченъ въ тѣхъ своихъ сочиненіяхъ предосудительныхъ каковыхъ недѣльностей не повносилъ и тѣмъ гражданской общей прямой пользѣ вреда не приключилъ", т. е. прямѣе говоря, чтобы Денисъ Приваловъ не внесъ чего либо противнаго шляхетско-козацкимъ интересамъ. Изъ отвѣта Привалова на доносъ Панаса оказывается, что въ Погарѣ. какъ и въ Стародубѣ, Прилукахъ, Лубнахъ и друг. городахъ, рознь между мѣщанами и воинскаго званія людьми дошла до того, что послѣдніе совсѣмъ отказались присутствовать въ церкви на молебствіи и во время присяги къ выборамъ городскаго депутата и не подписали ему полномочія, а когда дѣло дошло до слушанія наказа и челобитной, то между головою и войтомъ, державшимъ, по выраженію головы, единое согласіе съ шляхетствомъ, произошло формальное столкновеніе. Прежде всего Панасъ началъ съ того, что не допустилъ въ магистратъ къ сочиненію наказа Привалова съ 5 членами, выбранными для этого дѣла, и они всѣ принуждены были удалиться въ другое мѣсто; во вторыхъ, когда наказъ уже былъ сочиненъ и голова, при собраніи всего города, хотѣлъ приступить къ его объявленію, то Панасъ не только самъ не пожелалъ выслушать мѣщанскихъ desiderata, но чтобы и никого не допустить къ этому, замкнулъ магистратъ, и для открытія его голова принужденъ былъ обратиться къ содѣйствію бурмистра. Магистратъ былъ отпертъ, но самъ войтъ по прежнему отказался выслушать наказъ и удалился. Изъ дальнѣйшихъ строкъ отвѣта Привалова оказывается, что Панасъ во время всей избирательной процедуры проявилъ себя самымъ завзятымъ поклонникомъ старины и что онъ агитировалъ въ этомъ духѣ, „уговаривая новины не слушать, ни къ оной не склоняться и не смотрѣть ни на какіе сторонніе, страхи, сказуя, что новинѣ предъ стариною во многомъ стыдно и показаться: новина до того что въ старину сдѣлано не точію поправить, но и сдержать не можетъ" [1]). За эту агитацію Панасу, по представленію Румянцева, пришлось отвѣчать предъ сенатомъ,

---

[1]) Наказы, 224.

который разобравши дѣло, приказалъ произвести надъ нимъ слѣдствіе и судъ и чего онъ Панасъ окажется достойнымъ о томъ ему представить на усмотрѣніе. Чѣмъ окончилось дѣло о Панасѣ и какое ему назначилъ сенатъ наказаніе намъ неизвѣстно; но вообще случаи особеннаго давленія шляхетства на городскіе выборы не оставались незамѣченными и Румянцевъ прилагалъ всевозможное стараніе, чтобы дать мѣщанамъ возможность свободно высказывать свои нужды и отягощенія и даже предоставлялъ имъ для этого право непосредственной подачи ему челобитныхъ исключительно отъ своего сословія, помимо наказовъ, составляемыхъ обще съ шляхетствомъ и козаками. Вотъ въ общихъ чертахъ все, что мы нашли необходимымъ для будущаго изложенія сказать по поводу выборовъ депутатовъ и настроенія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи, а также по поводу волненія умовъ, вызваннаго въ украинскомъ обществѣ призывомъ къ сочиненію новаго Уложенія. Съ слѣдующей главы мы приступимъ къ изложенію содержанія самихъ наказовъ, представленныхъ въ коммиссію малороссійскими депутатами.

Ив. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1]

(Окончаніе).

ГЛАВА 5-я.

Отношеніе къ коліевщинѣ современныхъ ей русскихъ дѣятелей.

Смыслъ коліевщины въ жизни южнорусскаго украинскихъ населенія не поддавался долго уясненію исторіи, благодаря массѣ недоразумѣній, окутывавшихъ это народное движеніе по многимъ поводамъ—и вслѣдствіе легковѣрія ближайшихъ передатчиковъ фактической его стороны, наконецъ, вслѣдствіе грубой тенденціозности въ ту или другую сторону разныхъ изслѣдователей, которымъ почему-то трудно было взглянуть на событія 1768 г. на Украинѣ, какъ на проявленіе самостоятельно сознаннаго протеста южнорусскаго крестьянства, угнетеннаго поляками въ соціальномъ и религіозномъ отношеніи; всѣмъ имъ казалось, что движеніемъ этимъ непремѣнно должно было руководить русское правительство, причемъ Екатеринѣ II то приписывалась открытая пропаганда возстанія манифестами, то болѣе хитрыя подзадориванія къ нему, напоминавшія таинственные намеки, какіе дѣлалъ Владиславъ IV, король польскій, предъ возстаніемъ Хмельницкаго, говоря съ нимъ объ его обидахъ.

---

[1]) „Кіевск. Стар.“, 1890 г., № 7.

Но пора иллюзій относительно сочувствія русскаго правительства того времени гайдамацкому движенію 1768 г. прошла безвозвратно. Не стало послѣдователей ни у Шуйскаго съ Моравскимъ, негодовавшихъ на возбужденіе бунта великой державой въ сосѣднемъ государствѣ [1]), ни у русскаго историка, склонявшагося къ мысли, что тайныя подзадориванія противъ поляковъ въ средѣ южно-русскаго крестьянства были слѣдствіемъ искренняго сочувствія Екатерины II къ бѣдамъ этого крестьянства. Явная несостоятельность ходившихъ среди самихъ коліевъ слуховъ о манифестѣ русской царицы, и аляповатость какъ этого манифеста, такъ и манифеста польской работы, приписаннаго Екатеринѣ II тенденціозными польскими публицистами—все это, какъ показано уже нами выше, слишкомъ ярко выступило наружу въ послѣдніе годы, особенно послѣ напечатанія недавно вынырнувшаго на свѣтъ подлиннаго манифеста Екатерины II.

Многое, конечно, послѣ этого при объясненіи коліивщины представляется въ иномъ видѣ, и прежде всего самое движеніе выступаетъ въ глазахъ изслѣдователя самостоятельнымъ бурнымъ порывомъ изнеможенной угнетеніями народной души и неистощенной физической народной мощи, затѣмъ невольно по адресу прежнихъ толкователей интересующей насъ поры является соображеніе: да съ какой бы стати Екатерина II вздумала подстрекать русскихъ крестьянъ Рѣчи Посполитой къ бунту, если несомнѣнно ея войска были потомъ главными усмирителями этого бунта, и если тѣ гайдамаки, россійскіе подданные, которыхъ захватили усмирители, отданы были Екатериной подъ судъ и подверглись серьезнымъ наказаніямъ? Очевидность взаимной исключительности этихъ двухъ фактовъ явная, и невозможность перваго изъ нихъ при второмъ является болѣе чѣмъ доказанной.

Но пытливость наталкиваетъ насъ и послѣ такихъ опредѣленныхъ заключеній на новыя недоумѣнія. Начинаетъ настойчиво требовать разрѣшенія другой существенный для пониманія дѣла вопросъ—почему русскіе дѣятели второй половины XVIII вѣка, графъ Панинъ, князь Репнинъ, графъ Румянцевъ и другіе, сочли

---

[1]) Morawski. Dzieje polski. V. 87. Ios. Szujski Dzieje polski. IV. 404.

нужнымъ собственными силами задавить гайдамацкое движеніе, разъ оно возникло изъ за тѣхъ же диссидентскихъ правъ, которыя защищали не безъ успѣха въ польскомъ сеймѣ послы Екатерины II?

Думаемъ, что и этому недоумѣнію можетъ быть положенъ конецъ, если привлечь къ уясненію дѣла массу того фактическаго матеріала относительно польскихъ событій второй половины XVIII вѣка, какой мы находимъ у Соловьева въ XXVI и XXVII томахъ его „Исторіи Россіи", въ „Сборникѣ Имп. Рус. Ист. Общ." въ томахъ XX и XXII, въ „Арх. ю.-з. Россіи" въ томахъ II и III первой части и въ перепискѣ графа Румянцева съ графомъ Панинымъ и другими, напечатанной въ „Кіев. Стар." 1882 г., въ книгахъ 9 и 10 и 1883 г. тоже въ книгахъ 9 и 10.

Приступая на основаніи этихъ источниковъ къ разсмотрѣнію поставленнаго выше недоумѣнія, мы по необходимости должны на моментъ оставить чисто украинскія событія и погрузиться въ дебри широкой европейской политики второй половины XVIII вѣка, такъ какъ отъ тѣхъ или иныхъ комбинацій именно въ этой политикѣ зависѣло то или иное отношеніе къ насущнымъ домашнимъ и сосѣднимъ дѣламъ тогдашняго русскаго правительства.

Слишкомъ общеизвѣстнымъ считается тотъ фактъ, что важныя историческія рѣшенія тѣхъ или иныхъ трудныхъ вопросовъ народной и международной жизни далеко не всегда бываютъ слѣдствіемъ плановъ, заранѣе сознанныхъ и обдуманныхъ дѣятелями, дѣйствующими на исторической авансценѣ. Тщетно, напримѣръ, наканунѣ раздѣла Польши, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, стали бы мы искать ясныхъ сколько-нибудь формулировокъ того, что потомъ было совершено совокупными усиліями Пруссіи, Австріи и Россіи. Правда, смутное сознаніе возможности если не раздѣла Польши, то ея соединенія съ Россіей было много разъ высказываемо въ теченіе XVIII в. и даже раньше въ XVII в.; но отъ плановъ, напримѣръ, Алексѣя Михайловича сдѣлаться по избранію польскимъ королемъ послѣ смерти Яна Казиміра и такимъ образомъ соединить Рѣчь Посполитую съ московскимъ государствомъ, до практическаго осу-

ществленія подобнаго союза было безконечно далеко. Не близко было до того же практическаго дѣла и отъ опасеній польскихъ сеймовыхъ пословъ начала XVIII столѣтія, что Петръ I, будучи признанъ ими императоромъ всероссійскимъ, основываясь на этомъ титулѣ, отберетъ у Польши всѣ русскія провинціи. Самъ Фридрихъ II, этотъ политическій прозорливецъ XVIII вѣка, вскорѣ послѣ избранія Станислава Понятовскаго въ польскіе короли мечталъ не о раздѣлѣ Польши, а только о необходимости оставить ее въ той летаргіи, въ какую она впала, благодаря своей конституціи, санкціонировавшей государственную безурядицу, при чемъ существованіе Польши, хотя бы въ летаргическомъ состояніи, онъ считалъ мыслимымъ и послѣ удаленія со сцены Станислава Понятовскаго и вообще въ далекомъ будущемъ[1]). У русскихъ же дѣятелей екатерининскаго времени относительно Польши, вслѣдъ за избраніемъ въ короли ея Станислава Понятовскаго, были планы совсѣмъ иного порядка, чѣмъ планы раздѣла или анексіи. Но въ этихъ планахъ Польша не занимала центральнаго и исключительнаго положенія. Дѣло шло о поддержаніи пресловутаго политическаго равновѣсія и о сохраненіи за Россіей почетнаго и независимаго положенія въ ряду европейскихъ державъ, а при такихъ цѣляхъ Польша должна была быть только однимъ изъ звеньевъ въ ряду другихъ, входившихъ въ составъ ковавшейся международной цѣпи.

Поводы къ принятію мѣръ для сохраненія за Россіей подобающаго ей мѣста въ ряду другихъ государствъ заключались въ тогдашнихъ дипломатическихъ отношеніяхъ. Франція, униженная Фридрихомъ II въ семилѣтнюю войну, стала ревностно строить свою политическую систему, стала умножать свои морскія силы вмѣстѣ съ Испаніей, утверждая свои союзы съ разными дворами, особенно съ вѣнскимъ и сардинскимъ. Система эта стала даже носить особое названіе—бурбонскаго союза. Въ противовѣсъ ему, въ виду существованія торговыхъ и политиче-

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXVI, стр. 81; т. XXVII, стр. 205. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ. Т. XXII.

скихъ интересовъ, противоположныхъ французскимъ и австрійскимъ, у Пруссіи, Англіи и Россіи, какъ бы самъ собой, намѣчался союзъ сѣверныхъ державъ, и такой союзъ былъ бы, конечно, мыслимъ, если бы и ихъ интересы не были подчасъ достаточно противоположны. Вслѣдствіе же этой противоположности и Англія, и Пруссія считали для себя мыслимымъ заключеніе только частныхъ союзовъ и договоровъ съ Россіей. Но русскій вице-канцлеръ Панинъ никакъ не могъ на этомъ помириться и увлекся системой „сѣвернаго аккорта", унаслѣдованной имъ отъ автора ея, умершаго уже тогда русскаго посла въ Даніи барона Корфа. Въ этотъ сѣверный союзъ должны были войти Россія, Пруссія, Англія, Швеція, Данія, Саксонія, Польша. Что до цѣли союза, то она должна была состоять не только въ противодѣйствіи союзу бурбонскому, но и въ охранѣ сильными членами союза неприкосновенности слабыхъ его членовъ отъ чьихъ бы то ни было посягательствъ. Въ частности для Россіи Панинъ ждалъ отъ этого союза слѣдующихъ выгодъ: во-первыхъ, Россіи должна была быть выдана по его проекту отъ Англіи субсидія въ 500,000 р. на польскія дѣла и такая же субсидія въ случаѣ войны Россіи съ Турціей, не говоря уже о деньгахъ на подкупы въ Швеціи, гдѣ должно было быть искоренено такимъ путемъ французское вліяніе; во-вторыхъ, отъ Пруссіи должны были въ случаѣ надобности идти поддержки дипломатическія и денежныя для устроенія польскихъ дѣлъ; наконецъ, въ третьихъ, Польша должна была при новомъ подручномъ Россіи королѣ замѣнить собою для Россіи Австрію, какъ надежная союзница въ случаѣ разрыва Россіи съ Турціей.

Увлеченный логичною стройностью проекта, Панинъ никакъ не могъ признать возраженій, какія ему дѣлались, по поводу его заявленій, Англіей и Пруссіей. Между тѣмъ англійскіе министры настойчиво твердили ему, что парламентъ ихъ никогда не оправдаетъ кредитовъ на поддержаніе Россіи въ польскихъ дѣлахъ и въ случаѣ войны съ Турціей, что надежда при помощи такихъ субсидій вредить повсюду Франціи, являвшейся главнымъ врагомъ Англіи, не послужила бы въ глазахъ парламента достаточнымъ оправданіемъ требуемыхъ министрами кредитовъ, и что,

наконецъ, поддержка Англіей Россіи противъ Турціи, хотя бы даже тайная, непремѣнно затронула бы слишкомъ значительные торговые интересы Англіи въ этой странѣ. Все это не убѣждало Панина, какъ не убѣждало его и опасеніе Англіи вступить въ тѣсный союзъ съ такимъ членомъ предполагаемаго „сѣвернаго аккорта“, какъ король прусскій, склонность котораго къ авантюризму могла бы подвергнуть весь союзъ большому риску. По поводу всего этого Панинъ могъ только раздражаться. Раздражали его и возраженія противъ „сѣвернаго аккорта“ самого Фридриха. Послѣдній находилъ, что ему не съ руки вступить въ столь сложный союзъ да еще съ разными пассивными величинами, въ родѣ Даніи или Саксоніи, причемъ съ Саксоніей у него были свои личные счеты, забыть которые онъ не желалъ. Но особенно существенны были возраженія Фридриха противъ плановъ Панина относительно Польши, также члена in spe въ „сѣверномъ аккортѣ“.

Чтобы уяснить эти послѣднія, отмѣтимъ, при какихъ условіяхъ Панинъ разсчитывалъ обрѣсти въ польской республикѣ союзницу на случай войны съ Турціей, и какими вслѣдствіе этихъ условій должны были стать давнія традиціонныя отношенія Россіи къ Польшѣ.

Отъ своихъ предшественниковъ, какъ извѣстно, унаслѣдовала Екатерина II два непорѣшенныхъ вопроса съ Польшей: вопросъ о границахъ и вопросъ диссидентскій. Обращаясь къ этому послѣднему, не можемъ не припомнить, что зарожденіе этого вопроса надо отнести ко времени, слѣдовавшему непосредственно за Андрусовскимъ договоромъ, когда Польша сознала для себя всю опасность отъ существованія въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой большаго числа православныхъ русскихъ, всегда искавшихъ покровительства и защиты у единовѣрнаго московскаго государства. Правительствомъ республики пущенъ былъ въ ходъ именно послѣ Андрусовскаго договора [1]) цѣлый рядъ

[1]) Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи западн. и юго-западной Россіи. Статья: Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-зап. Россіи съ полов. XVII до конца XVIII в., стр. 287.

сеймовыхъ постановленій, направленныхъ къ отвлеченію западно-русскаго населенія отъ православія въ унію или же и прямо въ католичество. При такихъ условіяхъ ничего не оставалось гонимымъ православнымъ да и другимъ не-католикамъ Рѣчи Посполитой, какъ обращаться съ просьбами о защитѣ ихъ религіозной свободы и нарушаемыхъ гражданскихъ правъ къ московскому государству, превратившемуся вскорѣ въ россійскую имперію. Къ просьбамъ ихъ въ Россіи не были глухи, но все же поляки тѣмъ удобнѣе могли проводить свои мѣры противъ православія, что Россія была занята другими дѣлами. Петру I, напримѣръ, неудобно было становиться къ Польшѣ въ рѣзкія отношенія въ виду войны со Швеціей; далѣе, у Анны Іоанновны, несмотря на ея вмѣшательство въ польскія дѣла изъ за возведенія въ короли Станислава Лещинскаго и изъ-за замѣны его Августомъ III, несмотря и на опасное столкновеніе съ французами подъ Гданскомъ, не находилось въ сущности времени мѣшать Польшѣ проявлять религіозную нетерпимость; наконецъ, и при Елисаветѣ отношенія къ Пруссіи, семилѣтняя война—все это также не давало возможности ссориться съ поляками[1]). Больше всѣхъ изъ названныхъ государей въ защиту диссидентовъ все же сдѣлалъ Петръ I. Онъ, по жалобѣ епископа бѣлорусскаго Сильвестра Четвертинскаго, обратился къ королю съ требованіемъ назначить коммиссію „для освидѣтельствованія обидъ и полученія за нихъ удовлетворенія“, причемъ въ число коммиссаровъ потребовалъ принять и русскаго переводчика при посольствѣ въ Варшавѣ, Игнатія Рудаковскаго, и монаха изъ Заиконоспасскаго монастыря, учителя Іустина Рудинскаго; на случай отказа короля въ этомъ Петръ велѣлъ своему послу въ Варшавѣ, чтобы онъ объявилъ „сенаторамъ и министрамъ польскимъ всѣмъ съ яснымъ представленіемъ, что если удовлетворенія не послѣдуетъ, то будемъ принуждены сами его искать“[2]). Но въ короткій срокъ нельзя было добиться многаго этою даже мѣрою, особенно при обиліи другихъ дѣлъ; преемники же Петра, обладавшіе меньшими си-

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVI, стр. 160.

[2]) Соловьевъ, т. XVIII, стр. 80 и 81.

лами, поглощенные, какъ мы видѣли, мелкою злобою дня, не возобновляли его требованій и ограничивались только дипломатическими представленіями, къ которымъ польскіе сеймы относились вполнѣ равнодушно.

Иначе рѣшилась поставить вопросъ о диссидентахъ Екатерина II, сперва имѣя въ виду только исполненіе завѣщаннаго ей исторической традиціей. „Въ защитѣ православныхъ въ Польшѣ, читаемъ мы у Соловьева, была особенно заинтересована слава императрицы, ибо легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести на народъ покровительство, оказанное единовѣрцамъ, и покровительство, увѣнчавшееся небывалымъ успѣхомъ. Выигрывая необыкновенно въ расположеніи собственнаго народа этимъ народнымъ подвигомъ, получая черезъ него, такъ сказать, вторичное, закрѣпляющее всѣ права вѣнчаніе русскою, православною государынею, что для Екатерины было такъ важно, она не могла быть равнодушна и къ той славѣ, которую должны были протрубить вожди общественнаго мнѣнія на западѣ, къ славѣ побѣдительницы фанатизма, нетерпимости, къ славѣ государыни, которая прекратила религіозное гоненіе, возвратила спокойствіе и гражданскія права людямъ, лишеннымъ ихъ вслѣдствіе религіозной нетерпимости народа, живущаго подъ сильнымъ вліяніемъ ненавистнаго католицизма“ [1]). Сама императрица такъ высказалась по поводу диссидентскаго дѣла въ рескриптѣ, данномъ посламъ въ Польшѣ, Кейзерлингу и Репнину, 5 апр. 1764 г., т. е. тотчасъ послѣ смерти Августа III, въ періодъ междуцарствія: „Излишне описывать здѣсь извѣстное вамъ самимъ дѣло утѣсненія въ Польшѣ нашихъ единовѣрныхъ и прочихъ диссидентовъ. Кто не вѣдаетъ, что одни и другіе равно подвержены гоненію римскаго духовенства, которое не только безъ остатка почти похитило всѣ имъ законами и многими привилегіями дозволенныя епархіи, монастыри и церкви, но и до того еще властію и пронырствомъ своимъ довело, что знатная часть согражданъ, такъ сказать, изъ сообщества отринуты за то одно, что исповѣдываютъ законъ другой. Но пока еще сіе зло вовсе не окоренится, то дабы нынѣшній

[1]) Соловьевъ, т. XXVI, стр. 160—161.

междуцарствія случай не упустить втунѣ, повелѣваемъ мы вамъ на основаніи даннаго вамъ обоимъ общаго нашего наставленія, какъ нынѣ при сеймѣ конвокаціи, такъ и впредь при сеймѣ коронаціи, употребить всевозможное стараніе ваше, дабы, какъ собственные наши единовѣрцы, такъ и прочіе диссиденты, обязанные между собою ко взаимной оборонѣ формальнымъ актомъ 1599 г., во всѣ прежнія свои права и преимущества точнымъ и яснымъ закономъ возстановлены, да и для переду какъ въ персонахъ и имѣніяхъ своихъ, такъ и въ принадлежащихъ имъ епархіяхъ, монастыряхъ и церквахъ отъ всякихъ нападковъ римскаго духовенства охранены и прежде отнятыя, сколько возможно, имъ возвращены были". Затѣмъ 17 октября того же 1764 года Екатерина писала Репнину: „мнѣ остается рекомендовать вамъ всего болѣе два дѣла: дѣло о диссидентахъ и дѣло о границахъ; *моя слава* заинтересована въ обоихъ, *помните это*, оба дѣла въ вашихъ рукахъ, дѣйствуйте согласно съ указами и инструкціями". И такое настроеніе императрицы не проходило и въ слѣдующіе затѣмъ годы. Послѣ неудачи диссидентскаго дѣла на сеймѣ 1766 г. она вновь писала Репнину: „достоинство наше и истинные ввѣренной намъ отъ Бога имперіи интересы требуютъ привести единожды къ желаемому окончанію толь явно и торжественно начатое дѣло [1]).

Очевидно, такимъ образомъ, что Екатерина II, руководимая мыслью о славѣ и популярности, считала нужнымъ не останавливаться ни передъ какими средствами для достиженія успѣха по диссидентскому дѣлу, переданному ей исторической традиціей. При такомъ образѣ дѣйствій русскаго правительства и при постановкѣ вышеотмѣченныхъ цѣлей, естественно, всякое сочувствіе Россіи было обезпечено со стороны угнетенныхъ диссидентовъ и особенно со стороны диссидентовъ православныхъ: желанія ихъ совпадали съ желаніями императрицы Екатерины.

Но энергичность мѣръ, какія, на основаніи приведенныхъ указаній императрицы, должны были быть приняты въ Польшѣ княземъ Репнинымъ для оказанія вліянія на польскій сеймъ,

[1]) Соловьевъ, т. XXVII, стр. 195.

была обусловлена еще и цѣлымъ рядомъ другихъ обстоятельствъ и прежде всего, конечно, желаніемъ Панина ввести Польшу въ число державъ которыя должны были пристать по его проекту къ задуманному имъ „сѣверному аккорту". Это то послѣднее желаніе вице-канцлера по необходимости, какъ увидимъ, должно было нѣсколько видоизмѣнить и характеръ требованій русскаго правительства относительно диссидентовъ да и вообще отношенія его къ польскому правительству.

Такъ какъ прежде всего сѣверный аккортъ, какъ и всякій международный союзъ, предполагался быть вѣчнымъ и непоколебимымъ, то, понятное дѣло, и существованіе всѣхъ государствъ, въ него вступавшихъ, а въ томъ числѣ и Польши, предполагалось вѣчнымъ и непоколебимымъ. Сочлены союза должны бы были поэтому отрѣшиться отъ удерживанія Рѣчи Посполитой на томъ гибельномъ пути, на какомъ она пребывала при сохраненіи не только *liberum veto*, которымъ пріостанавливалось рѣшеніе того или другаго вопроса на сеймѣ, но и при оставленіи *liberum rumpo*, санкціонировавшаго срываніе всего сейма, не исключая рѣшенныхъ уже на немъ единогласно дѣлъ. Другими словами, активнымъ членамъ „аккорта" надо было думать не объ оставленіи Польши въ летаргическомъ состояніи, на чемъ особенно настаивалъ Фридрихъ II, а о превращеніи ея въ государство, могущее въ случаѣ надобности стать активнымъ союзникомъ. Панинъ полагалъ, что, допустивъ тамъ введеніе большаго порядка въ отправленіи правосудія и въ устройствѣ торговли и внутренней полиціи, а также дозволивъ увеличить численность войска хотя бы на 10,000 человѣкъ, указанная цѣль была бы достигнута. Въ частности, по отношенію къ Россіи Панинъ разсчитывалъ сдѣлать такимъ образомъ Полѣшу пригодною для того, чтобы она хотя бы отчасти могла возмѣстить, въ случаѣ войны съ Портою, потерю, которую Россія почувствуетъ, лишившись искренней помощи Австріи, приставшей къ бурбонскому союзу. Съ другой стороны ему казалось, что подобныя частичныя реформы не могли бы превратить Польшу въ государство, могущество котораго стало бы грознымъ для ея сосѣдей, такъ какъ послѣдніе своимъ согласнымъ и одинаковымъ образомъ дѣйствій въ отношеніи респуб-

лики всегда могли бы сохранить значительную долю участія въ управленіи ею[1]). Сама императрица Екатерина, склонявшаяся къ политическимъ воззрѣніямъ Панина, готова была уже дать согласіе на такое отношеніе къ внутреннимъ дѣламъ Польши. Долго на нее не дѣйствовали никакія внушенія Фридриха II въ противоположномъ духѣ, тѣмъ болѣе, что своимъ согласіемъ на измѣненіе конституціи въ Польшѣ она могла бы привести въ искреннюю радость своего недавняго любимца, короля Станислава Понятовскаго, достигшаго своего высокаго положенія благодаря ей. Но тѣмъ не менѣе вскорѣ императрица взяла назадъ свое согласіе дозволить реформы въ Польшѣ. Къ этому она была склонена Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, котораго назидалъ стоявшій не у дѣлъ канцлеръ Бестужевъ. Прусскій посолъ въ Петербургѣ, Сольмсъ, державшійся обыкновенно въ сторонѣ отъ Бестужева, по желанію Фридриха II, на время измѣнилъ свои отношенія къ прежнему дипломатическому свѣтилу—и добился относительно Польши того, чего желалъ король[2]).

Послѣ такого рѣшенія вопроса о реформахъ въ Польшѣ, конечно, русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Репнинъ, не могъ пропустить ни одной попытки со стороны поляковъ замѣнить единогласныя рѣшенія дѣлъ на сеймѣ рѣшеніями по большинству голосовъ, разъ только эти попытки касались чего-нибудь существеннаго. Такъ, когда Чарторыйскіе, дяди короля, на сеймѣ 1766 г. прочли проектъ относительно рѣшенія на сеймахъ финансовыхъ дѣлъ, причемъ въ проектѣ было сказано, что всѣ финансовыя дѣла должны всегда рѣшаться большинствомъ голосовъ, не исключая изъ финансовыхъ дѣлъ и наложенія новыхъ податей, то Репнинъ вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ Бенуа заявилъ лично Чарторыйскимъ, что большинство голосовъ можетъ быть допущено только при распоряженіи опредѣленными уже доходами, а не при наложеніи новыхъ. Тогда же заявилъ онъ, что и изъ дѣлъ военной коммиссіи только текущія по управле-

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXII. Дипломат. переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ.

[2]) Ibidem.

нію войскомъ могутъ быть рѣшаемы большинствомъ, но никакъ не вопросы объ увеличеніи войска [1]). Вообще такимъ образомъ Репнинымъ была подавлена всякая мысль о возможности сколько нибудь серьезнаго улучшенія польской конституціи.

Какъ ни тяжело было Панину, что не удалось придать „сѣверному аккорту" in spe надлежащую округлость путемъ усиленія Польши, но все же онъ не отказался отъ мысли о союзѣ и рѣшилъ воспользоваться Польшей для цѣлей этого союза, хотя бы и въ томъ разслабленномъ видѣ, въ какой ее ввергло ея liberum rumpo. Онъ задумалъ только еще болѣе поднять значеніе Россіи въ Польшѣ для того, чтобы въ случаѣ надобности собрать разрозненныя силы ея и средства и двинуть ее туда, куда заблагоразсудитъ императрица. И вотъ тутъ-то удобнымъ средствомъ для достиженія подобной цѣли показался диссидентскій вопросъ. Панинъ счелъ нужнымъ при заявленіи полякамъ русскихъ требованій по этому вопросу наибольшее вниманіе обращать на возстановленіе гражданскихъ правъ диссидентовъ, какъ въ видѣ участія въ сеймахъ, такъ и въ видѣ занятія различныхъ должностей въ государствѣ,—сторона же чисто религіозная, защита диссидентовъ отъ притѣсненій католиковъ и уніатовъ, свободное заявленіе ими своихъ вѣрованій—все это хотя и не было вовсе стушевано, однако виднаго значенія въ препирательствахъ русскаго посла съ поляками не занимало; притомъ же на уступки русскому правительству въ дѣлѣ признанія свободы исповѣданій диссидентовъ склонялись, правда въ силу необходимости, самыя различныя партіи въ краѣ, на возвращеніе же гражданскихъ правъ диссидентамъ согласныхъ между поляками не находилось—и оттого дѣло требовало со стороны русскаго посла не только убѣжденій словомъ, но и угрозъ арестами депутатовъ, введенія въ частныя имѣнія непокорныхъ изъ нихъ русскихъ войскъ, вступившихъ въ край еще при избраніи Станислава Понятовскаго въ короли. Смыслъ такихъ настоятельныхъ домогательствъ русскаго правительства относительно гражданскихъ правъ диссидентовъ прекрасно въ

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVII, стр. 186, 187.

Польшѣ понимали. Самъ король писалъ польскому послу въ Петербургѣ, Ржевусскому: „если Россія непремѣнно захочетъ ввести диссидентовъ въ законодательство, то хотя бы ихъ было не много, 10 или 12, все же это будетъ 10 или 12 вождей законно существующей партіи, смотрящей на государство и правительство польское, какъ на врага, противъ котораго она должна необходимо и постоянно искать помощи извнѣ. Я знаю, что это дѣло можетъ мнѣ стоить короны и жизни, я это знаю, но повторяю, что не могу измѣнить отечеству" [1]). У Екатерины, когда ей было пересказано мнѣніе Понятовскаго, нашлось, конечно, что ему возразить, но не въ духѣ ея возраженія въ то же время въ письмахъ къ Репнину высказывался Панинъ. Императрица велѣла отвѣчать Станиславу Августу, что она рѣшительно не понимаетъ, какимъ это образомъ диссиденты, допущенные къ законодательной дѣятельности, будутъ вслѣдствіе этого болѣе враждебно относиться къ государству и правительству польскому, чѣмъ относятся теперь; не понимаетъ она и того, какимъ образомъ король считаетъ себя измѣнникомъ отечеству за то, чего требуетъ справедливость, что составитъ его славу и твердое благо государства [2]). Между тѣмъ Панинъ, ни на мгновеніе не забывавшій „сѣвернаго аккорта", совершенно иначе опредѣлялъ, чего онъ ждетъ отъ предоставленія гражданскихъ правъ диссидентамъ въ Польшѣ. Настаивая на мысли, что, благодаря ихъ присутствію въ сеймѣ, Россія всегда будетъ имѣть въ Польшѣ извѣстное число голосовъ за собою при отстаиваніи своихъ интересовъ, онъ въ то же время не рекомендовалъ Репнину ставить ихъ въ положеніе вполнѣ независимое и мотивировалъ такое свое желаніе тѣмъ, что „при свободѣ вѣры, соединенной съ выгодами свободнаго во всемъ народа", усилятся частые и безъ того побѣги изъ пограничныхъ провинцій нашихъ, да и вообще тѣмъ, что тогда можно будетъ опасаться на счетъ этихъ провинцій, „сходныхъ съ Польшею нравами и обычаями народа". Мысли эти высказаны Панинымъ такъ рельефно въ его письмѣ, которымъ

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVII, стр. 181.

[2]) Ibidem, стр. 182.

опредѣлялась непосредственно вся дѣятельность русскаго посла въ Польшѣ, и притомъ письмо это заключаетъ въ себѣ столько существеннаго по отношенію къ вопросу о религіозной свободѣ диссидентовъ, что для большей наглядности считаемъ нужнымъ привести его здѣсь цѣликомъ. „Надобно совершить диссидентское дѣло, читаемъ въ этомъ письмѣ защитника „сѣвернаго аккорта", не для распространенія въ Польшѣ нашей и протестантской вѣръ, но для пріобрѣтенія себѣ посредствомъ нашихъ единовѣрцевъ и протестантовъ однажды навсегда твердой и надежной партіи съ законнымъ правомъ участвовать во всѣхъ польскихъ дѣлахъ, не по одному теперь испрашиваемому республикой ручательству ея императорскаго величества въ цѣлости конституціи польской, но и вслѣдствіе покровительства диссидентамъ, которое мы себѣ присваиваемъ на вѣчныя времена: какъ слабѣйшая часть въ будущемъ правительствѣ польскомъ, диссиденты будутъ имѣть возможность удерживаться въ немъ только съ нашею помощью. Протестантская религія, обуздывая суевѣрія и сокращая власть духовенства, легко можетъ излишнимъ своимъ въ Польшѣ распространеніемъ вывесть поляковъ изъ невѣжества, въ которомъ они теперь большею частью погружены, и освобожденіемъ отъ невѣжества довести ихъ по ступенямъ до учрежденія новыхъ порядковъ, которые, сосредоточивая въ одно мѣсто всю внутреннюю польскую силу и приведя ее въ большую предъ нынѣшнимъ дѣйствительность, могли бы скоро обратиться въ предосужденіе Россіи, покровительницы протестантовъ въ настоящее время и главной соперницы въ будущее, ибо между политическими обществами ни злоба за претерпѣнный вредъ, ни благодарность за одолженіе мѣста имѣть не могутъ. Относительно нашихъ единовѣрцевъ этого неудобства быть не можетъ; но съ другой стороны, излишне усиливая ихъ такъ, чтобы они сами собой независимо отъ насъ могли держаться въ республикѣ и раздѣлять ея правленіе, подвергаемъ мы себя неудобству въ разсужденіи и безъ того столь частыхъ и великихъ побѣговъ, которые тогда еще болѣе усилятся при свободѣ вѣры, соединенной съ выгодами свободнаго во всемъ народа; тогда можно будетъ

опасаться и на счетъ нашихъ пограничныхъ провинцій, сходныхъ съ Польшею нравами и обычаями народа [1]).

Репнину, какъ извѣстно, не малыхъ хлопотъ стоило проведеніе этихъ требованій русскаго правительства. Кромѣ того, что ему приходилось считаться съ крайнимъ фанатизмомъ поляковъ, затрудненія его увеличивались еще положеніемъ православныхъ въ Рѣчи Посполитой. Представительство тамъ, какъ извѣстно, принадлежало одной шляхтѣ, а гоненія цѣлаго столѣтія или, вѣрнѣе, полутора столѣтія истребили православныхъ шляхтичей или оставили самыхъ бѣдныхъ и по воспитанію неспособныхъ занимать видныя мѣста. Всѣ диссиденты вообще подали Репнину даже просьбу не вводить ихъ въ правительственныя должности опредѣленнымъ числомъ, ибо они не въ состояніи будутъ выносить этихъ должностей, православное же шляхетство не могло выставить ни одного человѣка, котораго можно было бы назначить въ какую нибудь должность. „Я, писалъ Репнинъ, уже нѣсколько времени ищу и нарочныхъ разсылаю, чтобъ ко мнѣ привезли кого-нибудь хотя нѣсколько способнаго, но до сихъ поръ никого не нашелъ, ибо всѣ они сами землю пашутъ и безъ всякаго воспитанія." И вотъ Репнинъ оказывается въ нѣсколько комичномъ положеніи искателя людей шляхетскаго происхожденія, которые бы имѣли право воспользоваться гражданскими правами диссидентовъ, съ такимъ трудомъ отстаиваемыми русскимъ правительствомъ. Въ виду предположенія, что епископу бѣлорусскому даровано будетъ право участвовать въ сеймѣ, Репнинъ сталъ искать въ православныхъ монастыряхъ монаха шляхетской породы, котораго въ случаѣ успѣха въ дѣлѣ добыванія гражданскихъ правъ можно было бы возвести въ санъ бѣлорусскаго епископа вмѣсто не шляхтича Конисскаго. Сперва исканіе это шло по монастырямъ западной Руси, а потомъ, когда сказали Репнину, что шляхтичи Рѣчи Посполитой могутъ находиться въ монастыряхъ гетманщины и Слободской Украины, онъ и туда направилъ свои поиски [2]).

---

[1]) Ibidem, стр. 245—246.

[2]) Ibidem, т. XXVII, стр. 254.

Въ 1767 году гражданскія права диссидентамъ и религіозная свобода были наконецъ Репнинымъ добыты. На сеймѣ означеннаго года принятъ былъ между прочимъ актъ сепаратный, содержавшій въ себѣ вольности и преимущества грековъ оріентальныхъ (т. е. уніатовъ), дизунитовъ (православныхъ) и иныхъ диссидентовъ. По этому акту вѣра католическая сохраняла титулъ *господствующей*; король и королева должны быть непремѣнно римскими католиками, переходъ отъ римско-католической церкви въ иную вѣру есть уголовное преступленіе; всѣ пункты противъ грековъ неунитовъ и диссидентовъ, находящіеся въ конфедераціяхъ и конституціяхъ, отвергаются; церкви греческія неунитскія и костелы диссидентскіе, кладбища, школы, госпитали и всякія строенія, церквамъ и духовенству принадлежащія, вольно чинить, а въ случаѣ обветшанія и пожара, вновь строить, не испрашивая позволенія, и отправлять въ тѣхъ церквахъ богослуженіе съ публичными ходами, не дѣлая однако препятствія римскому богослуженію и процессіямъ. Епископъ мстиславскій, оршанскій, могилевскій, подъ именемъ епископа бѣлорусскаго, управляетъ своею епархіею, какъ римскіе епископы управляютъ своими—безъ всякаго препятствія. Неуниты и диссиденты имѣютъ право заводить типографіи и печатать въ нихъ богослужебныя книги, съ тѣмъ однако, чтобъ не печатали книгъ еретическихъ и въ спорныхъ пунктахъ язвительныхъ и остростью штиля наполненныхъ израженій оберегались. Браки между людьми разной вѣры позволяются; дѣти отъ такихъ браковъ—сыновья воспитываются въ вѣрѣ отцовской, а дочери въ материнской, но дворянству позволяется дѣлать по этому предмету договоръ передъ бракомъ. Греки неуниты и диссиденты не принуждаются къ празднованію католическихъ праздниковъ и къ участію въ католическихъ процессіяхъ. Всѣ церкви и монастыри, неправильно отобранные у грековъ неунитовъ, должны быть имъ возвращены. Для суда въ обидахъ религіозныхъ учреждается обосторонній судъ изъ 17 лицъ: 8 свѣтскихъ римско-католической вѣры и 8 диссидентовъ или грековъ-неунитовъ, а 17-й епископъ бѣлорусскій. Такъ какъ равенство дворянское есть основаніе вольности польской и надежнѣйшее подкрѣпленіе правъ отечества, то гре-

камъ-неунитамъ и диссидентамъ возвращаются всѣ давнія права и преимущества, объявляются они способными ко всѣмъ чинамъ, достоинствамъ сенаторскимъ и министерскимъ, урядамъ коронным и земскимъ, должностямъ трибунальскимъ и коммиссарскимъ, посольствамъ заграничнымъ и сеймовымъ, къ полученію награжденій отъ короля: однимъ словомъ возвращается грекамъ-неунитамъ и диссидентамъ совершенный активитетъ какъ въ гражданскихъ, такъ и воинскихъ чинахъ; также вѣра не можетъ быть препятствіемъ людямъ неунитской и диссидентской религій къ пріобрѣтенію индигената и дворянства. И этотъ актъ, какъ и другія сеймовыя постановленія, былъ утвержденъ и подписанъ $^{13}/_{24}$ февраля уже 1768 года[1]).

Какъ видимъ, диссидентамъ, на основаніи этого постановленія, гражданскія права были возвращены въ довольно широкомъ объемѣ; религіозная свобода ихъ также возстановлялась, хотя хлопоты о ней, очевидно, велись только попутно и Репнинымъ, и Панинымъ. Оставалось, казалось бы, послѣ такихъ благихъ результатовъ почить дипломатамъ на лаврахъ близившагося, по ихъ предположенію, къ осуществленію желаннаго введенія въ „сѣверный аккортъ" польской республики, обезвреженной для Россіи допущеніемъ къ ея законодательству, суду и администраціи православныхъ и иныхъ диссидентовъ. То обстоятельство, что означеннымъ допущеніемъ не могли воспользоваться даже немногіе диссиденты—на первыхъ порахъ ускользало изъ вида людей, занимавшихся бумажными комбинаціями.

Въ виду послѣдняго обстоятельства неудивительно, что всѣ такія легкія построенія сокрушались, по словамъ Соловьева, подъ тяжелыми стопами исторіи.

Панину и другимъ не только не довелось почить отъ дѣлъ послѣ проведенія на польскомъ сеймѣ льготъ для диссидентовъ, но пришлось даже принять участіе въ вершеніи дѣлъ, вовсе ими непредвидѣнныхъ и далеко неудобныхъ по тѣмъ qui pro quo, которыя изъ нихъ вытекали по крайней мѣрѣ для русскаго правительства.

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVII.

Въ томъ же письмѣ, въ которомъ Репнинъ извѣщалъ Панина о достигнутомъ успѣхѣ по диссидентскому дѣлу, въ постскриптумѣ стояло извѣщеніе о возникшей въ Барѣ враждебной королю конфедераціи, избравшей своимъ девизомъ „за вѣру и свободу" и опредѣленно требовавшей уничтоженія недавняго постановленія сейма о диссидентахъ. Чрезъ нѣсколько же дней Репнинъ, вдумавшись въ дѣло, уже съ тревогой писалъ Панину: „трактатъ вновь заключенный и ручательство ея и. в., многимъ трудомъ россійской имперіи добытое, оставимъ ли мы теперь безъ дѣйствія, и не коснулось бы то до чести, достоинства и славы Россіи, если бы мы при самомъ заключеніи сего трактата смотрѣли спокойно на предпріятія, чинящіяся противъ всѣхъ сихъ нашихъ положеній" [1]). О необходимости „разсыпать собирающуюся въ Барѣ тучу" употребленіемъ на то стоящихъ въ Польшѣ войскъ твердилъ и Панинъ. Наконецъ и перепуганный конфедераціей польскій сенатъ 27 марта рѣшилъ просить всероссійскую императрицу, какъ поручительницу за свободу, законы и права республики, обратить свои войска, находящіяся въ Польшѣ, на укрощеніе мятежниковъ. Послѣ этого войска русскія двинулись противъ конфедератовъ—но усмиреніе достигнуто было очень не скоро.

Къ неожиданному для Репнина и Панина бунту конфедератовъ-католиковъ, которыхъ надо было усмирять, чтобы поддержать въ цѣлости предполагаемую союзницу Россіи противъ Турціи,—Польшу, при столь деликатныхъ обстоятельствахъ для судьбы сѣвернаго аккорта, вдругъ присоединяется коліивщина. Извѣрившіеся въ силу польскихъ сеймовыхъ постановленій и даже мало ихъ знавшіе крестьяне Кіевщины открыто подняли знамя бунта, не разбирая разницы между барскими конфедератами и поляками, стоявшими за постановленія сейма и короля. Крайнія неистовства конфедератовъ надъ православными были тѣми искрами, которыя зажгли это пламя. Имѣя предъ собой это неожиданное проявленіе со стороны только что защищенныхъ „диссидентовъ", Репнинъ приходилъ въ страшное негодованіе—

[1]) Соловьевъ, т. XXVII.

и по мысли его Россія должна была усмирить и этихъ враговъ республики, тѣмъ болѣе, что своимъ бунтомъ какъ разъ послѣ установленія новаго закона по отношенію къ диссидентамъ они нѣкоторымъ образомъ дискредитировали его дѣло и шли путемъ очень прямымъ и нерекомендованнымъ къ защитѣ своихъ правъ. Отсюда-то и участіе русскихъ войскъ въ усмиреніи гайдамацкаго движенія 1768 года, несмотря на то, что „дѣло это имѣло видъ, по словамъ мемуариста Мощинскаго, какъ будто бы оно произошло по наущенію русскаго правительства“ [1]).

Такимъ то образомъ разъясняется поставленный нами въ началѣ главы вопросъ—почему русскіе дѣятели второй половины XVIII в. сочли нужнымъ собственными силами задавить гайдамацкое движеніе, разъ оно возникло изъ за тѣхъ же диссидентскихъ правъ, которыя защищало не безъ успѣха въ польскомъ сеймѣ правительство Екатерины II.

Мы видимъ, что тогдашніе руководители русской политики разсматривали отношенія западно-русскаго населенія къ Рѣчи Посполитой сквозь призму теоріи „сѣвернаго аккорта“, при осуществленіи котораго диссиденты должны выступить не бунтовщиками противъ польскаго правительства, а дѣятелями въ легальныхъ условіяхъ государства, въ составъ котораго входили. Видимъ мы далѣе также и то, что даже въ 1768 году казалось возможнымъ Панину, Репнину и др. ради всякихъ цѣлей поддерживать Польшу, какъ государство, что мысль о раздѣлѣ ея вовсе не была еще формулирована и не обрѣла надлежащей конкретности. При такихъ же условіяхъ у названныхъ дѣятелей не могли вызывать сочувствія стремленія коліевъ, ненавидѣвшихъ Польшу и думавшихъ, если не о ея разгромленіи, то, по крайней мѣрѣ, о вызволеніи себя и своего края изъ ея государственныхъ рамокъ.

Уяснивъ такимъ образомъ взгляды, которыми руководились русскіе дѣятели въ Петербургѣ и Варшавѣ по отношенію къ диссидентамъ и колівщинѣ, мы должны отмѣтить еще отношеніе

---

[1]) Adam Moszczinski. Pamiętnik, стр. 135.

къ тому же другихъ русскихъ людей, которымъ по ихъ положенію пришлось столкнуться съ коліями въ непосредственной близи, и прежде всего намъ важно отмѣтить отношеніе къ коліивщинѣ графа П. А. Румянцева, малороссійскаго генералъ-губернатора и президента малороссійской коллегіи.

Графу Румянцеву, какъ правителю лѣвобережной Украины и Запорожья, нельзя было остаться вполнѣ безразличнымъ къ происходившему въ пограничныхъ польскихъ провинціяхъ, тѣмъ больше, что въ значительной части провинціи эти въ церковномъ отношеніи были подвѣдомственны переяславскому епископу, съ которымъ имѣли непрестанныя сношенія. Сноситься по дѣламъ вѣры православному населенію Кіевщины съ ихъ духовнымъ пастыремъ Румянцевъ не имѣлъ основаній препятствовать, даже въ годы усиленнаго преслѣдованія такихъ сношеній уніатскимъ митрополитомъ Володкевичемъ и его официалами, Мокрицкимъ и др. Не считалъ генералъ-губернаторъ нужнымъ въ чемъ бы то ни было мѣшать и игумену Матронинскаго монастыря Мельхиседеку Значко-Яворскому (русскому подданному) быть дѣятельнымъ правителемъ украинскихъ православныхъ церквей и даже возстановителемъ тамъ православія. Но вотъ буря коліивщины охватила Украину и Румянцеву пришлось прежде всего столкнуться съ польскими панами, бѣжавшими на лѣвый берегъ Днѣпра отъ преслѣдованій коліевъ. Румянцеву пришлось тогда дать убѣжище этимъ людямъ, какъ подданнымъ сосѣдняго дружественнаго государства[1]). Но вскорѣ онъ былъ смущенъ слухами о царскомъ указѣ, на основаніи котораго будто бы коліи поднялись на защиту вѣры, и хотя онъ и отправилъ противъ гайдамакъ, дѣйствовавшихъ вблизи границы, командира карабинернаго полка, Протасьева, съ значительнымъ отрядомъ, но сомнѣвался въ соотвѣтствіи своего распоряженія съ волею императрицы, что и выразилъ въ особомъ донесеніи въ Петербургъ, прося разъясненій на счетъ слуховъ о царскомъ указѣ[2]). Когда же Екатерина издала свой манифестъ отъ 12 іюля 1768 г. въ

[1]) Переписка Румянцева. „К. Ст.“ 1882 г., кн. 9-я, стр. 539.
[2]) Ibidem, стр. 541.

опроверженіе мнимой царской или золотой грамоты, сомнѣнія Румянцева окончились. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ счелъ уже нужнымъ дозволить подвѣдомственному ему карабинерному полку дѣйствовать не только на границѣ, но и далеко отъ послѣдней уже въ цѣляхъ усмиренія бунта въ чужой странѣ. Но это послѣднее могло быть допущено Румянцевымъ, очевидно, только въ силу особыхъ инструкцій изъ Петербурга. Тѣ или другія мѣры Румянцевъ, какъ видимъ, принималъ, или сообразуясь съ общимъ смысломъ полученныхъ имъ полномочій, или по непосредственнымъ указаніямъ изъ Петербурга. Самостоятельнаго взгляда на все дѣло движенія въ Украинѣ онъ не высказывалъ да, быть можетъ, и не имѣлъ. Только послѣ того, какъ ради смотра подвѣдомственныхъ ему войскъ онъ побывалъ въ Переяславѣ и свидѣлся тамъ съ епископомъ Гервасіемъ Линцевскимъ и съ игуменомъ Мельхиседекомъ Значко-Яворскимъ, а сверхъ того, когда онъ ближе ознакомился и съ гайдамацкимъ движеніемъ, онъ рѣшился высказать Панину свои воззрѣнія на все дѣло усмиренія коліевъ. Въ письмѣ своемъ къ вице-канцлеру онъ между прочимъ писалъ: „Опубликованный манифестъ (9 іюля 1768) хотя произвелъ въ жителяхъ желаемое дѣйствіе, но гайдамаковъ не престаютъ они признавать за прямыхъ своихъ избавителей отъ несноснаго имъ ига польскаго, въ разсужденіи принужденія вѣры, и жидовскаго, по тягостнымъ ихъ сборамъ, истощающимъ силы ихъ и, какъ они говорятъ, самою изъ нихъ выжатою кровію обогащавшихся. Та и другая тягость, удручавшая ихъ несказанно, отмщевалась рукою ихъ полякамъ и жидамъ при настоящемъ случаѣ. Въ такомъ сихъ жителей положеніи, когда въ сердцахъ ихъ распространилась и усилилась горячность къ благочестію (православію), если отнять ихъ въ томъ свободу и, удаливъ надежду, которую они полагаютъ въ покровительствѣ высочайшемъ ея императорскаго величества, подвергнуть ихъ состоянію тому жъ, что и были, то я ваше сіятельство предувѣряю о слѣдствіяхъ непріятныхъ.... Я не ручаюсь и за всѣхъ здѣшнихъ жителей, чтобъ нѣкоторые изъ толпы на сіи, по ихъ разумѣнію законные, подвиги въ томъ случаѣ себя не опредѣлили; я примѣтилъ уже тайную молву, будучи въ Переяславѣ,

въ живущихъ близъ границы, что они равно польскимъ жителямъ думаютъ о гайдамакахъ" [1]).

Конечно, такой взглядъ на дѣло не могъ вызвать сочувствія Панина, проникнутаго идеями европейскаго равновѣсія и въ частности идеей сѣвернаго аккорта. Отвѣтъ Панина на приведенное письмо Румянцева не дошелъ до насъ, но изъ слѣдовавшаго за нимъ новаго письма Румянцева мы видимъ, что вице-канцлеръ раскрылъ предъ Румянцевымъ всю ширь своихъ идей, которымъ послѣдній обязательно долженъ былъ подчиниться. „Ваше сіятельство, писалъ Румянцевъ, въ особѣ государственныхъ дѣлъ правителя показали мнѣ верховность своего просвѣщенія содѣяніями, относящимися къ наибольшимъ между великими, столько же и превосходства въ дружеской для меня откровенности, снисходительности и усердія. Я сіи начертанія сохраню какъ поученія мудрости, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе для меня, что я, онымъ слѣдуя, безпечнымъ останусь отъ всякаго претkновенія". Отъ высказаннаго же раньше мнѣнія своего Румянцевъ безъ затрудненія отдѣлался нѣсколькими словами. „Изъясню я вашему сіятельству, что мои примѣчанія, на которыя мнѣ отвѣтствуете, касательно до религіи и состоянія взволновавшихся польскихъ крестьянъ, были только гадательныя, а не положительныя; смѣшанная тамъ моя идея простиралась токмо по воззрѣнію на обстоятельства наружныя такъ пограничныхъ жителей польскихъ, яко и изъ предосторожности сосѣда другаго, который явно уже обнажается теперь въ своихъ намѣреніяхъ" [2]).

Склониться впрочемъ къ образу дѣйствій, вытекавшему изъ идей Панина, было тѣмъ легче для Румянцева, что съ главными силами гайдамакъ къ тому времени было уже покончено и исправить дѣла прекращеніемъ преслѣдованія остатковъ уже было нельзя. Что же касается до наказаній, опредѣлявшихся тѣмъ гайдамакамъ, которые, какъ русскіе подданные, были судимы въ Кіевѣ, то наказанія эти, особенно сравнительно

---

[1]) Переписка Румянцева. „К. Стар.", 1882 г., кн. 10, стр. 112.

[2]) Ibidem, стр. 116.

съ наказаніями, выпадавшими на долю гайдамакъ польскаго подданства, были по тому времени довольно умѣрены. Въ указѣ отъ 24 іюля 1768 г., присланномъ и Румянцеву, и въ кіевскую губернскую канцелярію изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, читаемъ: „I. Тотчасъ по полученіи сего указа произвесть надъ помянутыми (въ началѣ указа) запорожцами[1]) надлежащій судъ, который однакожъ весьма скоро оконченъ быть долженъ. II. Въ судѣ положивъ на мѣрѣ формальный приговоръ на основаніи законовъ,—ибо колодники, будучи взяты съ ружьемъ въ рукахъ противъ войскъ ея императорскаго величества, не могутъ, конечно, оправдаться ни въ бунтовничьемъ супротивленіи волѣ и оружію ея величества, ни въ разнообразныхъ въ Польшѣ произведенныхъ варварствахъ, когда они на самомъ дѣлѣ пойманы и слѣдовательно судимы быть должны, яко бунтовщики, нарушители общаго покоя, разбойники и убійцы. III. Когда по симъ уваженіямъ, вслѣдствіе всѣхъ на свѣтѣ законовъ, опредѣлена будетъ смертная казнь, перемѣнить ее, при самомъ исполненіи, въ тѣлесное наказаніе кнутомъ, клеймомъ и вырваніемъ ноздрей, ссылкою въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы“[2]).

Изъ Кодненской книги видно, что далеко не всѣ захваченные русскими войсками, даже съ оружіемъ, подвергались клейменію, вырыванію ноздрей, ссылкѣ и проч. Выше нами уже приведены показанія Олексы Яхименка и Осипа Мытинскаго, взятыхъ въ плѣнъ полковникомъ Протасьевымъ послѣ дѣлъ подъ Богуславомъ и Блощинцами. Въ показаніяхъ этихъ значится, что изъ 500 человѣкъ, уведенныхъ тогда въ Кіевъ, только немногихъ „покнутовали“ и „пошарпавши имъ носы“, отправили въ ссылку, большинство же послѣ годоваго заключенія было отпущено назадъ въ Украину, особенно же если это были не русскіе подданные. Относительно именно такого образа дѣйствій по отношенію къ послѣднимъ гр. Румянцевъ писалъ переяславской кан-

---

[1]) Гайдамакъ смѣшивали съ запорожцами.

[2]) Матеріалы для исторіи колiивщины, Н. И. Костомарова. „Кіев. Стар.“, кн. 8-я, стр. 320 (1882 г.).

целяріи слѣдующее отъ 27 сент. 1768 года: „Всѣхъ преданныхъ къ содержанію при оной полковой канцеляріи польскихъ жителей, взятыхъ вмѣстѣ съ гайдамаками по возмущеніямъ, отъ нихъ въ Польшѣ происходившимъ, та канцелярія имѣетъ нынѣ *освободивъ отправить въ ихъ домы*, но со взятіемъ однакожъ напередъ отъ нихъ присяги, что они, чувствуя сію милость, прямо въ оные возвратятся и будутъ тамъ жить въ тишинѣ и повиновеніи властямъ своимъ; а чтобы ихъ при семъ отпускѣ охранить отъ истязаній помѣщиковъ, кои бы иногда и надъ раскаявшимися прежнее возмущеніе мстить захотѣли, то полковая канцелярія на сей случай дать имъ имѣетъ урядовое отъ себя письменное препровожденіе къ ихъ помѣщикамъ, склоняя послѣднихъ въ ономъ къ прощенію въ преступленіи, отъ буйства и слѣпоты происшедшемъ, въ которомъ отпущаемые признательно раскаиваются и дали клятвенныя предъ Богомъ по себѣ обязательства о всякой отселѣ покорности: *инако же своею мстительностью противиться они будутъ собственному своему интересу, тѣмъ паче, что на отпускъ помянутыхъ сихъ людей не инако, какъ въ сей надеждѣ приступлено* [1]).

Слишкомъ откровенно, конечно, выступаетъ мотивъ приведенной мѣры—желаніе вернуть польскимъ помѣщикамъ Украины утраченныхъ ими рабочихъ и слишкомъ мало, конечно, сдѣлано для охраны отъ истязаній раскаявшихся крестьянъ ихъ помѣщиками. Неудивительно поэтому, что при возвращеніи на Украину бывшіе плѣнные всячески скрывали свою прикосновенность къ бунту, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, не разъ нами помянутый Іосипъ Мытинскій, но это не всегда удавалось и тогда прощеннымъ въ Кіевѣ приходилось идти искупать свои вины въ ужасной Коднѣ.

Въ виду этого можно, кажется, утверждать, что Румянцевъ не проявлялъ большой заботы объ облегченіи участи коліевъ, смыслъ возстанія которыхъ онъ, какъ мы видѣли, такъ прекрасно уразумѣлъ. Уклоненіе отъ суровыхъ мѣръ въ данномъ случаѣ у него было такое же, какъ и у начальниковъ разныхъ

---

[1]) Переписка гр. Румянцева, „К. Ст.“ 1882 г., кн. 10-я, стр. 117—118.

русскихъ отрядовъ, разсѣянныхъ въ Польшѣ. Когда къ этимъ начальникамъ присылались на судъ тѣ или другіе изъ коліевъ, пойманныхъ польскими подъяздами, то они большею частью или освобождали схваченныхъ, какъ это было, напр., съ Мытинскимъ, или ограничивались какою-либо скоропалительностью, не влекшей за собой по тогдашнимъ нравамъ серьезныхъ послѣдствій. Генералъ, напр., стоявшій въ Тульчинѣ, когда привели къ нему, какъ русскаго подданнаго, Никиту Москаля,—прослушавъ о его нападеніи на с. Малинки и о его женитьбѣ на паннѣ Грабовской, ограничился тѣмъ, что собственноручно три раза ударилъ его по лицу. „General, сказано въ документѣ, uderzyl Moskalia w gembe razy trzy y na tym się zakonczilo“. Польскія власти однако этимъ не удовольствовались и оставили Москаля до лучшаго суда подъ арестомъ у себя [1]).

Въ концѣ концовъ, впрочемъ, Румянцевъ, увидѣвъ, что и послѣ подавленія главныхъ гайдамацкихъ силъ все таки оказывалось много плѣнныхъ коліевъ и что возвращать имъ всѣмъ призрачную волю при отсылкѣ помѣщикамъ ни къ чему не ведетъ, вошелъ съ предложеніемъ къ Панину употреблять излавливаемыхъ къ работамъ или разсылать ихъ въ гарнизоны во внутрь государства россійскаго, въ отдаленныя мѣста, „ибо въ Малороссіи употреблять ихъ непрочно“ [2]).

Отказавшись отъ самостоятельныхъ мнѣній о коліивщинѣ и дѣйствуя по указаніямъ Панина, Румянцевъ не съумѣлъ и защитить отъ отдачи подъ судъ переяславскаго архіерея Гервасія Линцевскаго и игумена Матронинскаго монастыря Мельхиседека Значко-Яворскаго, пребывавшаго съ іюля 1766 г. не въ названномъ монастырѣ, а въ Переяславѣ. Извѣстна многотрудная дѣятельность названныхъ лицъ по поддержанію православія въ Украинѣ, по возвращенію изъ уніи многихъ, обращенныхъ въ нее насильно—мірянъ и духовныхъ лицъ. Когда въ періодъ силы коліевъ множество поповъ стало изъ уніи переходить въ православіе, то это послужило поводомъ къ упрекамъ Мельхи-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 590.

[2]) Переписка Румянцева. „К. Ст.“ 1883 г., книга 9 и 10, стр. 269.

седеку и Гервасію въ поддержаніи бунта и въ захватѣ уніатскихъ церквей. Упреки эти были дѣлаемы въ Варшавѣ Репнину, а онъ въ свою очередь, ради поддержанія акта о диссидентахъ, счелъ нужнымъ написать Панину о безправномъ будто бы захватѣ уніатскихъ приходовъ православными попами и о томъ, что Гервасій незаконно привлекаетъ къ себѣ массу уніатскихъ поповъ.

Когда обо всемъ этомъ свѣдалъ Румянцевъ, онъ, еще до уясненія ему Панинымъ общаго хода дипломатическихъ сношеній съ Польшей, счелъ своимъ долгомъ по поводу обвиненій архіерея Гервасія и игумена Мельхиседека отозваться такимъ образомъ: „....какъ всѣмъ вещамъ въ отдаленности можно виды придѣлать иные, совсѣмъ отъ существенныхъ разные, то паче же при настоящемъ случаѣ употребить могли поляки, преобразивъ всякія извѣстія въ пользу своей стороны, ища тѣмъ способомъ удержать въ сей странѣ людей, къ крайнему ихъ неудовольству обращающихся къ вѣрѣ, прежде ими исповѣданной и отъ которой они отведены однимъ насильствомъ и принужденіемъ властей, то потому предразсужденіе ведетъ мысль, что и нашъ посолъ иногда не столь удобно обозрѣть можетъ настоящія дѣйствія, какъ въ отдаленности отъ его пребыванія происходящія[1]). Въ частности объ обвиненномъ Гервасіи Румянцевъ писалъ, что „сей старецъ поведенія свои противъ прибѣгающихъ къ нему уніатскихъ поповъ основывалъ на должности своего пастырства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія“. О Мельхиседекѣ же заявилъ, что подстрекателемъ коліевъ онъ не могъ быть уже потому, что оставилъ Матронинскій монастырь и поселился въ Переяславѣ еще въ маѣ 1766 г., управляя монастыремъ издали[2]).

Но послѣ возраженій Панина Румянцевъ отказался какъ отъ своего взгляда на коліивщину, такъ и отъ защиты невинно обвиненныхъ Гервасія и Мельхиседека. „Я, писалъ онъ Панину, немедленно начну исполнять прибавленныя мнѣ теперь повелѣ-

---

[1]) Переп. Румянцева. „К. Ст.“, 82 г., кн. 10 я, стр. 111.

[2]) Ibidem., стр. 114.

нія о польскомъ шляхетствѣ и крестьянахъ, и столько же наблюденіе имѣть и за поступками архіерея переяславскаго, если бы его не воздержало одно уже повелѣніе ваше, которому сообщеніе противное съ уніатскими попами вовсе пресѣктись можетъ, если ваше сіятельство изволите согласиться, чтобы ихъ ни единаго чрезъ границу въ Переяславъ не пропускать такъ, какъ и пришедшихъ назадъ выслать" [1]).

Утративъ такого защитника, какъ гр. Румянцевъ, Гервасій и Мельхиседекъ очутились въ крайней опасности подвергнуться осужденію за то, что могло быть неудобно только полякамъ,— за усердное поддержаніе православія въ украинской части переяславской епархіи. Репнину могло казаться особенно нелегальнымъ возвращеніе этими дѣятелями въ лоно православной церкви тѣхъ, что были католиками или уніатами въ моментъ утвержденія польскимъ сеймомъ 1767 г. названнаго выше сепаратнаго акта о диссидентахъ. Въ силу этого акта, несмотря на всѣ льготы, имъ обѣщанныя, именно не давалось дозволенія свободнаго перехода къ православію тѣмъ, которые *до* этого времени принуждены были насиліемъ къ уніи или католичеству [2]). Недовольство Репнина такими обращеніями не смягчалось, повидимому, даже тѣмъ, что всѣ или большая ихъ часть были сдѣланы до ратификаціи трактата, послѣдовавшей, какъ мы знаемъ, въ началѣ 1768 г. [3]). Между тѣмъ и архіерей Гервасій, и игуменъ Мельхиседекъ, дѣйствуя такимъ образомъ, никакъ не могли предположить, что идутъ врозь съ русскимъ посломъ. Имъ, не вѣдавшимъ широкихъ проектовъ „сѣвернаго аккорта" и проч., казалось необходимымъ въ виду усилившихся послѣ сейма 1767 г. преслѣдованій православныхъ на Украинѣ со стороны уніатовъ и католиковъ [4]) просить у Репнина еще и вооруженной защиты православному народу, и было имъ очень удивительно, когда и послѣ непосредственныхъ обращеній съ тѣми же просьбами въ Петербургъ, ожидаемыя военныя „команды" не являлись въ

---

[1]) Ibidem, стр. 117.

[2]) Архивъ ю.-з. Россіи. Ч. I. Т. II. Предисловіе Лебединцева, стр. CXVI.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem, стр. CC—CCII.

Украинѣ[1]). Приписывая задержку въ вооруженной помощи случайностямъ, архіерей, когда въ началѣ мая 1768 г. крестьяне с. Жаботина, испуганные движеніемъ на нихъ лютыхъ конфедератовъ, обратились къ нему съ мольбою исходатайствовать имъ у русскихъ властей защиту, счелъ возможнымъ вновь обратиться за этой защитой, но уже не въ Петербургъ, а къ тогдашнему кіевскому генералъ-губернатору Θ. М. Воейкову, управлявшему небольшою частью нынѣшней кіевской губерніи по Васильковъ и такъ называемою Ново-Сербіею, т. е. поселенными между границей польской Украины и Запорожья пикинерными и компанейскими полками и вѣдавшему всѣ пограничныя сношенія съ Польшей[2]). Считая дѣло, о которомъ приходилось просить, до очевидности подлежащимъ вниманію Θ. М. Воейкова, архіерей вновь былъ крайне изумленъ отвѣтомъ, какого требовалъ однако отъ отвѣчавшаго долгъ службы. „Хотя охотно,—значится между прочимъ въ письмѣ кіевскаго генералъ-губернатора архіерею,—желалъ бы я въ томъ (въ защитѣ жаботинцевъ) показать вашему преосвященству удовольствіе, но какъ обстоятельства сего дѣла принадлежатъ до разсмотрѣнія вышнихъ правительствъ, то вразсужденіи того за пристойно нахожу вашему преосвященству представить мой совѣтъ: не соизволите ль по сему дѣлу адресоваться по командѣ въ святѣйшій правительствующій синодъ или въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ“[3]). Но вся очевидность прекраснодушія почтенныхъ пастырей за шумомъ дипломатіи не вызвала отчетливыхъ представленій у многихъ. Не мало содѣйствовало этому исключительное положеніе Матронинскаго монастыря, находившагося въ ихъ вѣдѣніи. Будучи до 1766 года резиденціей игумена Мелхиседека, состоявшаго по назначенію переяславскаго архіерея правителемъ украинскихъ церквей, монастырь этотъ въ періодъ гоненій на православныхъ не могъ не давать у себя пріюта православнымъ попамъ, лишеннымъ „презенты“ и вовсе изгнаннымъ уніатами изъ своихъ приходовъ.

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р. Ч. I. Т. III. №№ CIV и CVI актовъ.

[2]) Ibidem. № CXVI.

[3]) Ibidem. CXVII.

Трудно было бы монастырской братіи затворять двери своей обители и запорожцамъ, нерѣдко являвшимся на Украину для свиданія съ близкими родичами; инокамъ не приходилось разбирать, какими политическими цѣлями могли руководиться приходившіе въ обитель, повидимому, ради религіозныхъ цѣлей; не во власти было братіи устранять и сговоры о защитѣ православія, какіе могли происходить и дѣйствительно иногда происходили между лишенными приходовъ іереями и запорожцами или выдававшими себя за запорожцевъ. Между тѣмъ польскія власти и уніатскіе официіалы иначе смотрѣли на всѣ указанныя обстоятельства, обвиняя Матронинскаго игумена просто въ организаціи гайдамацкихъ сборищъ въ Матронинскомъ лѣсу, окружавшемъ монастырь, тѣмъ болѣе, что одинъ случай указанныхъ выше сговоровъ въ Матронинской обители, именно сговоръ въ началѣ 1767 года, сталъ даже извѣстенъ при разслѣдованіи дѣла священника Гавріила Царика, за православіе лишеннаго прихода и проживавшаго одно время въ Матронинской обители [1]). Репнину, которому доносили польскія власти обо всемъ происходившемъ въ Матронинской обители, казались простымъ отводомъ глазъ заявленія переяславскаго архіерея о несочувствіи насильственнымъ дѣйствіямъ гайдамакъ. Хотя разслѣдованія и обыски, произведенные „осмотрительно“ въ Матронинской обители по распоряженію Румянцева и Воейкова и въ іюнѣ 1768 г. [2]) и затѣмъ въ сентябрѣ того же года [3]) не дали никакихъ подтвержденій обвиненію, тѣмъ больше, что и сама обитель пострадала однажды отъ какихъ то невѣдомыхъ разбойниковъ, тѣмъ не менѣе все же дѣло названныхъ духовныхъ лицъ было доведено до суда. А разъ это случилось, то у обвинителей нашлась и такая улика противъ Гервасія, какъ погребеніе имъ при торжественной обстановкѣ въ переяславской каѳедральной церкви головы сожженнаго поляками и уніатами жителя мѣстечка Мліева Даніила Кушнира, который не хотѣлъ когда то отдать уніатамъ и ихъ свя-

---

[1]) А. Ю.-З. Рос., ч. I, т. II. Предисловіе Лебединцева, стр. CXCI.

[2]) Арх. Ю.-З. Россіи. Ч. I, Т. III. №№ CXXVI и CXXVII.

[3]) Переписка Румянцева. „К. Ст.“ 1883 г., кн. 9 и 10, стр. 262.

щенникамъ священной гробницы, хранившейся сперва въ мліевской церкви и спрятанной имъ Кушниромъ у себя [1]). Въ означенномъ религіозномъ торжествѣ усмотрѣна была поддержка людей, возстававшихъ противъ своихъ властей, а не желаніе поддержать падавшій духъ простыхъ немудреныхъ защитниковъ своей вѣры.

Судъ, конечно, не могъ повести къ признанію обвиненій, взведенныхъ на досточтимыхъ духовныхъ дѣятелей, но все же оба они—и игуменъ Мельхиседекъ, и архіерей Гервасій—были „пристойнымъ образомъ" устранены—первый съ игуменства въ Матронинскомъ монастырѣ, а второй — отъ управленія переяславскою епархіею. Гервасій послѣ этого прожилъ нѣкоторое время на покоѣ въ кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ въ концѣ 1769 года, Мельхиседекъ же сперва былъ игуменомъ въ переяславскомъ монастырѣ, потомъ въ кіевскомъ Выдубецкомъ, далѣе въ лубенскомъ Мгарскомъ, гдѣ получилъ санъ архимандрита, и наконецъ въ глуховскомъ, причемъ одно время состоялъ Кіево-Софіевскимъ каѳедральнымъ намѣстникомъ (то же, что нынѣ каѳедральный протоіерей); умеръ онъ въ 1809 г. [2]). Удаленіе отъ мѣста кипучей дѣятельности, хотя бы даже „пристойнымъ образомъ" для такихъ насадителей духовной нивы, каковы были архіерей Гервасій и игуменъ Мельхиседекъ, являлось тяжелымъ ударомъ судьбы.

Но если такъ трудно было избѣжать недоразумѣній высокопоставленнымъ духовнымъ дѣятелямъ Гервасію и Мельхиседеку, то для людей, вовсе лишенныхъ свѣдѣній о планахъ и намѣреніяхъ дипломатіи, а между тѣмъ стремившихся отдавать себѣ отчетъ во всемъ происходившемъ вокругъ нихъ, почти немыслимо было при искренности душевной не впасть въ рядъ ошибокъ sui generis. И вотъ мы видимъ, что капитанъ русской службы Станкевичъ, состоявшій въ черномъ гусарскомъ полку, подъ предлогомъ вербовки въ гусары людей, набралъ въ Смѣлянщинѣ

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р. Ч. I. Т. II. Акты CXII и CXIX.

[2]) А. Ю-З. Р. ч. I, т. III, №№ CLIX и CLX, а также въ т. II. Предисл. Ѳ. Г. Лебединцева, стр. CCVIII и № CLXX.

отрядъ въ 1000 человѣкъ и сталъ дѣйствовать въ духѣ коліевъ недавней поры. Когда же противъ него былъ посланъ отрядъ поручика ямбургскаго полка Вепрейскаго, то на его выручку двинулась было очень значительная гайдамацкая ватага; только съ большимъ трудомъ удалось Вепрейскому захватить и самого Станкевича, и 200 человѣкъ изъ его отряда [1]). Сочувствіе къ Станкевичу между бродившими вблизи границы гайдамаками было такъ велико, что кіевскій генералъ-губернаторъ торопилъ воинское начальство препроводить Станкевича подъ крѣпкимъ карауломъ въ Кременчугъ изъ опасенія, чтобы не вздумали гайдамаки освободить изъ менѣе укрѣпленной Смѣлы столь важнаго преступника... [2]).

Не стремленіемъ-ли оказать поддержку боровшимся за православіе можетъ быть объясненъ и данный случай и случай съ оберъ-офицеромъ того же чернаго гусарскаго полка Марьяновичемъ, который также готовился стать въ ряды гайдамакъ, причемъ только неосторожнымъ письмомъ къ одному изъ гайдамацкихъ ватажковъ разоблачилъ случайно свои планы двинуться съ гайдамаками къ Могилеву на Днѣстрѣ? Не будь ватажокъ, къ которому онъ писалъ, убитъ въ одной изъ стычекъ съ русскими войсками и не попадись найденное при немъ письмо Марьяновича въ руки русскихъ властей, быть можетъ, послѣдній съигралъ бы ту же роль, что и Станкевичъ.

Наконецъ, не тѣмъ ли же стремленіемъ помочь коліямъ отстоять отъ поляковъ свою вѣру могутъ быть объяснены и частыя удаленія въ ряды бунтовавшихъ русскихъ солдатъ? При этомъ поражаетъ тотъ фактъ, что уходившихъ въ гайдамаки солдатъ бывало очень много, такъ что изъ нихъ исключительно составлялись цѣлыя ватаги. Въ письмѣ къ Панину отъ 19 октября уже 1770 г. Румянцевъ писалъ объ этомъ такъ: „изъ приложеннаго въ копіи репорта ко мнѣ отъ генералъ-поручика фонъ-Эссена ваше сіятельство узнаете, сколько новые злодѣи изъ са-

---

[1]) Переписка Румянцева. К. Ст. 1883 г., книжки 9 и 10, стр. 266.

[2]) Матеріалы для исторіи коліивщины, Костомарова. Кіев. Ст. 1882 г., книга 8-я стр. 321.

михъ нашихъ войскъ на Побережьѣ (?) польскомъ возстаютъ; сіи грабители опаснѣе быть могутъ самого непріятеля, ибо они, подъ именемъ своихъ вездѣ пройтить могутъ и разорять..." [1]).

Но если планы Панина о „сѣверномъ аккортѣ," съ которыми были сопряжены и мысли о поддержаніи Польши, оказались причиной невзгодъ для многихъ русскихъ людей, иначе, чѣмъ Панинъ, понимавшихъ отношенія свои и къ Польшѣ, и къ ея православному южно-русскому населенію, то не привели они къ удачѣ и въ широкой сферѣ международныхъ отношеній. Турція не думала, конечно, дожидаться, пока изъ Польши, поддержанной и укрѣпленной, Панинъ создастъ надежную союзницу Россіи, и, сочтя гайдамакъ Желѣзняка, налетѣвшихъ въ іюнѣ 1768 г. на Балту и ограбившихъ турецкихъ подданныхъ, за людей, поддерживаемыхъ Россіей, посадила русскаго посла при своемъ дворѣ, Обрѣзкова, въ семибашенный замокъ и тѣмъ объявила Россіи войну, которою давно грозила, боясь захвата ею безсильной Польши.

Я. Шульгинъ.

[1]) Переписка Румянцева, К. Ст. 1883 г., кн. 9 и 10, стр. 778.

Сынъ Гетмана.[1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

Часть третья.

ВѢРНЫЙ СОЮЗНИКЪ.

ГЛАВА I.

СБОРЫ ВЪ ПОХОДЪ.

Полковники Носачъ и Пушкарь медленно возвращались на Украйну и, переправившись черезъ Днѣстръ, остановились отдохнуть въ небольшомъ хуторѣ у знакомаго корчмаря. Они попивали горѣлку и собирались уже ложиться спать, какъ въ ворота корчмы раздался стукъ.

— Гей, отворяй! громко крикнули за воротами.

— Кто тамъ? спросилъ корчмарь.

Ворота отворились сами подъ напоромъ толчковъ, и нетерпѣливые гости въѣхали во дворъ, бросили поводья на руки хозяина и вошли въ корчму.

Козаки подошли къ окну и внимательно всматривались во вновь прибывшихъ.

— Гдѣ-то я этихъ пановъ видѣлъ, сказалъ Носачъ, припоминая.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1890 г. № 7.

А я знаю, гдѣ мы ихъ видѣли, отвѣтилъ Пушкарь. Мы ихъ видѣли въ Яссахъ, въ замкѣ, у господаря.

Незнакомцы, между тѣмъ, вошли въ смежную комнату, отдѣлявшуюся перегородкой, и спросили себѣ пива.

Оба полковника молча покуривали свои люльки и, переглядываясь, слушали болтовню прибывшихъ съ корчмаремъ.

— А что, шинкарь, неспокойно здѣсь у васъ? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— У насъ-то, пане, еще ничего, жить можно, отвѣчалъ тотъ. А вотъ дальше у Каменца, не приведи Богъ, что дѣлается.

— Слышишь, панъ Кутнарскій! обратился спрашивавшій къ своему товарищу.

— А развѣ панамъ нужно до Каменца? спросилъ шинкарь.

— Намъ надо видѣть пана короннаго гетмана, съ важностью проговорилъ Кутнарскій. Если онъ въ Каменцѣ, то и намъ надо туда.

Полковники значительно переглянулись между собою.

— А сильно шалятъ тамъ козаки? продолжалъ допрашивать Доброшевскій.

— Шалили, пане, да теперь ихъ коронный гетманъ скрутилъ. Кого на колъ посадили, кому уши да носы пообрѣзали: вотъ и стало потише.

— Это хорошо! это очень хорошо! замѣтилъ панъ.

— А издалека паны ѣдутъ? освѣдомился корчмарь.

— Издалека, неохотно проговорилъ Кутнарскій.

Разговоръ оборвался. Корчмарь скользнулъ за дверь.

— Панъ Доброшевскій, гдѣ письмо господаря? спросилъ Кутнарскій.

— Здѣсь! отвѣчалъ тотъ, вытаскивая пакетъ изъ-за пазухи.

— Слѣдуетъ зашить его въ шапку; мы теперь на непріятельской землѣ. Есть у пана игла?

— Есть.

— Ну, такъ пусть панъ сдѣлаетъ изъ нея должное употребленіе.

— А что? не говорилъ я пану, прибавилъ Кутнарскій, что наше путешествіе удастся какъ нельзя лучше; хлопы усмирены

и ни одна шельма не осмѣлится напасть на насъ съ паномъ. Панъ гетманъ сидитъ въ своемъ Чигиринѣ и не чуетъ, что мы съ паномъ ѣдемъ къ его заклятому врагу. Пока онъ тамъ соберетъ своихъ воинственныхъ сватовъ, а мы обдѣлаемъ дѣльце. Такъ ли я говорю, пане?

Панъ Кутнарскій говорилъ вполголоса, но полковники отлично все слышали. По мѣрѣ того, какъ панъ Кутнарскій излагалъ свои планы, лица козаковъ становились сумрачнѣе, и когда разговоръ за перегородкой умолкъ, Носачъ тихо поднялся, вышелъ на цыпочкахъ, вызвавъ своего товарища.

— Слышалъ? многозначительно проговорилъ онъ.

— Слышалъ! флегматически отвѣчалъ Пушкарь.

— Треба намъ этихъ пановъ представить до батька, проговорилъ Носачъ.

Пушкарь прошелъ въ сарай, гдѣ корчмарь возился съ лошадьми и молча знаками велѣлъ ему слѣдовать за собой.

— Чего угодно панамъ полковникамъ? освѣдомился тотъ.

— Слушай, пріятель! тихо сказалъ ему Пушкарь. Мы ляжемъ на сѣновалѣ вмѣстѣ съ козаками, ты же позаботишься, чтобы хата, гдѣ ночуютъ паны, на ночь не запиралась; а самъ со своими домашними сгинешь и пропадешь на эту ночь. Понимаешь? За это получишь кошель злотыхъ.

Яцекъ покачалъ головою.

— Паны козаки затѣваютъ опасное дѣло. Какъ бы и мнѣ не пришлось отвѣчать за это? Послы ѣдутъ къ самому коронному гетману.

— А мы ѣдемъ къ самому гетману запорожскому, съ усмѣшкою отвѣчалъ полковникъ. Если тебѣ панъ коронный гетманъ милѣе, держись за него, попробуешь нагайки нашего гетмана.

Яцекъ поежился.

— Паны полковники не выдадутъ меня? спросилъ онъ.

— Какая намъ неволя тебя выдавать; намъ не до тебя, у насъ свои дѣла, съ усмѣшкой отвѣчалъ козакъ, только самъ не лѣзь и не попадайся на глаза, чтобы ни духу, ни слуху твоего не было сегодня ночью. Понялъ? спросилъ онъ его.

— Понялъ! покорно отвѣчалъ Яцекъ, принимая отъ него кошель съ деньгами.

Притомившись съ дороги, паны крѣпко спали, какъ вдругъ пану Доброшевскому показалось, что его схватили нѣсколько паръ дюжихъ рукъ. Полагая, что онъ видитъ дурной сонъ, онъ пробормоталъ про себя какую то молитву, но кошмаръ не пропадалъ, напротивъ руки его еще сильнѣе сжали, онъ лежалъ какъ въ тискахъ, чувствуя, что его опутываютъ веревками.

— Панъ Кутнарскій! крикнулъ онъ, что было мочи. Въ тоже мгновеніе онъ почувствовалъ, что сильная рука схватила его за горло.

— Молчать, вражій сыне! крикнулъ грозный голосъ надъ самымъ его ухомъ.

— Матерь Божія, спаси и помилуй! мысленно проговорилъ Доброшевскій, не смѣя открыть рта.

Кутнарскій былъ ужъ приторочень къ сѣдлу и находился въ полной увѣренности, что попалъ въ руки гайдамакамъ.

— Батько! мы тебѣ подарокъ привезли! весело сказалъ Носачъ, входя въ скромную хату гетмана.

Богданъ сурово взглянулъ на него.

— Что толку въ вашихъ подаркахъ, угрюмо отвѣчалъ онъ, когда вы дѣла не сдѣлали.

— Съ этимъ господаремъ каши не сваришь, возразилъ полковникъ. Онъ, какъ ужъ, скользитъ между пальцами; обѣщаетъ одно, а дѣлаетъ другое. Надо ему дать пороху понюхать, да козацкой сабли попробовать. А что онъ обманщикъ, на это у насъ есть доказательство: прихватили мы по дорогѣ двухъ плѣнниковъ. Вотъ прочти-ка грамотку, что они везли къ коронному гетману, да разспроси ихъ хорошенько.

Носачъ подалъ гетману толстый пакетъ съ большою восковою печатью, на ней красовалась бычачья голова—молдавскій гербъ.

По мѣрѣ того, какъ гетманъ читалъ грамоту, лицо его становилось грознѣе, наконецъ, въ гнѣвѣ онъ бросилъ бумагу на полъ.

— Дерзкій обманщикъ! крикнулъ онъ. Я ему покажу, какъ предавать меня въ руки короннаго гетмана! Позвать пословъ! Я самъ допрошу ихъ, а потомъ велю казнить, пусть знаетъ Лупулъ, что не ждать ему отъ меня теперь ничего хорошаго.

Носачъ отдалъ приказаніе двумъ козакамъ, дежурившимъ у дверей, и черезъ нѣсколько минутъ въ комнату ввели дрожащихъ пановъ. Тимошъ вошелъ вслѣдъ за ними.

Начался допросъ. Панъ Кутнарскій подробно разсказалъ о возложенномъ на него порученіи, о пребываніи въ Яссахъ Димитрія Вишневецкаго и о намѣреніи господаря отдать за него дочь.

— Ну, панове! съ усмѣшкою обратился Хмельницкій къ посламъ, выслушавъ ихъ, благодарю за сообщенныя свѣдѣнія, а теперь не угодно ли будетъ панамъ познакомиться съ палачемъ.

Паны упали въ ноги гетману.

— Пусть смилуется панъ гетманъ! мы не виноваты, мы послы, что приказано намъ передать, то мы и должны исполнить! въ страхѣ молилъ Кутнарскій, хватая гетмана за полы его кафтана.

— Татко! проговорилъ Тимошъ, подходя къ отцу, не надо ихъ казнить. Подержимъ ихъ у себя, чтобы они не ушли къ коронному гетману, а когда пойдемъ на Яссы, прихватимъ и ихъ съ собою, пусть ихъ идутъ тогда до дому; что намъ ихъ бояться?

— Твое дѣло, сынку! весело отвѣчалъ Богданъ. Дарю тебѣ ихъ съ руками и ногами, что хочешь, то съ ними и дѣлай.

Кутнарскій бросился благодарить Тимоша, а Доброшевскій проговорилъ своимъ обычнымъ гробовымъ голосомъ:

— Панъ Тимошъ можетъ всегда разсчитывать на меня, я никогда не забуду, что обязанъ ему жизнью.

Начались сборы въ походъ. Хмельницкій далъ знать татарамъ. Султанъ Калга велъ въ это время переговоры съ гетманомъ о войнѣ съ Москвою, и двадцать тысячъ татаръ стояли на границѣ Украйны, съ нетерпѣніемъ ожидая возможности двинуться въ походъ.

Вечерѣло. Въ уютномъ чигиринскомъ домикѣ сидѣлъ Тимошъ съ высокимъ смуглымъ татариномъ въ богатомъ парчевомъ кафтанѣ и золотой тюбетейкѣ. Это и былъ султанъ Калга, прибывшій наканунѣ для окончательныхъ переговоровъ.

— Слушай, Тимошъ! говорилъ Калга. Ты знаешь, что собственно говоря я долженъ сердиться на тебя. Я принялъ тебя къ себѣ въ домъ, какъ роднаго, а ты сгубилъ Зелиму; она была мнѣ родною дочерью.

— Я ужъ говорилъ тебѣ, отвѣчалъ Тимошъ, что самъ въ этомъ раскаяваюсь. Она мнѣ часто грезится, и мнѣ становится страшно, когда я вспомню, какъ она на меня смотрѣла въ послѣдній разъ здѣсь, въ Чигиринѣ.

— И ты не видалъ ее послѣ того? спросилъ Калга.

— Ни разу! она какъ въ воду канула.

— Ну, что дѣлать! со вздохомъ проговорилъ султанъ. Я обѣщалъ твоему отцу сражаться съ тобою за твою невѣсту и сдержу свое слово, на все воля Аллаха. Моимъ воинамъ давно ужъ хочется захватить побольше добычи, а у господаря будетъ чѣмъ полакомиться; одного только боюсь, чтобы не досталось намъ за это отъ турецкаго султана. Ну, да можно будетъ какъ нибудь вывернуться, а добыча все таки останется нашею, только не раздумывайте долго, а скорѣе собирайтесь въ путь.

— Что тутъ раздумывать, весело отвѣчалъ Тимошъ: мнѣ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а козакамъ не долго собраться.

Въ это время козакъ отворилъ дверь и проговорилъ, обращаясь къ Тимошу:

— Тамъ какая-то козачка спрашиваетъ тебя, говоритъ по важному дѣлу.

— Зови сюда, безпечно отвѣчалъ Тимошъ и, обращаясь къ Калгѣ, прибавилъ: это должно быть къ отцу, онѣ каждый день его безпокоятъ просьбами; а отца нѣтъ, ко мнѣ идутъ.

При этихъ словахъ отворилась дверь, и высокая стройная козачка въ нерѣшительности остановилась у порога. Ея черный блестящій взоръ неподвижно впился въ лицо Калги и тотъ въ изумленіи вскочилъ съ лавки.

— Зелима! проговорилъ онъ.

— Да, господинъ мой, въ волненіи проговорила женщина, падая въ ноги своему воспитателю. Бѣдная Зелима проситъ у тебя мщенія. Я услышала, что ты хочешь идти съ этимъ невѣрнымъ гяуромъ, хочешь помогать ему, хочешь женить его на красавицѣ-молдаванкѣ, я знала, что ты здѣсь, и пришла упасть къ ногамъ твоимъ; вспомни твою названную дочь, вспомни, что этотъ гяуръ погубилъ ее и отомсти за нее.

Она обняла ноги султана, но тотъ съ гнѣвомъ оттолкнулъ ее.

— У меня нѣтъ больше дочери! проговорилъ онъ: я врагъ твой, и отъ меня тебѣ нечего ждать защиты; ты обманула меня, убѣжала отъ меня, когда я хотѣлъ спасти тебя, отдать замужъ, мнѣ теперь нѣтъ до тебя дѣла.

Зелима встала съ сверкающими глазами и гордо выпрямилась.

— Такъ не будетъ же вамъ обоимъ удачи! быстро проговорила она. И не думай, обратилась она къ Тимошу, что сердце прекрасной молдаванки принадлежитъ тебѣ. Я была въ Яссахъ, я жила тамъ все время съ тѣхъ поръ, какъ ты оттуда уѣхалъ. Я видѣла твою красавицу съ другимъ гяуромъ, видѣла, какъ она улыбалась молодому поляку, и душа моя радовалась твоему несчастью. Чтожъ, поѣзжайте въ Яссы, берите ихъ силою, а все таки сердца княжны вамъ не завоевать; сердца гяурскихъ женщинъ измѣнчивы, онѣ цѣлуютъ одного, а думаютъ о другомъ. Иди, счастливый любовникъ! засмѣялась она звонкимъ, рѣзкимъ смѣхомъ: и сражайся за то, что тебѣ ужъ больше не принадлежитъ.

Тимошъ поблѣднѣлъ и хотѣлъ схватить Зелиму за руку.

— Говори скорѣе все, что знаешь! крикнулъ онъ ей.

Но Зелима быстро скрылась за дверь, а Калга удержалъ Тимоша, хотѣвшаго слѣдовать за нею.

— Оставь ее! сказалъ онъ ему: она совсѣмъ сошла съ ума и не знаетъ, что говоритъ.

— Я боюсь, что она права! отвѣчалъ Тимошъ. Плѣнные поляки тоже разсказывали про князя Дмитрія.

— Пустяки! проговорилъ Калга, махнувъ рукою. Дѣвичье сердце принадлежитъ побѣдителю. Мы разгромимъ Молдавію и заставимъ Василія отдать тебѣ его дочь, а когда она будетъ

твоею, то ужъ ты самъ заставишь ее позабыть всѣхъ другихъ жениховъ.

Султану ужъ очень хотѣлось поскорѣе направить свои полчища на богатую страну, тѣмъ болѣе, что Москва ускользала изъ ихъ рукъ, а поляки оказывались ненадежными союзниками. За этими корыстолюбивыми цѣлями Зелима казалась ничтожною песчинкою, о ней не стоило и думать, ею можно было совершенно пренебречь. Хитрый султанъ такъ и сдѣлалъ.

— Ты храбрый воинъ, Тимошъ! проговорилъ онъ, обращаясь къ молодому козаку: я люблю тебя и съ тобою готовъ идти куда угодно. Хоть законъ Магометовъ и не дозволяетъ намъ пить, но съ тобою я хочу на этотъ разъ согрѣшить и выпить походную чарку на побратимство. Мои татары не увидятъ, а твои козаки не осудятъ. Идетъ, что ли? весело проговорилъ онъ, протягивая Тимошу свою лѣвую руку.

Тимошъ въ честь новаго брата крѣпко ударилъ лѣвою ладонью о его ладонь, велѣлъ принести двѣ чарки горѣлки и выпилъ съ Калгою побратимскую черезъ руку, послѣ чего они помѣнялись саблями и конями.

— Теперь мы съ тобою все равно, что братья, проговорилъ Калга: куда ты, туда и я.

ГЛАВА II.

ГРОЗНЫЙ ЖЕНИХЪ.

Въ Молдавіи стояла прекрасная, благодатная осень. Поля дали такой урожай, какого жители давно не видали. Пшеница, кукуруза, ячмень ожидали жатвы; а въ ульяхъ было больше мѣры меду, и счастливые хозяева уже заранѣе видѣли всѣ подати уплаченными. Княжескія житницы, по разсчету великаго вистерника, должны были получить втрое большіе запасы сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, въ виду чего уже заранѣе вступили въ соглашеніе съ княжескими подрядчиками, скупавшими лишній хлѣбъ для вывоза за границу. Князю Василію это было на руку; онъ готовился къ свадьбѣ дочери съ княземъ

Вишневецкимъ и посылалъ въ Турцію богатые подарки, чтобы добиться разрѣшенія на этотъ бракъ.

Вдругъ пронеслась грозная вѣсть, что татары подошли къ границѣ вмѣстѣ съ козаками.

Князь Василій сперва не повѣрилъ слуху; онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что послы его прибыли къ коронному гетману, и Потоцкій не допуститъ козаковъ напасть на Молдавію. Но разъ утромъ, когда онъ не собирался идти въ совѣтъ, къ нему вошелъ взволнованный Георгица.

— Ваша свѣтлость! проговорилъ великій логоѳетъ, позабывъ даже отвѣсить поклонъ, предписываемый этикетомъ; ваша свѣтлость, бѣда!

— Что такое? испуганно спросилъ князь, привставъ съ своего мѣста.

— Кутнарскій и Доброшевскій пріѣхали!

Князь посмотрѣлъ на своего логоѳета такъ, какъ смотрятъ на помѣшаннаго.

— Въ умѣ ли ты, Георгица? спросилъ онъ его укоризненно. Можно ли такъ пугать? Пріѣхали—такъ и слава Тебѣ Господи, значитъ все къ лучшему; коронный гетманъ охранитъ нашу границу.

Георгица съ растеряннымъ видомъ отрицательно моталъ головою. Языкъ не повиновался ему, и онъ едва могъ проговорить:

— Не отъ короннаго гетмана! Нѣтъ, нѣтъ! Отъ козацкаго гетмана!

— Какъ, отъ козацкаго гетмана? воскликнулъ господарь, теряя обычное хладнокровіе. Какой дьяволъ занесъ ихъ къ козацкому гетману?

— Не дьяволъ, а сваты! отвѣтилъ логоѳетъ.

— Какіе сваты?

— Козаки, что были здѣсь отъ гетмана, продолжалъ Георгица, стараясь оправиться.

Василій быстро сообразилъ все положеніе дѣла.

— Зови ихъ скорѣе сюда! прибавилъ онъ: я самъ ихъ разспрошу обо всемъ.

Панъ Кутнарскій вошелъ въ сопровожденіи своего мрачнаго друга. Онъ низко опустилъ голову и имѣлъ видъ провинившагося школьника.

— Разсказывайте скорѣе, что съ вами случилось! строго сказалъ господарь, уставивъ свой проницательный взоръ на съежившагося пана. Какъ вы попали къ козакамъ, и кто васъ просилъ тамъ разглашать мои намѣренія?

Послѣднее господарь прибавилъ наудачу, и отъ его пытливаго вниманія не скрылось смущеніе пана, какъ то сбоку взглянувшаго на него.

— Да проститъ его свѣтлость бѣднымъ слугамъ его! жалобно проговорилъ Кутнарскій. Но когда надъ головой стоитъ палачъ, тогда скажешь все. Притомъ письмо его свѣтлости у насъ отняли раньше.

Въ короткихъ словахъ онъ передалъ князю все, что съ ними случилось.

— Какъ же васъ отпустили? недовѣрчиво спросилъ Василій, окидывая пана подозрительнымъ взоромъ.

— Мы бѣжали, ваша свѣтлость, солгалъ Кутнарскій.

— Гдѣ же козаки? спрашивалъ господарь.

— Они собирались напасть на Сороку, когда мы ихъ оставили, т. е. когда намъ удалось бѣжать, поправился панъ.

Василій снова подозрительно взглянулъ на него.

— Я самъ виноватъ, проговорилъ князь, я долженъ былъ выбрать лучшихъ пословъ. Ступайте, остальныя свѣдѣнія отъ васъ отберетъ великій логоѳетъ, прибавилъ онъ.

Не отвѣчая на ихъ низкіе поклоны, Василій повелительно указалъ имъ на дверь.

— Говорилъ я пану, что не надо было сюда ѣхать, гробовымъ голосомъ съ укоризною причиталъ панъ Доброшевскій, слѣдуя за своимъ товарищемъ.—Панъ Тимошъ великодушный воинъ, ему и слѣдовало служить, а тутъ еще дождемся, что насъ, какъ кротовъ, пожгутъ вмѣстѣ съ этимъ волкомъ.

Кутнарскій со злостью обернулся къ нему.

— Ну и ступай панъ къ козаку, если онъ тебя такъ прельстилъ; а я не льщусь на хлопскія милости, во мнѣ шляхетская кровь.

— Прельстилъ или не прельстилъ! угрюмо ворчалъ Доброшевскій: а все таки жизнь спасъ, и панъ Доброшевскій это помнитъ.

Князь Василій тотчасъ по уходѣ пановъ послалъ за великимъ постельничимъ и приказалъ ему немедленно отправить лучшаго скорохода въ Сороки, чтобы узнать, что тамъ дѣлается.

— Приказываю благородному моему боярину имѣть особо строгій надзоръ за обоими поляками, бѣжавшими изъ козацкаго лагеря, и въ случаѣ чего-либо подозрительнаго тотчасъ же дать мнѣ знать.

На женскую половину тоже дошли слухи о вторженіи козаковъ. Маріанка первая таинственно передала госпожѣ, что рыцарь—такъ она называла Тимоша—ѣдетъ воевать себѣ княжну. Локсандра пошла къ мачихѣ. Со времени сватовства Вишневецкаго между нею и мачихою установились самыя задушевныя отношенія. Господарша уже знала эту новость.

— Матушка! говорила Локсандра, неужели отецъ и теперь будетъ упорствовать? Неужели онъ навлечетъ бѣду на всю Молдавію?

— Что ему Молдавія? съ оттѣнкомъ презрѣнія проговорила господарша. Онъ честолюбецъ и за своимъ честолюбіемъ ничего не видитъ.

— Поговори съ нимъ, матушка! Онъ тебя послушаетъ, вкрадчиво проговорила Локсандра, ласкаясь къ мачихѣ.

— Развѣ я ему не говорила? возразила господарша. Развѣ я не умоляла его не слушать тѣхъ, кто давалъ ему совѣты на его же погибель? А теперь ужъ поздно: татаръ ничѣмъ не остановишь; они давно ждали случая поживиться въ Молдавіи.

Тѣмъ не менѣе, уступая настоятельной просьбѣ Локсандры, господарша пошла къ князю. Но дѣйствительно было поздно; на княжеской половинѣ господствовало смятеніе. Слуги бѣгали, кричали что-то другъ другу. Великій вистерникъ быстро прошелъ мимо княгини, даже не замѣтивъ ее; великій армазъ горячо о чемъ-то толковалъ съ ключаремъ и меченосцемъ. При входѣ

въ княжескую комнату господарша встрѣтилась съ однимъ изъ чиновныхъ, спѣшившимъ куда-то, сломя голову.

— Что случилось? остановила его княгиня.

— Козаки, татары! отвѣчалъ онъ поспѣшно и побѣжалъ дальше..

Господарша застала мужа въ какомъ то оцѣпенѣніи. На ея разспросы онъ едва отвѣтилъ ей, что козаки и татары подступаютъ къ Яссамъ. Всѣ окрестности въ ужасѣ, все предано огню; отъ Сороки остался одинъ только пепелъ; татары рѣжутъ и грабятъ немилосердно, не жалѣютъ ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ.

— Развѣ нельзя обороняться? спросила господарша.

— Ихъ больше сорока тысячъ, отвѣчалъ князь, а намъ не собрать и десяти. Я уже послалъ гонца къ Потоцкому, а пока надо бѣжать, спасаться, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Нѣсколько дней прошло въ тревожномъ ожиданіи; всякій заботился о себѣ, всякій пряталъ свои сокровища, деньги, имущество. Господарь впалъ въ полное уныніе, не отвѣчалъ на вопросы придворныхъ и мрачный сидѣлъ у себя въ комнатѣ, оживляясь только тогда, когда рѣчь заходила о его несмѣтныхъ богатствахъ, которыя онъ разсылалъ повсюду въ надежные и укромные уголки. Зато господарша дѣятельно готовилась встрѣтить ожидаемое нападеніе. Она ободряла придворныхъ, распоряжалась всѣмъ и каждый день упрашивала князя уѣхать изъ Яссъ, чтобы не подвергнуться нападенію татаръ.

— Еще не все потеряно, говорила она, мы можемъ стянуть войско къ какому нибудь укрѣпленному городу и выждать помощи короннаго гетмана.

Но господарь медлилъ. Онъ видѣлъ сумрачныя лица бояръ и болѣе нападенія боялся измѣны съ ихъ стороны.

— Пока я здѣсь, въ столицѣ, я князь, говорилъ онъ, а стоитъ только мнѣ уѣхать отсюда, они выберутъ другаго.

На скорую руку городъ укрѣпили, какъ только можно; но всѣ прекрасно понимали что ни эти укрѣпленія, ни собранныя военныя силы не могутъ устоять передъ дружнымъ натискомъ врага. Каждый новый день приносилъ все болѣе тревожные

слухи. Главныя силы татаръ и козаковъ двигались къ Яссамъ, не щадя ничего на пути: ни деревень, ни селъ, ни нивъ, ни пажитей. Отъ главнаго войска отдѣлилось множество мелкихъ летучихъ отрядовъ, наполнившихъ ужасомъ всю Молдавію.

Наконецъ татары и козаки подступили и къ самымъ Яссамъ. Имъ ничего не значило пробить стѣны, разрушить предмѣстья и зажечь городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Крики, смятеніе, безпорядокъ наполняли улицы, женщины съ отчаяніемъ бросались въ пламя, чтобы только не попасть въ руки татаръ. Мужчины защищались слабо, да и силы непріятелей въ нѣсколько разъ превышали молдавское войско.

— Бѣжать, бѣжать! пронеслось по княжескому дворцу.

Въ это трудное время, какъ изъ-подъ земли, явился Янкель съ предложеніемъ своихъ услугъ. Онъ зналъ въ лѣсу прекрасное укромное убѣжище между скалъ, въ ущельѣ, куда никто не найдетъ дороги. Выбирать было некогда. Господарь, господарша, Локсандра, Георгица съ женою и еще нѣсколько придворныхъ послѣдовали за Янкелемъ. Искусно лавируя по переулкамъ и отдаленнымъ площадямъ, корчмарь провелъ своихъ высокопоставленныхъ спутниковъ къ подошвѣ скалы и спустился съ ними въ глубокое ущелье, гдѣ имъ пришлось пробираться въ полутьмѣ, скользить по мокрымъ камнямъ, спотыкаться о гнилые пни. Ущелье это привело ихъ къ небольшой котловинѣ, поросшей столѣтними буковыми деревьями и спрятанной среди высокихъ отвѣсныхъ скалъ. Въ котловину велъ одинъ только узкій проходъ, задрапированный густымъ кустарникомъ; въ этотъ проходъ можно было пролѣзать только по одному и то съ нѣкоторымъ трудомъ.

Семейство Янкеля приняло гостей, какъ умѣло. Проворная шинкарка приготовила скромный ужинъ; но до него никто не дотронулся, всѣ были слишкомъ взволнованы.

На небѣ горѣло громадное зарево пожара, и Василій со слезами на глазахъ восклицалъ:

— Яссы, Яссы мои! Что съ вами теперь будетъ?

Локсандра все время молча слѣдовала за отцемъ и матерью, она поблѣднѣла и похудѣла, глаза ея горѣли лихора-

дочнымъ блескомъ, губы дрожали. Судорожно сжимая руки, она не рѣшалась заговорить съ отцомъ, а между тѣмъ она чувствовала, что говорить ей надо и именно теперь, когда еще можно остановить дальнѣйшее бѣдствіе.

Паны Кутнарскій и Доброшевскій тоже были здѣсь; пользуясь покровительствомъ Янкеля, они успѣли проскользнуть въ укромное убѣжище раньше всѣхъ другихъ и по ихъ совѣту Янкель осмѣлился предложить свои услуги князю и его семейству. Волненіе княжны не ускользнуло отъ зоркихъ глазъ поляка; онъ читалъ все, что дѣлалось въ ея душѣ и, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, рѣшился дѣйствовать. Съ самымъ подобострастнымъ поклономъ онъ обратился къ Локсандрѣ.

— Да не пренебрежетъ прекрасная княжна совѣтомъ своего нижайшаго слуги, проговорилъ онъ вкрадчиво.

Локсандра недовѣрчиво подняла на него свои глаза.

— Одна княжна можетъ спасти всѣхъ, еще вкрадчивѣе продолжалъ Кутнарскій.

Локсандра молчала; но ея черные большіе глаза вопросительно остановились на лицѣ говорившаго.

— Княжнѣ стоитъ только повидать пана Тимоша, и храбрый рыцарь сложитъ оружіе къ ея ногамъ, полушепотомъ проговорилъ панъ, пытливо вглядываясь въ дѣвушку и желая уловить впечатлѣніе, произведенное его словами.

Локсандра вздрогнула и опустила глаза. Полякъ подсказалъ ей ея собственныя мысли, въ которыхъ она не смѣла дать себѣ отчета.

— Я устрою это, продолжалъ шептать панъ, если только ея свѣтлость согласна.

Локсандра подняла на него глаза.

— Это ни къ чему не приведетъ, тоскливо проговорила она. Если я и увижу его, что я ему скажу? Отецъ не согласится отдать меня ему, а безъ этого согласія всѣ мои просьбы не достигнутъ цѣли.

— Даю честное слово шляхтича, мы принудимъ князя измѣнить свое рѣшеніе. Княжна можетъ смѣло обѣщать это молодому льву; онъ только ей одной повѣритъ.

Локсандра помолчала нѣсколько секундъ; ее, видимо, одолѣвало внутреннее волненіе, въ душѣ боролись любовь и чувство долга, боязнь отцовскаго гнѣва и въ тоже время широкой волной набѣгало какое-то непонятное чувство радости при одной мысли, что она можетъ увидѣть своего рыцаря.

— Я согласна! прошептала она чуть слышно.

Панъ Кутнарскій отвѣсилъ почтительнѣйшій поклонъ и отошелъ въ сторону.

ГЛАВА III.

СВИДАНІЕ.

Тимошъ печально сидѣлъ въ своей палаткѣ и задумчиво смотрѣлъ на заходившее солнце. Яссы горѣли уже третій день; трое сутокъ разсылалъ онъ пословъ по городу и окрестностямъ; но семьи господаря и слѣдъ простылъ. Никто ихъ не видалъ, никто ничего не зналъ объ нихъ; они бѣжали, скрылись, куда? неизвѣстно.

Вдругъ полы палатки поднялись, показалась голова Янкеля. Тимошъ тотчасъ узналъ его, хотя корчмарь сильно постарѣлъ, и рыжеватая бородка его совсѣмъ посѣдѣла.

— Янкель! проговорилъ онъ, вскакивая и невольно хватаясь за саблю.

Съ представленіемъ о корчмарѣ у него невольно возникало воспоминаніе о предательствѣ и плѣнѣ Ганжи и Смольчуга.

— Не безпокойтесь, ясновельможный панъ Тимошъ! проговорилъ Янкель, осторожно отступивъ назадъ.—Я съ добрыми вѣстями, меня прислала къ пану сама княжна.

— Локсандра? проговорилъ Тимошъ и просіялъ. Онъ готовъ былъ броситься къ жиду на шею и расцѣловать его.—Тебя послала Локсандра? Говори, говори скорѣй, гдѣ она? что съ ней?

— Княжна хочетъ видѣть ясновельможнаго пана.

— Сейчасъ! сейчасъ! я готовъ! проговорилъ Тимошъ, стягивая поясъ и хватаясь за шапку.

— Ясновельможный панъ будетъ терпѣливъ и подождетъ до ночи, вкрадчиво замѣтилъ Янкель и отвѣсилъ низкій поклонъ.

Княжна будетъ ждать пана за городомъ у скалы, въ лѣсочкѣ, я проведу пана.

„А если это ловушка“? мелькнуло въ умѣ Тимоша. Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на Янкеля.

Янкель понялъ его взглядъ и заторопился.

— Ахъ, ясновельможный пане, какъ это я забылъ! вѣдь у меня есть записка отъ княжны....

— Дуракъ! крикнулъ Тимошъ. Чтожъ ты тутъ болтаешь цѣлыхъ полчаса, давай скорѣй записку!..

Янкель вытащилъ обрывокъ толстой бумаги съ набросанными на немъ неясными дрожащими чертами.

„Мнѣ надо тебя видѣть, мой рыцарь, писала Локсандра; довѣрься Янкелю, онъ проведетъ тебя“.

Сомнѣнія Тимоша разсѣялись. Повернувшись спиной къ корчмарю, онъ крѣпко прижалъ бумажку къ груди и спряталъ ее въ складкахъ кафтана.

— Я буду ждать пана у городскаго вала, проговорилъ Янкель и скрылся.

Тимошъ чувствовалъ себя на верху блаженства, онъ ощущалъ потребность тотчасъ же подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ счастьемъ и поспѣшилъ къ Калгѣ.

Калга сидѣлъ на коврѣ, поджавши подъ себя ноги и важно диктовалъ что-то своему секретарю, помѣстившемуся тутъ-же у маленькой скамеечки, служившей столомъ. Длинная кость то и дѣло опускалась въ коричневатую жидкость и быстро скользила по толстому пергаменту, выводя причудливые знаки и фигуры. Калга заранѣе сочинялъ оправдательную грамоту падишаху, намѣреваясь ее послать прежде, чѣмъ прибудутъ въ Константинополь молдавскіе послы.

Тимошу пришлось обождать, такъ какъ его названный братъ не любилъ, чтобы его тревожили во время его занятій. Наконецъ грамота была окончена, скрѣплена печатью, секретарь собралъ свои письменныя принадлежности, трижды склонился до земли передъ своимъ властелиномъ и тихо удалился изъ шатра.

— Что скажешь, братъ мой? ласково обратился Калга къ Тимошу, протягивая ему руку и съ удивленіемъ всматриваясь

въ его лицо.—Ты точно сейчасъ вышелъ изъ рая; какія гуріи приснились тебѣ?

— Локсандра, Локсандра нашлась! Назначила мнѣ свиданіе! съ торжествующимъ видомъ заявилъ Тимошъ.

Калга встрепенулся; онъ не столько заботился о Локсандрѣ, сколько о ея отцѣ; ему давно грезились его несмѣтныя сокровища, до которыхъ нельзя было добраться, не зная, гдѣ они спрятаны. По мѣрѣ того, какъ Тимошъ разсказывалъ, лицо татарина становилось все мрачнѣе и угрюмѣе.

— И ты вѣришь этому жиду съ его бумажкой? проговорилъ онъ наконецъ. Зачѣмъ ты не задержалъ его, онъ бы показалъ дорогу къ ихъ логовищу, ты бы взялъ свою невѣсту, а на мою долю пришлись бы господарь съ господаршей. Но это еще можно устроить, мы перехватимъ жида и нападемъ на слѣдъ.

— Нѣтъ, братику, это не идетъ, серьезно, но твердо заявилъ Тимошъ. Дѣвушка мнѣ довѣрилась, и я не могу съ нею поступить по предательски. Я увижусь съ ней такъ, какъ она этого желаетъ и не буду выслѣживать, куда скрылся ея отецъ.

— Ахъ, молодо-зелено! проговорилъ Калга. А если ты не увидишъ твоей дѣвушки, если тебя заманятъ, какъ барана, да и убьютъ гдѣ-нибудь за угломъ?

— Этого не можетъ быть, твердо отвѣчалъ Тимошъ, она сама написала мнѣ.

— Ее могли принудить, настаивалъ Калга.

— Не такая это дѣвушка, чтобы можно было ее принудить. И все равно, если бы даже ожидала меня смерть, я долженъ идти, долженъ послѣдовать ея зову.

— Я не пущу тебя одного, заявилъ Калга. Мы возьмемъ съ собою твоихъ полковниковъ и поѣдемъ вмѣстѣ.

— Я этого не хочу, я поѣду одинъ!

— Ну, это мы посмотримъ, загадочно проговорилъ Калга.

Тимошъ ушелъ къ себѣ въ палатку. Когда онъ выходилъ отъ Калги, ему показалось, что какая-то тѣнь скользнула за широкія складки палатки. Онъ обошелъ все кругомъ, но никого не нашелъ.

Тимошъ въ тревогѣ дождался, пока всѣ заснули, осторожно вышелъ и ощупью сталъ пробираться по лагерю. Кое-гдѣ догорали еще огни костровъ, но козаки мирно спали, а на окрики часовыхъ онъ отвѣчалъ условнымъ лозунгомъ, причемъ стража почтительно разступалась, пропуская своего вождя. Кое-какъ по переулкамъ, придерживаясь извѣстнаго направленія, Тимошъ добрался до вала и хотѣлъ уже перелѣзать полуразрушенное укрѣпленіе, какъ изъ за груды камней высунулась голова Янкеля.

— Ясновельможный пане, не здѣсь, тутъ яма, пусть панъ возьметъ мою руку, я проведу его.

Тимошъ колебался. Дать руку жиду было противно козацкой чести. Онъ велѣлъ Янкелю идти впередъ и осторожно пошелъ за нимъ, ступая съ камня на камень, перепрыгивая черезъ ямы и бревна. Они выбрались за черту города, пошли по пустынной лощинѣ и завернули въ небольшую рощу, разстилавшуюся у подножія скалы въ полуверстѣ отъ городской стѣны.

Зарево пожаровъ, освѣщавшее Яссы, теперь потухло, такъ какъ нечему было больше горѣть. Городъ превратился въ груду развалинъ и только кое-гдѣ торчали одинокія каменныя зданія, почему-нибудь уцѣлѣвшія отъ пламени. Непроглядная тьма окутывала лѣсочекъ, шагахъ въ пяти уже ничего нельзя было различить; но Янкель искусно пробирался между деревьями и наконецъ остановился у журчавшаго ручейка, тихо проговоривъ:

— Здѣсь!

Привычный глазъ козака различилъ темную закутанную фигуру, поднявшуюся съ камня къ нему навстрѣчу.

— Локсандра! проговорилъ онъ.

Сердце его такъ стучало въ груди, что онъ самъ ясно слышалъ его удары.

Локсандра молчала; у нея духъ захватило отъ волненія, и только когда она почувствовала себя въ мощныхъ дорогихъ объятіяхъ, къ ней вернулся ея голосъ, она забыла все, и зачѣмъ пришла сюда, и о чемъ хотѣла просить Тимоша; она чувствовала только его близость и хотѣла, чтобы этотъ мигъ никогда не кончился.

— Тимошъ, какъ я страдала безъ тебя! Какъ долго, долго я тебя не видѣла...

— А полякъ? спросилъ Тимошъ, недовѣрчиво глядя ей въ глаза.

— Полякъ? Какой полякъ? съ удивленіемъ переспросила Локсандра.

— Князь Вишневецкій, проговорилъ Тимошъ; онъ жилъ у васъ, ты гуляла съ нимъ вмѣстѣ, слушала его любезности; отецъ твой прочилъ его тебѣ въ мужья.

Локсандра вздохнула.

— Это правда, Тимошъ; отецъ хочетъ, чтобы я вышла за него замужъ; но я его никогда не буду любить такъ, какъ тебя.

— Я не отдамъ тебя никому! страстно проговорилъ Тимошъ. Я возьму тебя силой, хотя-бы для этого пришлось всѣхъ ихъ перебить.

Локсандра вздрогнула.

— Что ты говоришь, безумный? прошептала она. Я ни за что не стала бы женою того, кто убилъ бы моего отца, хотя бы для этого пришлось разорвать сердце въ клочки.

Слова Тимоша сразу воскресили въ памяти Локсандры все то, что она ему хотѣла сказать, зачѣмъ желала съ нимъ свидѣться.

— Слушай, Тимошъ! заговорила она, и голосъ ея зазвучалъ твердостью. Ты много сдѣлалъ зла моей родинѣ, ты сжегъ наши дорогія Яссы и заставилъ всѣхъ насъ провести ужасные часы, заставилъ насъ бѣжать изъ роднаго дома, и какъ нищихъ, скрываться въ лѣсу. Я должна бы возненавидѣть тебя; но я люблю тебя, люблю еще сильнѣе, еще крѣпче прежняго.... Умоляю тебя ради этой любви! Не истязай моего сердца, не заставляй его разрываться, при видѣ всѣхъ бѣдствій, обрушившихся на мою родину. Я не могу не считать себя главною причиною всего, что случилось.... Подумай только, каково мнѣ смотрѣть, какъ горитъ родной городъ, какъ страдаютъ отецъ и мать.... Каково мнѣ слышать, сколько душъ загублено, сколько невинныхъ пострадало изъ-за меня....

Глухія рыданія прервали ея рѣчь.

Тимошъ стоялъ съ опущенной головой, смущенный, какъ кающійся грѣшникъ, не зная, что сказать въ утѣшеніе своей невѣстѣ.

Въ это время—изъ за деревьевъ быстро выдвинулась высокая тѣнь и съ крикомъ:

— Умри, ненавистная! кинулась къ княжнѣ.

Но слѣдомъ за нею показалась другая, молча выхватила изъ ея рукъ ножъ и, далеко отбросивъ его, крикнула Тимошу, заслонившему собою княжну:

— Иди сюда, держи ее, пока я ее свяжу!

Черезъ минуту всѣхъ ихъ окружила толпа татаръ, кто-то зажегъ факелъ, и при свѣтѣ его Тимошъ увидѣлъ Зелиму, вырывавшуюся изъ рукъ Калги.

Локсандра стояла въ оцѣпенѣніи и не могла произнести ни слова отъ страху. Лица татаръ, освѣщенныя факелами, женщина, хотѣвшая ее убить, все это казалось какимъ то кошмаромъ, тяжелымъ сномъ, отъ котораго она не могла проснуться. Зелиму связали, и Калга поручилъ двумъ татарамъ отвести ее въ лагерь.

Тимошъ подошелъ къ Локсандрѣ.

— Не бойся, княжна! успокаивалъ онъ ее: эти татары друзья мои. Слава Богу, что они спасли тебя отъ руки этой сумасшедшей.

Локсандра какъ то вдругъ сразу чутьемъ поняла все.

— Кто она? спросила она Тимоша.

Взоръ ея укоризненно остановился на немъ.

— Татарка, воспитанница султана Калги, проговорилъ Тимошъ смущенно и опустилъ глаза.

Локсандра ничего не сказала и молча пошла назадъ къ тому мѣсту, гдѣ ожидалъ ее Янкель.

— Я провожу тебя, княжна! нерѣшительно проговорилъ Тимошъ, сдѣлавъ два шага впередъ.

Она обернулась и холодно отвѣчала:

— Не надо!

Въ голосѣ слышалось столько гордости и оскорбленнаго самолюбія, что Тимошъ невольно остался прикованнымъ къ своему мѣсту и не послѣдовалъ за нею.

На другой день панъ Кутнарскій просилъ аудіенціи у князя. Аудіенція состоялась въ сторонѣ отъ остальныхъ подъ высокими буками.

— Я осмѣливаюсь представить на благоусмотрѣніе его свѣтлости всю невыгоду нашего положенія. Мы находимся, можно сказать, въ пасти у льва, и намъ некуда скрыться отъ его ярости....

— Это я самъ знаю, сурово отвѣчалъ князь, сдвинувъ брови и мрачно посматривая на поляка. Если панъ не имѣетъ намъ сказать чего нибудь болѣе утѣшительнаго, то не для чего было просить у насъ аудіенціи.

— Напротивъ, я разсчитываю изложить свои планы, если только дозволитъ мнѣ это его свѣтлость.

— Въ такомъ случаѣ пусть панъ предположитъ, что мы достаточно знакомы съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находимся, и прямо приступитъ къ своему изложенію.

— Я хотѣлъ высказать его свѣтлости, нисколько не смущаясь холоднымъ пріемомъ князя, началъ Кутнарскій, что въ данномъ случаѣ существуетъ только одинъ исходъ: слѣдуетъ уступить побѣдителю, хотя бы только временно, хотя бы только отвести ему глаза.

Лупулъ мрачно посмотрѣлъ на пана.

— Панъ хочетъ сказать, что намъ слѣдуетъ отдать дочь нашу этому дерзкому козаку?

— Я этого не говорю, возразилъ Кутнарскій: можно только пообѣщать ему княжну, дать только временное согласіе.

— Онъ этимъ не удовольствуется, замѣтилъ князь.

— О, тогда можно устроить обрученіе!

— Но татары не захотятъ вернуться безъ дани....

— Имъ можно заплатить.

Василій ничего не отвѣтилъ и приказалъ Кутнарскому пригласить всѣхъ здѣсь присутствующихъ приближенныхъ на совѣщаніе.

Въ котловинѣ подъ тѣнью вѣковыхъ буковъ состоялся семейный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ князя; на этотъ разъ въ немъ участвовала и княжна.

— Дорогіе друзья мои! сказалъ господарь. Что дѣлать, какъ быть? Яссы погибли въ пламени, убѣжище наше не сегодня завтра откроютъ враги, а между тѣмъ исполнить требованіе побѣдителя значило бы навсегда породниться съ дерзкимъ, грубымъ дикаремъ и стать во враждебное отношеніе къ Польшѣ, а можетъ быть и къ великой Портѣ.

— Осмѣлюсь доложить вашей свѣтлости, замѣтилъ великій логоѳетъ, что въ данномъ случаѣ сами обстоятельства принуждаютъ васъ покориться....

— Если ты хочешь слушать моихъ совѣтовъ, прибавила господарша, поступи такъ, какъ я тебѣ давно совѣтовала, и ты не будешь раскаиваться.

— А что скажетъ на все это наша любезная дочь? обратился Василій къ Локсандрѣ.

Локсандра немного поблѣднѣла, глаза ея загадочно вспыхнули, и она отвѣчала съ замѣтнымъ волненіемъ:

— Я бы просила тебя отецъ, если можно, подождать съ твоимъ рѣшеніемъ. Сейчасъ, въ эту минуту я не могу дать согласія быть женою Тимоѳея Хмельницкаго.

Если бы Локсандра провалилась сквозь землю, она менѣе удивила—бы окружавшихъ ее, чѣмъ настоящимъ отвѣтомъ: Василій вскочилъ съ мѣста, Георгица какъ-то странно не то вздохнулъ, не то запыхтѣлъ, Кутнарскій вытаращилъ глаза, ничего не понимая, и даже ко всему всегда равнодушный Доброшевскій приподнялъ брови и уставился на княжну.

— Вотъ и пойми женщинъ! вспылилъ господарь. Изъ-за ея упрямства пылаетъ столица, проливается кровь, и теперь, когда всѣ видятъ единственное спасеніе въ уступкѣ ея капризу, она первая отъ него отказывается; но на этотъ разъ я рѣшу вопросъ за тебя: ты будешь женою этого козака, тѣмъ болѣе, что сама ты этого такъ желала.... Я пошлю сватовъ къ гетману, заплачу татарамъ и избавлюсь такимъ образомъ отъ разорительнаго бѣдствія, а ты будешь достойно наказана за свою строптивость.

Локсандра молча опустила голову и ничего не отвѣчала.

Въ тотъ же вечеръ господарь написалъ письмо гетману, онъ не пощадилъ краснорѣчія, разсыпался въ любезности, удив-

лялся мужеству и храбрости славнаго молодаго рыцаря, говорилъ, что считаетъ за особую честь имѣть такого воинственнаго зятя и самъ предлагалъ руку своей дочери, обѣщая дать за нею богатое приданое и заплатить татарамъ дань, какую они пожелаютъ.

Гетманъ стоялъ въ Ямполѣ, и переговоры длились нѣсколько недѣль. Господарь со своимъ семействомъ на время переговоровъ перебрался въ Хотинъ, такъ какъ всѣ молдавскіе города были заняты татарами и козаками. Въ послѣдній день передъ ихъ отъѣздомъ Кутнарскій таинственно заявилъ княжнѣ, что панъ Тимошъ умоляетъ ее свидѣться. Локсандра подумала и согласилась.

Подъ вечеръ, въ сопровожденіи Янкеля она прошла въ буковый лѣсочекъ къ тому же камню, гдѣ видѣлась съ нимъ въ первый разъ. Тимошъ уже ждалъ ее, бросился къ ней на встрѣчу, но, увидавъ ея гордый взглядъ, онъ невольно остановился.

— Княжна, проговорилъ онъ, ты сердишься на меня?

— Я хочу знать всю правду объ этой татаркѣ, проговорила она.

— Хорошо, я тебѣ скажу всю правду, послушно отвѣчалъ Тимошъ: только не смотри на меня такъ. Сядь со мною, дай мнѣ твою руку и я во всемъ тебѣ покаюсь.

Онъ разсказалъ княжнѣ всю несложную исторію любви своей къ татаркѣ и прибавилъ:

— Казни меня, какъ хочешь, наложи на меня какое знаешь испытаніе, только не отнимай отъ меня любви своей.

Княжна подняла на него свои большіе глаза и тихо отвѣчала:

— Я тебѣ вѣрю; но все таки мнѣ такъ жалко этой татарки. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы мой рыцарь былъ чистъ отъ всякаго упрека.

Тимошъ виновато опустилъ голову.

Локсандра встала, чтобы уйти; но онъ удержалъ ее.

— Не уходи такъ! шепталъ онъ: скажи мнѣ хоть ласковое слово на прощанье, позволь мнѣ хоть поцѣловать твою руку, вѣдь, ты теперь моя нареченная невѣста.

Локсандра съ грустною улыбкою покачала головою.

— Ахъ, Тимошъ! сказала она печально. Мнѣ бы слѣдовало радоваться, а между тѣмъ сердце такъ тоскливо ноетъ, словно передъ какимъ-нибудь несчастьемъ. Не вѣрю я отцу; что-то онъ больно скоро согласился. Въ глазахъ его я читаю, что онъ замышляетъ что-то недоброе.

— Что жъ? проговорилъ Тимошъ, и взоръ его вспыхнулъ отвагою.—Если онъ не отдастъ тебя черезъ годъ, какъ обѣщаетъ, я опять нагряну сюда съ татарами и заставлю его согласиться, только ты, княжна, не измѣни мнѣ; не полюби того поляка,— что умѣетъ такъ хорошо расшаркиваться передъ женщинами.

Локсандра взглянула на него и вздохнула.

— Нѣтъ, ужъ, кажется, мнѣ больше никого не любить, кромѣ тебя. Ты приворожилъ меня, или какъ тамъ у васъ говорится... съ грустною улыбкою добавила она. Чуетъ мое сердце, что ты моя погибель и не будетъ намъ съ тобою счастья, а все-таки оторваться отъ тебя не могу.

Тимошъ обнялъ ее и прижалъ къ себѣ.

— Полно, голубка моя, напрасно ты тревожишь себя такими мыслями.

Локсандра боязливо прижалась къ нему и долго молча смотрѣла ему въ глаза.

— Ну, прощай! проговорила она наконецъ.—Какъ Богу угодно, такъ и будетъ!

Тимошъ хотѣлъ поцѣловать ее; но она пугливо его отстранила.

— Не надо, не надо! прошептала она и какъ испуганная птичка скрылась за деревьями.

ГЛАВА IV.

КОЗНИ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Стояла постоянная суровая зима. Она, казалось, заледенила собою все, не исключая и несчастныхъ ясскихъ жителей, не успѣвшихъ еще оправиться отъ татарскаго погрома. Сотни богачей превратились въ нищихъ;

множество богатыхъ дворцовъ и зданій представляли груды развалинъ, и только дворецъ господаря гордо высился среди этихъ обломковъ: несмѣтныя богатства князя дали ему возможность быстро возстановить зданіе въ прежнемъ его видѣ. Бѣдность и нищета, окружавшія его, послужили ему въ пользу, такъ какъ не было недостатка рабочихъ рукъ; но за то послѣднія событія окончательно ожесточили противъ него всѣхъ: и богатыхъ, и бѣдныхъ, и бояръ, и нищихъ.

— Что ему дѣлается? съ завистью говорили потерпѣвшіе бояре.—Онъ присвоилъ себѣ имущества убитыхъ татарами и это вознаградило его съ лихвой за всѣ его убытки. Ему горя мало, что мы всѣ разорены; онъ не далъ ни одной аспры для бѣдныхъ, а между тѣмъ всѣ мы страдаемъ по его милости, изъ за его честолюбія.

Самъ господарь какъ будто ничего не видѣлъ и не слышалъ или дѣлалъ видъ, что не понимаетъ мрачныхъ взглядовъ и угрюмыхъ намековъ. Господарша не разъ уговаривала его принять участіе въ пострадавшихъ, удѣлить что-либо изъ своихъ сокровищъ въ пользу бѣдняковъ, скупость князя не позволяла ему разстаться съ деньгами.

— Я тоже пострадалъ, отвѣчалъ онъ, я тоже долженъ былъ выплатить не одну сотню тысячъ талеровъ гетману и татарамъ, мнѣ не изъ чего быть расточительнымъ, пускай сами справляются со своими нуждами, какъ знаютъ.

Господарша пожимала плечами и отдавала бѣднымъ всѣ деньги, какія у нея были.

Какъ то утромъ къ князю вошелъ Кутнарскій съ таинственнымъ видомъ и многозначительно проговорилъ:

— Ваша свѣтлость, польскій толмачъ при великой Портѣ проситъ у васъ аудіенціи.

Василій вопросительно взглянулъ на пана.

— А что ему надо?

— Не откажите, ваша свѣтлость, принять его, онъ самъ вамъ доложитъ, въ чемъ дѣло.

— Хорошо, пусть войдетъ, согласился князь.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ высокій черноволосый мужчина лѣтъ сорока съ длиннымъ крючковатымъ носомъ и

проницательными глазами; его мягкій пѣвучій выговоръ обличалъ въ немъ южанина и онъ, дѣйствительно, по происхожденію былъ армянинъ, хотя и находился на польской службѣ. Онъ низко поклонился князю и на приглашеніе его сѣсть отвѣчалъ только почтительнымъ вторичнымъ поклономъ.

— Ваша свѣтлость! началъ онъ: я посланъ къ вамъ по порученію пана короннаго гетмана и его товарища пана польнаго гетмана; но порученіе мое настолько конфиденціальное, что я желалъ бы съ вашей свѣтлостью переговорить съ глаза на глазъ, прибавилъ онъ, искоса посматривая на Кутнарскаго.

— Мы разрѣшаемъ говорить при панѣ нашемъ вѣрномъ преданномъ слугѣ, отвѣтилъ князь.

Армянинъ снова отвѣсилъ поклонъ.

— Какъ извѣстно вашей свѣтлости, гетманы польный и коронный были въ плѣну у татаръ, и оставили тамъ заложниками своихъ сыновей: пана Николая Потоцкаго и пана Самуила Калиновскаго; вмѣстѣ съ ними томится въ неволѣ и панъ Шемберкъ.

— Я знаю это! прервалъ его князь. Что же дальше?

— У вашей свѣтлости есть агенты въ Турціи и Крыму; ваша свѣтлость обладаете несмѣтными богатствами и можете сдѣлать все для несчастныхъ плѣнниковъ...

Армянинъ пріостановился.

— Если я вѣрно понимаю господина агента, паны польскіе гетманы желаютъ, чтобы я освободилъ изъ плѣна ихъ сыновей? спросилъ господарь, съ усмѣшкой смотря на толмача.

— Совершенно вѣрно, ваша свѣтлость, отвѣчалъ тотъ съ поклономъ.

— Но, вѣдь, такія благодѣянія не дѣлаются ни за что ни про что? продолжалъ съ тою же ироническою усмѣшкою князь, тѣмъ болѣе, что панъ коронный гетманъ и не думалъ мнѣ помочь противъ козаковъ.

— Если ваша свѣтлость устроитъ это дѣло, то, конечно, отцы будутъ вамъ признательны и будутъ готовы помогать вамъ противъ вашихъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

— Паны гетманы предлагаютъ мнѣ опасную игру, сказалъ Василій. Имъ извѣстенъ договоръ, заключенный мною съ моими

побѣдителями. По четвертой статьѣ этого договора я не имѣю права заключать союзовъ съ поляками.

— Ваша свѣтлость болѣе чѣмъ кто-либо знаетъ, что этотъ договоръ вынужденный, съ лукавою улыбкою замѣтилъ армянинъ. Ея свѣтлость княжна еще не замужемъ за паномъ Тимошемъ, у вашей свѣтлости впереди много мѣсяцевъ, а въ это время утечетъ много воды; друзьями же запастись никогда не мѣшаетъ заранѣе.

Господарь многозначительно посмотрѣлъ на армянина.

— Хорошо, сказалъ онъ ему, я дамъ денегъ на это предпріятіе; снаряжу даже корабль, чтобы переправить плѣнниковъ въ Константинополь, а потомъ въ Венецію; это единственный безопасный путь. Ихъ, безъ сомнѣнія, будутъ искать на моей границѣ; но только помните одно: имя мое не должно быть замѣшано въ этой исторіи; если что-нибудь всплыветъ наружу, то я отъ всего отрекусь и умою руки. Но услуга за услугу, прибавилъ онъ, вставая съ мѣста и подходя къ армянину: паны гетманы должны мнѣ оказать дѣйствительную помощь, если бы я передумалъ отдать дочь свою за Хмельницкаго.

— Относительно этого пункта я уже заранѣе получилъ полномочіе, почтительно отвѣчалъ армянинъ; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Хмельницкіе общіе враги, и паны гетманы сочтутъ своею обязанностью не пустить козацкаго войска въ Молдавію. Какъ только я сообщу пану коронному гетману о согласіи вашей свѣтлости, онъ не замедлитъ самъ письменно подтвердить это.

— Хорошо, сказалъ князь, одобрительно кивнувъ головою. Я устрою это дѣло. Съ своей же стороны могу оказать еще небольшую услугу панамъ. Я имѣлъ возможность получить письмо Хмельницкаго, посланное имъ въ Турцію. Это письмо содержитъ много интереснаго для пановъ. И если они еще сколько нибудь сомнѣваются въ двоедушіи козацкаго гетмана и въ недоброжелательствѣ Порты, то это письмо должно открыть имъ глаза.

Господарь подошелъ къ массивному бюро, выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ, нажалъ потайную пружину и досталъ большой пакетъ съ печатью гетмана.

— Передайте это панамъ, сказалъ онъ, обращаясь къ армянину.—А панъ Кутнарскій отведетъ посла къ моему великому камериру и озаботится, чтобы онъ былъ прилично одаренъ за ожидаемыя мною отъ него услуги.

Армянинъ съ низкими поклонами удалился въ сопровожденіи пана Кутнарскаго, а князь Василій прошелъ къ господаршѣ и сталъ спрашивать ее про Локсандру.

— Вы, женщины, болѣе свѣдущи въ этихъ дѣлахъ, говорилъ онъ полушутя, полусерьезно: помнитъ она еще своего козака? очень объ немъ скучаетъ?

Господарша пытливо посмотрѣла на мужа.

— А зачѣмъ тебѣ это понадобилось знать?

Василій усмѣхнулся.

— Ты такая умная женщина, а спрашиваешь меня объ этомъ. Конечно, я не затѣмъ справляюсь, чтобы порадоваться ея голубиной вѣрности, ея привязанности къ желанному жениху. Дорого бы я далъ, прибавилъ онъ злобно, чтобы этотъ будущій милый зятекъ свернулъ себѣ шею.

Господарша вздохнула и посмотрѣла на мужа не то съ горечью, не то съ презрѣніемъ.

— Василій! сказала она, погубитъ тебя твое честолюбіе, а вмѣстѣ съ тобою погибнуть и намъ. Что ты опять замышляешь, вѣдь ты уже далъ твое согласіе на этотъ бракъ, зачѣмъ же ты опять хочешь разстроить это дѣло?

Василій посмотрѣлъ на нее какъ то сверху внизъ, какъ смотрятъ на наивныхъ дѣтей.

— Зачѣмъ? повторилъ онъ. Затѣмъ, чтобы не навязать себѣ на шею будущаго висѣльника, затѣмъ, чтобы вступить въ тѣсный союзъ съ Польшею, затѣмъ, наконецъ, чтобы глаза мои не видѣли, какъ дочь моя будетъ надѣвать сапоги или подавать люльку этому полудикарю, выросшему на своей саламатѣ и не умѣющему ни ступить, ни сказать слова почеловѣчески.

— Что же ты намѣренъ дѣлать?

— Это будетъ зависѣть отъ того, что предприметъ нашъ милый женихъ, отвѣчалъ Василій.

— Ну, такъ я скажу тебѣ, едва сдерживая гнѣвъ, произнесла господарша, что если ты намѣренъ опять измѣнить своему слову, ты убьешь Локсандру, она искренно и серьезно любитъ Тимоша. Нельзя такъ играть ея чувствомъ. Довольно уже того, что ты на цѣлый годъ отсрочилъ свадьбу.

— Я затѣмъ и отсрочилъ ее, что ей никогда не бывать, со смѣхомъ возразилъ князь. А отъ тебя, жена, я жду большой услуги, постарайся у нея выбить изъ головы этого Тимоша.

Господарша отвернулась, чтобы скрыть свое волненіе, нехорошія чувства подымались у нея въ душѣ; ей хотѣлось крикнуть этому человѣку, что она не хочетъ быть сообщницей низкаго обмана, жестокаго коварства, подлаго лицемѣрія; но человѣкъ этотъ былъ ея мужъ, неумолимый законъ отдавалъ ее ему въ руки; слабая женщина, она боялась его и должна была наружно ему повиноваться. Она собрала всѣ свои силы и съ напускнымъ равнодушіемъ отвѣчала:

— Хорошо!

Василій поцѣловалъ ея руку и вышелъ, а она бросилась на низкую оттоманку и, спрятавъ лице въ подушку, горько зарыдала.

Было время, когда она безразлично относилась къ этому старику; было время, когда она привыкла къ нему, чувствовала благодарность за его любовь и попеченія, готова была дѣлить съ нимъ и горе, и радость. Но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ она узнала Тимоша, этотъ коварный честолюбецъ съ алчностью и вѣчными интригами возбуждалъ въ ней какое-то гадливое непріязненное чувство. Она понимала, что ненавидитъ его, и боялась сознаться въ этомъ самой себѣ.

Въ комнату тихо вошла Локсандра.

— Матушка, что съ тобой? спросила она съ участіемъ, садясь возлѣ нея и обвивая руками ея стройный станъ. Ты поссорилась съ отцемъ?

— О, если бы я могла съ нимъ поссориться? страстно вскрикнула господарша, и глаза ея сверкнули. Еслибы я могла съ нимъ совсѣмъ разсориться, чтобы не видать его козней и низостей, проговорила она, сжимая свои руки. Бѣдное дитя! про-

должала она, обращаясь къ падчерицѣ. Онъ обманетъ тебя, продастъ тебя полякамъ, вѣроломно нарушитъ всѣ свои обѣщанія.

— Да что такое у васъ было? спросила Локсандра, блѣднѣя.

— Онъ велѣлъ мнѣ выбить у тебя изъ головы Тимоша.

Локсандра схватила мачиху за руку.

— Матушка, что же это значитъ? спросила она съ испугомъ.

— То, что онъ подшутилъ и надъ Тимошемъ, и надъ тобой, и надо всѣми нами. Онъ только отводилъ глаза, онъ и не думаетъ отдать тебя за него замужъ.

Господарша говорила гнѣвно, страстно и не замѣчала, какое вліяніе производили ея слова на дѣвушку. Локсандра помертвѣла, затряслась, потомъ схватилась обѣими руками за голову и съ громкимъ крикомъ упала на полъ.

— Что я надѣлала! прошептала господарша.

Она поспѣшно наклонилась надъ нею и стала растирать ей виски и грудь. Мало по малу дѣвушка пришла въ себя и разразилась громкими рыданіями.

— Матушка, научи, что дѣлать? говорила она. Какъ помочь горю?

— Успокойся, дитя мое! Мы придумаемъ, что нибудь, непремѣнно придумаемъ, уговаривала ее господарша. А прежде всего напиши письмо къ Тимошу, я же поищу вѣрнаго посла и отправлю къ нему это письмо.

Локсандра отерла слезы и пошла къ себѣ; она тотчасъ же написала Тимошу обо всемъ, что ее волновало и мучило, передала со словъ господарши ея разговоръ съ княземъ Василіемъ и умоляла своего рыцаря принять мѣры, настаивать, чтобы отецъ согласился скорѣе сыграть свадьбу.

Письмо было написано, но съ кѣмъ его послать; слѣдовало отдать его въ вѣрныя руки, а кому было довѣриться во дворцѣ господаря. Оно пролежало съ недѣлю, и Маріанка всѣ ноги отбѣгала, разыскивая, разузнавая, нѣтъ-ли вѣрнаго хлопца козака, котораго можно было бы послать къ пану Тимошу. Наконецъ судьба поблагопріятствовала обѣимъ женщинамъ.

Какъ то вечеромъ Маріанка прибѣжала, запыхавшись, къ господаршѣ и заявила, что случай послать письмо нашелся. Панъ

Доброшевскій въ конецъ разсорился съ паномъ Кутнарскимъ; онъ съѣхалъ съ его квартиры къ Янкелю, совсѣмъ ужъ собрался въ путь и завтра чуть свѣтъ ѣдетъ въ Украйну къ самому рыцарю. Обѣ женщины просіяли.

— Маріанка, веди его сюда, торопила Локсандра, да бѣги, бѣги, а то не застанешь его въ корчмѣ.

— Куда ему дѣться, домна? засмѣялась Маріанка. Онъ теперь засѣлъ съ горя за пиво, такъ и просидитъ, пока не ляжетъ.

Черезъ часъ явился панъ Доброшевскій съ печальнымъ вытянутымъ лицемъ, принявшимъ самое трагическое выраженіе и, отвѣсивъ почтительный поклонъ, сталъ у двери.

— Идите, панъ, идете, проговорила привѣтливо Локсандра, таща его къ мягкому дивану.—Садитесь; тутъ у насъ есть дѣло.

Доброшевскій приложилъ руку къ сердцу.

— Для прекрасной домны я готовъ въ огонь и въ воду, торжественно заявилъ онъ.

— Ну, этого не потребуется! засмѣялась княжна. Я только попрошу пана передать письмо пану Тимошу, къ которому онъ ѣдетъ.

— Не одно, десять, сто, хоть тысячу писемъ! проговорилъ панъ съ жаромъ, прижимая руки къ сердцу.

— А отчего панъ оставляетъ своего товарища? полюбопытствовала господарша.

— Это щекотливое дѣло, ваша свѣтлость! таинственно отвѣчалъ панъ. Это секретъ! многозначительно прибавилъ онъ, поднявъ палецъ кверху.

— Такъ довѣрьте намъ вашъ секретъ, панъ; мы съумѣемъ его сохранить въ тайнѣ, весело проговорила Локсандра.

— Прекрасная княжна такъ добра къ бѣдному горемыкѣ, и панъ Тимошъ тоже добръ, какъ же бы онъ вдругъ оказался свиньею противъ нихъ? Нельзя этого, никакъ нельзя! съ жаромъ докончилъ панъ, какъ бы отвѣчая на свои мысли.

— А развѣ панъ Кутнарскій требовалъ отъ васъ чего-нибудь дурнаго? допытывалась княжна.

— Панъ Кутнарскій не можетъ не дѣлать дурнаго, онъ всегда дѣлаетъ что-нибудь дурное, и вашъ покорный слуга прежде

помогалъ ему. Но у пана Доброшевскаго есть совѣсть, громко прибавилъ трагикъ, тыча себя въ грудь. Есть совѣсть, да! И онъ не измѣнитъ тому, кто спасъ ему жизнь.

— Но чего же требовалъ отъ васъ вашъ товарищъ? приставала Локсандра.

— Онъ требовалъ, онъ требовалъ.... всего, лаконически отвѣтилъ панъ.

Локсандра сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Умоляю васъ, панъ, скажите, чего именно? Мнѣ нужно знать, какія меня козни ожидаютъ; вы можете мнѣ помочь въ этомъ.

Доброшевскій всталъ передъ княжной на одно колѣно.

— Прекрасная домна! ты находишься въ опасности, тебя хотятъ силою отдать пану Вишневецкому, а если не Вишневецкому, то Потоцкому, затѣмъ его и выкупаютъ изъ плѣна. Но я не написалъ тѣхъ писемъ, которыя долженъ былъ составить. Не написалъ, пусть онъ самъ ихъ составляетъ, а я не хочу быть предателемъ.

Доброшевскій поднялся.

— Прощай, прекрасная домна! Мнѣ пора! сказалъ онъ. Я долженъ спѣшить, и уѣду завтра чуть свѣтъ; я не сказалъ ему, что ѣду и онъ увѣренъ, что я вернусь къ нему. Пусть думаетъ и ждетъ, а тѣмъ временемъ панъ Доброшевскій уже будетъ далеко, у самого пана Тимоша.

Онъ бережно завернулъ пакетъ, данный ему Локсандрою въ тряпку, замѣнявшую носовой платокъ, и сунулъ себѣ за пазуху. Потомъ съ утонченною вѣжливостью, очевидно подражая изысканнымъ манерамъ своего бывшаго патрона, онъ прикоснулся двумя пальцами къ рукѣ Локсандры, нагнулся и запечатлѣлъ неловкій поцѣлуй. Послѣ этого продѣлалъ ту же церемонію и съ господаршей.

Обѣ женщины едва удерживали улыбку при видѣ изысканныхъ па, которые онъ выдѣлывалъ своими длинными ногами, стараясь расшаркиваться по всѣмъ правиламъ искусства. Панъ Доброшевскій былъ слишкомъ занятъ собою, чтобы замѣтить

эти улыбки. Когда онъ скрылся за дверь, Локсандра со смѣхомъ кинулась на шею господарши.

— Матушка! еслибъ онъ остался еще одну минуту, я бы не выдержала! проговорила она, хохоча.

ГЛАВА V.

ВАЖНЫЯ ВѢСТИ.

Тяжелую годину переживала Украина. Хмельницкому было не до Молдавіи, да и Тимошъ за бѣдствіями родины не то что позабылъ невѣсту, но какъ то отодвинулъ ее въ болѣе глубокій уголокъ сердца, тѣмъ болѣе, что и сопернику его, князю Вишневецкому, пришлось думать не о женитьбѣ, а о битвахъ. Не мало храбрыхъ козаковъ полегло на поляхъ битвы; но и Польша также несла потери; умерли и два непримиримыхъ врага Хмельницкаго, коронный гетманъ Потоцкій и князь Іеремія Вишневецкій; первый отъ апоплексическаго удара, второй отъ желудочной болѣзни. Мѣсто короннаго гетмана занялъ польный гетманъ панъ Калиновскій. Казалось, что послѣ пораженія подъ Берестечкомъ и невыгоднаго для козаковъ договора при Бѣлой Церкви, Хмельницкому нечего было и думать о продолженіи возстанія, такъ по крайней мѣрѣ разсуждали паны и хвалились своею стойкостью на сеймѣ; имъ и въ голову не приходило, что Хмельницкій въ душѣ ликовалъ, узнавъ, что сеймъ не одобрилъ статьи договора и уже готовилъ новый планъ военныхъ дѣйствій, смиренно проводя время то въ Чигиринѣ, то въ Субботовѣ со своею молодою женою лихою козачкою Галею.

Султанъ Калга давно уже уѣхалъ въ Крымъ и увезъ съ собою Зелиму, разсчитывая пристроить ее тамъ въ чьемъ нибудь гаремѣ.

— Какъ получитъ мужа построже, перестанетъ бѣситься! говорилъ онъ.

Когда наружно все поуспокоилось, и Хмельницкій съ сыномъ зажили по домашнему, Тимошъ попробовалъ раза два заикнуться про свою невѣсту.

— Отецъ! говорилъ онъ гетману: теперь ужъ второй годъ на исходѣ, а отсрочка была только на годъ, сколько же еще я долженъ ждать? Пусти меня въ Молдавію, теперь я тебѣ не нуженъ; я возьму княжну съ боя, хотя бы для этого пришлось перешагнуть черезъ трупъ ея отца.

— Погоди, сынку! отвѣчалъ Богданъ. Всему свое время будетъ. Вотъ я напишу князю письмецо, напомню о его обѣщаніи, а тамъ, если это не подѣйствуетъ, посмотримъ, что дѣлать. Султанъ Нуреддинъ стоитъ на границѣ, а съ нимъ и Карабча мурза. Стоитъ только ихъ кликнуть, они пойдутъ съ нами куда угодно.

— Нужно ли писать господарю? нетерпѣливо возразилъ Тимошъ. Панъ Доброшевскій довольно представилъ доказательствъ его коварства. Не лучше ли прямо нагрянуть къ нему, чѣмъ еще переписываться, что займетъ немало времени.

— Нельзя, сынку! отвѣчалъ гетманъ. Надо, чтобы все имѣло приличный видъ. А ты снаряди-ка своего пана, пусть ѣдетъ въ Яссы посломъ и свезетъ князю мою грамотку.

Богданъ присѣлъ писать, а Тимошъ розыскалъ пана Доброшевскаго и объявилъ ему о намѣреніи отца послать его въ Молдавію.

Панъ Доброшевскій не обрадовался этому порученію.

— Ясновельможный пане! взмолился онъ, становясь въ трагическую позу. Неужели у пана гетмана не найдется козаковъ и храбрѣе, и искуснѣе меня въ этомъ дѣлѣ? Что я за несчастный, что всюду мною помыкаютъ. Только обжился, обогрѣлся подъ милостивымъ вниманіемъ пана гетмана, и вотъ опять посылаютъ меня странствовать, да еще туда, гдѣ мнѣ пожалуй и не сдобровать.

— Не бойся, панъ! успокаивалъ Тимошъ. Тебя, какъ посла, пальцемъ не тронутъ. А долго тебѣ тамъ тоже оставаться не для чего, отдашь отцовскую грамоту и назадъ.

Панъ Доброшевскій тяжело вздыхалъ и охалъ, но перечить гетману не рѣшился, онъ его сильно побаивался.

Посланіе Богдана отличалось особенною краткостью.

„Сосватай, господарь, дочь свою съ сыномъ моимъ Тимоѳеемъ, и тебѣ хорошо будетъ; а не выдашь, изотру, изомну, и

останка твоего не останется, и вихремъ прахъ твой размечу по воздуху".

Панъ Доброшевскій собрался въ путь и получилъ отъ Тимоша конфиденціальное посланіе къ Локсандрѣ.

Соперникъ Тимоша, похоронивъ своего знаменитаго дядю, оставался при польскомъ войскѣ, время отъ времени получая отъ пана Кутнарскаго извѣстія о томъ, что дѣлалося въ Яссахъ. Войско стояло въ Винницѣ подъ начальствомъ пана короннаго гетмана Калиновскаго.

Князь Дмитрій сидѣлъ въ своей палаткѣ и въ десятый разъ перечитывалъ письмо, только что полученное имъ изъ Яссъ, когда вошли къ нему молодые паны Потоцкій и Калиновскій, только что вернувшіеся изъ плѣна. Князь Дмитрій обрадовался гостямъ и велѣлъ своему дворецкому подать вина и зажечь свѣчи въ шандалахъ. Изъ-подъ приподнятаго полога палатки проникали еще лучи заходящаго солнца, и ихъ красноватый отблескъ смѣшивался съ желтоватымъ блескомъ восковыхъ свѣчей, переливаясь прихотливыми цвѣтами по богатой сервировкѣ стола и по яркой дорогой одеждѣ молодыхъ пановъ.

— Панъ обозный не откажетъ разсказать, какъ паны спаслися изъ плѣну? обратился Вишневецкій къ пану Самуилу. Здѣсь ходили такіе чудовищные разсказы о спасеніи пановъ, что трудно было имъ повѣрить.

— Да, наши похожденія, дѣйствительно, напоминаютъ сказку изъ Тысячи и одной ночи, замѣтилъ, смѣясь, Калиновскій.— Князю извѣстно, что всю эту махинацію подстроилъ его будущій тесть, господарь Молдавіи.

Князь Дмитрій поморщился: въ войскѣ немало дразнили его этимъ тестемъ и ему приходилось или отгрызаться, или отмалчиваться; въ настоящемъ случаѣ онъ предпочелъ послѣднее.

— Князь Василій, продолжалъ Самуилъ, несмотря на легендарную его скупость, на этотъ разъ не пожалѣлъ своихъ сокровищъ. Онъ снарядилъ надежное судно, ожидавшее насъ въ одной изъ незначительныхъ крымскихъ бухтъ. Но, чтобы достигнуть судна, надо было освободиться изъ высокой тюрьмы,

гдѣ мы сидѣли, какъ въ клѣткѣ. Признаюсь, не очень было весело сидѣть намъ втроемъ въ полутемномъ каменномъ мѣшкѣ и видѣть глупыя физіономіи татарскихъ сторожей съ ихъ нелѣпыми улыбками и вѣчными просьбами о бакшишѣ. Тутъ намъ помогъ армянинъ, состоящій на польской службѣ толмачемъ въ Константинополѣ. Онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы освободить насъ и провести на корабль. Какъ онъ подружился съ нашими сторожами, какъ у нихъ дошло до общей попойки, этого я вамъ не умѣю объяснить. Но въ одинъ прекрасный день или, лучше сказать, въ одну прекрасную ночь всѣ наши сторожа оказались опоенными виномъ съ дурманомъ. Къ намъ вошли наши спасители, армянинъ и еще одинъ надежный человѣкъ, кажется, грекъ. Они перепилили наши цѣпи, дали намъ платье, чтобы переодѣться и повели насъ къ берегу по тропинкамъ и ущельямъ, однимъ имъ только извѣстнымъ. Прислугу нашу мы боялись взять съ собою, хотя и выпустили ихъ и отправили наудачу по прямой дорогѣ и они попались въ руки посланной за нами погони; но они не могли насъ выдать, такъ какъ сами не знали, куда мы направили путь. Насъ усердно искали во всѣхъ уголкахъ Молдавіи, а мы благополучно прибыли въ Константинополь; тамъ заплатили часть денегъ нашимъ спасителямъ и, пользуясь тайною помощью венеціанскаго консула, не медля ни минуты, отправились на томъ же кораблѣ въ Венецію, а оттуда сухимъ путемъ сюда. Князь можетъ представить, что мы вздохнули только тогда свободно, когда почувствовали польскую почву подъ своими ногами. Теперь князь Василій можетъ разсчитывать на польскую помощь. Отецъ готовъ ему помогать, хотя бы для этого ему пришлось дѣйствовать противъ воли короля.

— Кстати! какъ бы невзначай замѣтилъ князь Дмитрій. Какое такое посланіе получилъ король отъ молдавскаго господаря? Я получилъ объ этомъ темныя извѣстія, мнѣ сообщаютъ будто бы князь проситъ заступничества короля противъ Хмельницкаго. Слышалъ панъ коронный гетманъ что нибудь объ этомъ посланіи?

— Какъ же! весело отвѣчалъ панъ Самуилъ. Посланіе это было даже переслано къ отцу для его соображеній. Въ немъ князь

Василій слезно умоляетъ короля защитить его отъ назойливаго зятя и отъ свата, посылающаго ему далеко нелестныя привѣтствія.

— Умница этотъ господарь! Клянусь честью умница! засмѣялся панъ Николай. Князь Дмитрій право счастливецъ! обратился онъ къ Вишневецкому. Въ концѣ концевъ онъ пріобрѣтетъ прекрасную домну и въ придачу такого милаго тестя; а потомъ они подѣлятъ между собою Молдавію и Валахію, а Матѳея съ его Радулами и Гиками сотрутъ съ лица земли.

— Зачѣмъ? подхватилъ Самуилъ. Съ лица земли сотрутъ Матѳея, а Радула и Гику оставятъ, благодаря блестящему состоянію финансовъ. Они только подѣлятъ между собою этихъ великихъ людей, господарь возьметъ Гику, какъ наиболѣе способнаго творить деньги изъ ничего, а панъ оставитъ за собою Радула, какъ наиболѣе храбраго.

— Клянусь мечемъ предковъ! продолжалъ, смѣясь, панъ Николай. Я искренно завидую князю. Нужно—же было моему родителю такъ не во время отправиться на тотъ свѣтъ; если бы не это обстоятельство, мы бы поспорили съ княземъ Дмитріемъ, и въ предполагаемомъ раздѣлѣ я бы навѣрно не уступилъ господарю Гики; а теперь, съ комическимъ вздохомъ проговорилъ онъ, обращаясь къ Вишневецкому, мнѣ придется развѣ только просить князя Дмитрія, при восшествіи его на валашскій престолъ, сдѣлать меня своимъ великимъ вистерникомъ.

Князь Дмитрій въ душѣ желалъ панамъ провалиться сквозь землю. Они выворачивали наружу его тайныя мысли, которыя онъ считалъ скрытыми отъ постороннихъ глазъ. Это раздражало его тѣмъ болѣе, что вопросъ о прекрасной княжнѣ съ каждымъ днемъ становился неразрѣшимѣе. Если бы еще онъ самъ могъ лично отправиться въ Яссы; но дьявольская служба скручивала его по рукамъ и ногамъ, объ отпускѣ нечего было и думать въ виду воинственнаго настроенія польской арміи. Князь Дмитрій счелъ за лучшее тоже отшучиваться.

— Само собою, отвѣчалъ онъ, улыбаясь, панъ вполнѣ можетъ разсчитывать на расположеніе мое къ нему и на уваженіе мое къ его талантамъ казначея.

Панъ Николай въ свою очередь прикусилъ губу; всѣмъ была извѣстна его расточительность и безтолковое киданіе денегъ направо и налѣво.

Въ эту минуту въ палатку просунулась голова дневальнаго.

— Что такое? сердито крикнулъ князь.

Вишневецкій не любилъ, чтобы прерывали его пирушки съ друзьями.

— Молодой козакъ желаетъ видѣть вельможнаго князя. Говоритъ, съ важными вѣстями.

— Веди сюда! коротко приказалъ князь.

— Князь Дмитрій позволяетъ намъ остаться? проговорили гости.

— О, конечно, панове! у меня не можетъ быть секретовъ съ козаками! весело отвѣчалъ князь.

Въ палатку вошелъ козакъ съ нахлобученною на глаза шапкою.

— Что тебѣ нужно? спросилъ Дмитрій.

Козакъ, почти мальчикъ, съ черными блестящими изъ подъ шапки глазами, обвелъ не спѣша всѣхъ пристальнымъ взглядомъ и затѣмъ также не спѣша снялъ шапку. Длинные черные волосы разсыпались по плечамъ.

— Женщина! съ изумленіемъ вскричали паны.

— И недурна! воскликнулъ панъ Николай. Ей-ей, недурна!

Незнакомка бросилась къ ногамъ князя и проговорила на ломанномъ полумалороссійскомъ, полупольскомъ нарѣчіи:

— Ясновельможный пане! Бѣдная Зелима проситъ твоей защиты, твоего покровительства.

— Кто ты? спросилъ удивленный князь. Говори, что тебѣ нужно?

— Твой врагъ Тимошъ, сынъ козацкаго гетмана, и мой врагъ, продолжала Зелима, обнимая колѣна князя.

— Однако это интересно! проговорилъ панъ Николай, покручивая усы. Тутъ очевидно замѣшались стрѣлы амура; только жаль, что Венера татарской крови. Впрочемъ у этихъ хлоповъ вкусъ неразборчивъ.

— Ну, я не могу сказать, чтобы на этотъ разъ у Тимоша былъ плохой вкусъ! сказалъ Самуилъ.

— Гей, гей, пане! а чтобы на это сказала пани Урсула?

Князь Дмитрій ласково поднялъ Зелиму.

— Не бойся, не путай! скажи прямо, чего ты отъ меня хочешь?

— Я прошу одной милости! съ горящими глазами проговорила татарка. Позволь мнѣ остаться въ лагерѣ; у васъ есть колдуньи, я тоже умѣю гадать.

— О—о! панъ обозный! замѣтилъ панъ Николай. Татарская красавица умѣетъ гадать! Не хочетъ ли панъ узнать свою судьбу?

Татарка сверкнула на нихъ своими очами.

— Не всѣмъ предстоитъ счастливая доля! сказала она. А мы, женщины юга, привыкли читать на лицахъ, прибавила она съ серьезной мрачностью.

— Что-то не хорошо, панъ Самуилъ? проговорилъ Потоцкій, дергая за рукавъ своего товарища. Она что то накаркала пану....

— Пустяки! проговорилъ Калиновскій, вздернувъ плечами.

— Дозволь же, князь, мнѣ остаться въ лагерѣ! проговорила Зелима, обращаясь опять къ князю Дмитрію. Я буду служить тебѣ, какъ вѣрная собака; я и теперь могу тебѣ сказать кое что, я только что съ Украйны, проговорила она полушепотомъ, приближаясь къ князю и наклоняясь къ его уху:

— Твой недругъ собирается въ походъ. Они посылали посла въ Яссы, а тотъ узналъ про письмо господаря къ королю, подкупилъ кого то и списалъ это письмо. Гетманъ рветъ и мечетъ. Татары готовы въ походъ. Козаки тоже. Падишахъ далъ свое позволеніе.

Князь Дмитрій вскочилъ съ мѣста.

— Ты и въ правду вѣдьма! вскричалъ онъ съ суевѣрнымъ ужасомъ. Гдѣ же ты могла все это узнать?

— Зелима и живетъ только тѣмъ, что узнаетъ про гетманова сына, съ усмѣшкою проговорила она, очевидно наслаждаясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ ея словами на князя.—Зе-

лима скажетъ тебѣ еще больше, продолжала она, опять наклонясь къ его уху:

— Гетманъ условился съ падишахомъ, если господарь будетъ убитъ, Тимошъ заступитъ его мѣсто. Если же они помирятся, то Тимошъ получитъ Валахію.

— Что шепчетъ князю прекрасная колдунья? спросилъ панъ Самуилъ.

— Невѣроятныя вещи, панъ обозный! отвѣчалъ князь Дмитрій. Козаки съ татарами идутъ на Молдавію, Тимошъ мѣтитъ на валашскій престолъ.

— Эге! со смѣхомъ протянулъ панъ Николай. Мѣсто великаго вистерника отъ меня ускользаетъ такъ же, какъ и престолъ отъ князя Дмитрія.

— Однако, панове! замѣтилъ Самуилъ. Показанія этой колдуньи такъ важны, что я предлагаю тотчасъ же отвести ее къ моему отцу.

— Конечно, конечно! Панъ Самуилъ совершенно правъ! согласился князь Дмитрій. И Зелиму торжественно повели въ палатку короннаго гетмана.

О. Рогова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЮДИ СТАРОЙ БРАЦЛАВЩИНЫ.[1)]

3. Өедоръ Гневошовичъ Стрижевскій.

Послѣднее извѣстіе о Гневошѣ Дмитріевичѣ Стрижевскомъ мы имѣемъ въ актѣ отъ 2 генваря 1604 года, гдѣ онъ подписался по долгу службы въ должности войскаго винницкаго. Жилъ онъ вѣроятно уже недолго, потому что въ 1613 году распоряжается наслѣдственнымъ имѣніемъ сынъ его Өедоръ, въ то время тоже немолодой человѣкъ. Онъ былъ женатъ на дочери винницкаго подстаросты Григорія Чечеля, Регинѣ, происходившей изъ мѣстнаго земянскаго рода Чечелей, владѣвшихъ помѣстьями въ брацлавскомъ повѣтѣ. Изъ заставнаго акта покойнаго Гневоша Дмитріевича, совершеннаго въ пользу жены Олены Чаплянки, слѣдуетъ предполагать, что Өедоръ не былъ ихъ единственнымъ сыномъ; но мы о другихъ дѣтяхъ Гневоша ничего не знаемъ. Не всѣ при этомъ имѣнія Гневоша достались сыну Өедору; вѣроятно, нѣкоторыя изъ нихъ перешли къ другимъ дѣтямъ. Изъ актовъ видно, что Өедору принадлежало въ винницкомъ повѣтѣ только стрижовское имѣніе, состоявшее изъ м. Стрижовки и сс. Лесіевки, Сосонки, Соболевки и кобыленскихъ грунтовъ. Нѣтъ у насъ свѣдѣній, что сталось съ Яновомъ, Святковцами или Цвѣтковцами, Пилявинцами и Клобучищами, упомянутыми выше въ перечнѣ имѣній Гневоша Стрижевскаго. Яновское имѣніе не граничило съ стрижевскимъ и, вѣроятно, перешло къ другимъ дѣтямъ Гневоша Дмитріевича или въ постороннія руки. Что ка-

[1)] См. „Кіевская Старина“, 1889, 5—6.

сается другихъ, то онѣ лежали въ чертѣ стрижевскаго имѣнія въ бассейнѣ р. Десны. Взглянувъ на подробную карту, легко убѣдиться, что въ описываемой мѣстности Цвѣтковцы, Пилявинцы и Клобучища теперь вовсе не существуютъ. Можетъ быть относительно Пилявинецъ произошла въ актахъ ошибка: можетъ быть это теперешнія Холявинцы, лежащія на лѣвомъ берегу р. Жерди (притокъ Десны) противъ с. Лесіевки, извѣстныя подъ тѣмъ же именемъ въ концѣ первой половины XVII ст. Утвердительно сказать трудно. Село Клобучища въ одномъ актѣ 1623 года названо уже урочищемъ на границѣ грунтовъ с. Сосонки. Въ тѣ смутныя времена, когда и внѣшній хищный врагъ, и внутренній не менѣе хищный наѣздникъ ежегодно уничтожали, съ землей ровняли людскія поселенія, превращеніе населенныхъ пунктовъ въ пустыри и урочища и обратно было дѣломъ чуть ли не повседневнымъ.

Кромѣ отцовскихъ имѣній, Ѳедоръ и Регина Стрижевскіе имѣли и благопріобрѣтенное. Еще при жизни отца, 22 января 1599 года они купили у винницкаго гродскаго судьи Михаила Ласка за 1.000 зол. польс. половину с. Сивоковецъ, расположеннаго на лѣвомъ берегу р. Десны, смежнаго съ имѣніями стрижовскаго ключа. Февраля 5 дня того же года была сознана донація въ пользу супруговъ Стрижевскихъ передъ винницкимъ городскимъ судомъ. Имѣніе это состояло въ общемъ владѣніи съ земяниномъ Омеляномъ—Ждановъ Гречиной - Сабаровскимъ, которому принадлежало право на вторую половину с. Сивоковецъ. Село это и принадлежавшія къ нему земли врѣзывались длиннымъ клиномъ въ помѣстья Гневоша Стрижевскаго, отдѣлявшимъ грунты кобыленскіе отъ соболевскихъ. Для округленія границъ и устраненія чрезполосности, паны Стрижевскіе стремились пріобрѣсти и вторую половину Сивоковецъ, но Гречина не хотѣлъ пойти на сдѣлку и вслѣдствіе этого между нимъ и Ѳедоромъ Стрижевскимъ, его новымъ совладѣльцемъ, возникли сначала мелкія ссоры, дошедшія вскорѣ до процессовъ о разныхъ самоуправствахъ и нарушеніяхъ владѣнія, окончившихся декретомъ люблинскаго трибунала отъ 10 іюля 1603 года, которымъ предписывалось брацлавскому подкоморію Лаврину Пясочинскому произвести между

супругами Стрижевскими и Гречиной-Сабаровскимъ раздѣлъ сивоковецкаго имѣнія въ равныхъ доляхъ.

Ѳедоръ Стрижевскій имѣлъ съ Региной Григорьевной одного сына Самуила и трехъ дочерей: Аполлонію, Татьяну и Ганну. Семья эта была пока русская, связанная тѣсными узами родства съ мѣстными старыми родами. Владѣя сравнительно большими средствами, хотя и не занимая никакого служебнаго поста, Ѳедоръ Гневошовичъ стремился все таки удержаться на занятой предками ступени среди мѣстнаго земянства, и отдавая дань духу времени и новымъ со временъ уніи вѣяніямъ съ запада, волейневолей долженъ былъ сблизиться съ польскими сферами.

Со времени учрежденія воеводства, мѣстныя отношенія быстро стали измѣняться. Реформа военно-административная и судебная создали множество совершенно новыхъ выборныхъ и коронныхъ должностей и установили въ порядкѣ подчиненности тѣсныя и постоянныя сношенія брацлавскихъ повѣтовъ съ Варшавой, Люблиномъ и Радомомъ. Для польской шляхты открылся теперь болѣе удобный доступъ въ богатую брацлавскую окраину, въ особенности подъ крыломъ двухъ богатыхъ польскихъ родовъ Калиновскихъ и Потоцкихъ, занимавшихъ здѣсь все время съ небольшими промежутками старостинскія и воеводскія должности. Съ конца XVI, а въ особенности въ началѣ XVII ст. приливъ поляковъ въ Брацлавщину усиливается съ каждымъ годомъ; они шагъ за шагомъ выбиваютъ съ позиціи старое русское земянство, забирая постепенно въ свои руки уряды и помѣстья. Со времени уніи и къ моменту хмельничины больше половины пространства винницкаго повѣта перешло въ польскія руки или на вотчинномъ правѣ, или какъ старостинскія державы. Частныя вотчины переходили или путемъ покупокъ, или путемъ браковъ между поляками и русскими. Богатыя русскія невѣсты не засиживались. Блестящая польская молодежь часто посѣщала украинскіе дворы и добивалась руки и сердца украинскихъ красавицъ, хотя и мало воспитанныхъ, часто грубыхъ и неграмотныхъ, но владѣвшихъ обширными пространствами полей, луговъ и лѣсовъ.

Въ 1612 году двѣ старшія дочери Ѳедора Гневошовича, Татьяна и Аполлонія, только что вышли изъ дѣтства; младшей Ганнѣ было всего лѣтъ семь. Къ этому времени въ домъ Стрижевскаго являются два жениха, оба поляки: Станиславъ Кронковскій и Мацѣй Пшерадовскій. Знакомство и сватовство устроилось при посредствѣ семейства Кордышей, родственниковъ Стрижевскихъ. Родная сестра пани Регины Стрижевской была замужемъ за Иваномъ Кордышемъ изъ брацлавскаго повѣта. Сынъ ихъ Василій Ивановичъ Кордышъ, проводя много времени въ Винницѣ, сошелся съ Кронковскимъ и Пшерадовскимъ и подружился особенно съ первымъ. Господа эти постоянно вращались въ судебномъ мірѣ. Мацѣй Кронковскій, впослѣдствіи мечникъ и подстароста винницкій, служилъ въ то время въ гродской канцеляріи, а племянникъ его Станиславъ занимался адвокатурой. Уже въ 1606 году онъ выступаетъ въ качествѣ формально уполномоченнаго отъ имени Ободенскихъ въ вотчинномъ процессѣ съ Коцубами-Якушинскими, а затѣмъ имя его въ этой роли встрѣчается въ разныхъ процессахъ довольно часто. Ѳедоръ Стрижевскій дѣлъ въ судахъ имѣлъ много; онъ не шелъ по слѣдамъ своего отца и любилъ заводить съ сосѣдями споры, на захватъ отвѣчалъ захватомъ, на наѣздъ наѣздомъ, а потому и опытные законовѣды ему были нужны. Все это вмѣстѣ взятое сблизило Кронковскаго и Пшерадовскаго съ домомъ Стрижевскихъ. Молодыхъ бывалыхъ шляхтичей принимали въ скромномъ русскомъ домѣ радушно и имъ не стоило большихъ усилій, чтобы добиться желаннаго успѣха въ сватовствѣ, продолжавшемся впрочемъ недолго. Старшая изъ невѣстъ, Татьяна, помолвлена за Пшерадовскаго, а младшая, Аполлонія, за Кронковскаго. Свадьба была съиграна одновременно въ мясоѣдъ 1613 года. Въ приданое дочерямъ Ѳедоръ Стрижевскій, кромѣ слѣдуемой имъ по литовскому статуту четвертой части родоваго имѣнія, сейчасъ же отдалъ свое благопріобрѣтенное имѣніе въ с. Сивоковцахъ, гдѣ и поселились Пшерадовскіе, а Кронковскіе устроились въ Винницѣ. На Сивоковцахъ тяготѣлъ довольно солидный долгъ Стрижевскаго въ 500 копъ грош. лит., присужденный съ него люблинскимъ трибуналомъ въ пользу сосѣдки пани Анны Ивановны Микулинской. Вслѣдствіе

этого, формальное переукрѣпленіе Сивоковецъ за дочерями должно было быть отложено, тѣмъ болѣе, что расчетъ съ Микулинской затягивался. Срокъ, опредѣленный трибуналомъ для уплаты этихъ денегъ, приходился на конецъ мая мѣсяца 1613 г., но къ этому времени винницкій гродскій судъ былъ закрытъ и судебныхъ засѣданій не было. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти знаменитаго Юрія Струса изъ Коморова, винницкимъ старостой назначенъ былъ Александръ Васильевичъ Болобанъ, племянникъ знаменитаго владыки Гедеона, но онъ въ то время еще не успѣлъ принести присяги и вступить въ должность. Въ такомъ положеніи не было возможности совершить въ судѣ формальной росписки и стороны, въ лицѣ Ивана Микулинскаго и Пшерадовскаго съ Кронковскимъ, явившись въ судъ для расчета, ограничились подачей возному соотвѣтственныхъ заявленій, которыя и переданы были въ ближайшій сосѣдній судъ — въ Житомиръ [1]). Только къ 28 декабря 1613 г. удалось совершить въ винницкомъ гродскомъ судѣ двѣ дарственныя записи на с. Сивоковцы. По одной изъ нихъ Ѳедоръ подарилъ свою часть въ половинѣ Сивоковецъ Матвѣю и Татьянѣ Пшерадовскимъ, а Регина свою часть Станиславу и Аполлоніи Кронковскимъ.

Этимъ небольшимъ выдѣломъ зятья не удовлетворились и начали настаивать на немедленномъ выдѣлѣ указной части изъ родоваго имѣнія. Между тѣмъ отцу нелегко приходилось справляться съ хозяйствомъ и охраной границъ на всей территоріи своихъ имѣній. Обширные кобыленскіе грунты граничили съ юга съ имѣніями Кропивницкихъ и Ободенскихъ, которые, владѣя сравнительно небольшими пространствами, нуждались въ свободныхъ земляхъ и угодьяхъ для возрастающаго населенія. Это и было естественной причиной стремленія пріурочить къ своимъ помѣстьямъ побольше пустыхъ земель или незанятыхъ лѣсовъ. Прямымъ послѣдствіемъ явились захваты, споры, самоуправство и процессы. Ѳедоръ Стрижевскій имѣлъ много хлопотъ въ стрижевскомъ ключѣ, а потому охотно согласился выдѣлить дочерямъ еще при жизни своей ихъ узаконенную часть въ кобыленскихъ

---

[1]) Опись акт. кн. Кіевс. Центр. Арх. № 9, ст. 26 и 27.

грунтахъ.—Вопросъ затруднялся только тѣмъ, что младшая дочь Анна была еще малолѣтней и не могла вступить въ фактическое владѣніе выдѣляемымъ имѣніемъ. Вскорѣ однако зятьямъ удалось добыть актъ выдѣла, составленный Ѳедоромъ Гневошовичемъ въ Стрижевкѣ 8 іюля 1614 года. Въ немъ старикъ поясняетъ, что: „по просьбѣ дочерей Аполоніи Кронковской и Тетяны Пшерадовской, не совершая на сей разъ *скутечного* выдѣла, откладывая таковой до совершеннолѣтія дочери малой Ганны, которая тоже должна будетъ имѣть свою часть, въ настоящее время имъ, Аполоніи Кронковской и Тетянѣ Пшерадовской, и ихъ потомкамъ, села кобыленскія, ничего на себя и своихъ потомковъ не оставляя, силою вѣчнаго выдѣла *пускаю и уступаю, въ моцъ и въ держене, въ вѣчное ужыване и шафоване отдаю*, которое то село помененое дочери мои Аполонія и Тетяна, принявъ во владѣніе, могутъ на вѣчныя времена *ужыватьı и шафоватьı* съ дочерью моей Ганной, когда достигнетъ совершенныхъ лѣтъ по своему *прырожденому праву, которымъ имъ четверта часть во всихъ именяхъ отчыныхъ приналежытъ*". Актъ этотъ только въ 1615 г. явленъ былъ въ винницкихъ гродскихъ книгахъ.

Выдѣливъ дочерей, Ѳедоръ Гневошовичъ постарался обезпечить и жену на случай своей смерти и пустилъ ей заставомъ въ суммѣ 10.000 зол. пол. лучшее изъ стрижевскаго ключа имѣніе с. Лисіевку, занимавшее сѣверную полосу его владѣній. Кромѣ обширныхъ лѣсовъ и сѣножатей, тамъ было много пахатнаго поля, качествомъ значительно лучшаго, чѣмъ супесчаные грунты стрижевскаго Побужья. Лисіевскіе грунты доходили до границъ королевскаго села Мизякова, состоявшаго въ то время въ арендномъ пользованіи (посессіи) извѣстнаго въ подольской землѣ генерала подольскаго, каменецкаго, летичевскаго, брацлавскаго и звенигородскаго старосты Валентія—Александра Калиновскаго. Этотъ магнатъ велъ вездѣ неустанную аграрную войну съ сосѣдями. Въ 1616 году возникли и на лисіевской границѣ споры. Дѣло дошло до того, что по личному приказанію генерала подольскаго нѣсколько сотъ бояръ и подданныхъ мизяковскихъ 28 іюня 1616 г. заняли силою лисіевскіе грунты. Судебная по этому дѣлу *инквизиція* (слѣдствіе) установила, что этотъ

отрядъ, перейдя силою старую границу, сначала явился на поляхъ дворныхъ (помѣщичьихъ), на которыхъ становится 600 копенъ хлѣба, и заставъ тамъ экономическіе плуги, которыми пахали стрижевскіе подданные, изрубилъ таковые, а плугатарей „bijąc y mordüiąc gwałtownie“ согналъ, землю же готовую обсѣменили своимъ зерномъ люди мизяковскіе. Другой экономическій ланъ, на которомъ становится 500 копенъ хлѣба, заняли тоже и не допустили вспахать. Кромѣ того, тотъ же отрядъ занялъ нивы лисіевскихъ подданныхъ, лежавшія невдалекѣ отъ дворныхъ лановъ. На этихъ крестьянскихъ нивахъ становилось до 4.000 копенъ хлѣба. Калиновскій занялъ также и всѣ сѣножати при этихъ дворныхъ ланахъ и крестьянскихъ нивахъ, такъ что въ настоящее время (1617 года) завладѣлъ всѣми грунтами почти до самаго села Лисіевки. Со стороны владѣлицы Лисіевки Регины Стрижевской выступилъ Станиславъ Кронковскій, предъявивъ къ Калиновскому искъ объ изъятіи изъ его владѣнія захваченныхъ земель и уплатѣ 3.000 копъ грош. лит. убытковъ. Дѣло тянулось два года въ винницкомъ гродскомъ судѣ и въ люблинскомъ трибуналѣ, который декретомъ отъ 25 іюня 1618 г., разсмотрѣвъ производство и между прочимъ цитированный выше актъ королевскихъ коммиссаровъ отъ 1580 года, постановилъ разрѣшить дѣло присягой владѣлицы Регины Стрижевской, которая и состоялась въ шестинедѣльный срокъ послѣ трибунальскаго декрета въ присутствіи винницкаго гродскаго суда. Этимъ закончился процессъ о землѣ въ пользу пани Стрижевской, а по вопросу о количествѣ убытковъ тянулся еще долго, но чѣмъ кончился неизвѣстно. Калиновскій, разумѣется, предъявилъ (въ 1618 г.) съ своей стороны встрѣчный искъ тоже въ суммѣ 3.000 копъ грошей лит. убытковъ, причиненныхъ самоуправствами со стороны Стрижевскихъ.

Единственный сынъ Θедора Гневошовича, Самуилъ, женился на русской землянкѣ брацлавскаго повѣта Θедорѣ Карачевской—Красносельской. Вскорѣ послѣ этой женитьбы, около 1620 года, отецъ передалъ ему при жизни своей все имѣніе, причемъ заставную сумму своей жены 10.000 зол. пол. перенесъ съ Лисіевки на с. Сосонку, что, разумѣется, было весьма выгодно для

Самуила, такъ какъ Сосонка и пространствомъ, и качествомъ земли далеко уступала Лисіевкѣ.

Послѣдніе годы жизни Өедора Гневошовича были омрачены начавшимся семейнымъ разладомъ. Самуилъ Өедоровичъ считалъ себя обиженнымъ со стороны Кронковскихъ и Шерадовскихъ. Всѣ кобыленскіе грунты только на бумагѣ и по разсчету, сдѣланному отцомъ, составляли четвертую часть наслѣдственныхъ имѣній; въ сущности же цѣнность ихъ была далеко выше. Да кромѣ этой указанной части зятья успѣли выпросить у родителей и благопріобрѣтенное имѣніе с. Сивоковцы. Въ довершеніе всего отецъ передалъ матери Сосонку изъ его удѣла, не обязавъ въ ея пользу сестеръ ничѣмъ. Эту несправедливость отцовскихъ распоряженій Самуилъ Өедоровичъ объяснялъ жадностью зятьевъ и заступничествомъ за нихъ матери. Отношенія между Самуиломъ и другими членами семейства до того обострились, что онъ сталъ враждебно относиться даже къ родной матери. Пользуясь тѣмъ, что въ заставномъ актѣ на с. Сосонку не были точно указаны границы этого помѣстья, Самуилъ сталъ захватывать у матери земли и угодія; это для него было тѣмъ легче, что сосонское имѣніе всегда входило въ составъ стрижевскаго ключа, самостоятельно никогда не существовало, а потому и не могло имѣть точныхъ и постоянныхъ границъ. Охраняя интересы жены и желая ее оградить отъ непріятностей со стороны роднаго сына, огорченный старикъ Өедоръ Гневошовичъ долженъ былъ совершить дополнительную запись, обезпечивавшую владѣнія его жены отъ притязаній сына и точно опредѣлявшую границы этихъ владѣній.

Запись эта помѣчена 30 августа 1623 г. и того же числа была принята къ явкѣ винницкимъ подстаростою Мартыномъ Ласкомъ.

Это было послѣднее распоряженіе Өедора Гневошовича; осенью того же года онъ сошелъ въ могилу. Желая обезпечить миръ и спокойствіе въ семьѣ послѣ своей смерти, онъ при жизни передалъ дѣтямъ наслѣдство и обезпечилъ жену; не успѣлъ только пристроить младшей дочери Ганны. Но не сбылись мечты отца.

Со смертію его все пошло прахомъ. Старое богатое и огромное имѣніе Кощичей-Стрижевскихъ въ короткое время по частямъ все переходитъ въ руки людей новыхъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ угасаетъ навсегда и самый родъ Стрижевскихъ.

---

4. Дѣти Өедора Гневошовича и его наслѣдство.

О ближайшей судьбѣ дѣтей пана Өедора Гневошовича Стрижевскаго и его наслѣдства намъ приходится черпать свѣдѣнія уже не изъ подлинныхъ актовъ, которыхъ вообще осталось весьма немного. Всѣ винницкія гродскія и брацлавскія земскія книги первой половины XVII ст. уничтожены во время козацкихъ войнъ. Жалкіе остатки нѣсколькихъ книгъ, уцѣлѣвшіе какимъ то чудомъ, переплетенные въ одну книгу, хранятся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, весь же архивъ Брацлавщины за цѣлое полстолѣтія отъ пожара винницкаго замка въ 1580 г. до 1648 года погибъ окончательно. Во всѣхъ вотчинныхъ процессахъ XVIII вѣка, когда дѣло доходило до необходимости представить суду архивные документы со временъ ante hosticum, стороны ограничивались ссылкой на манифестъ новаго брацлавскаго земскаго писаря Казиміра Зештелинскаго отъ 18 января 1664 года, которымъ онъ заявилъ брацлавскому земству, что, вступивъ въ должность, онъ не нашелъ ни одной книги и что всѣ книги брацлавскаго воеводства сожжены во время козацкихъ войнъ. Весьма немного *мембрановъ* и формальныхъ выписей изъ этой эпохи сохранилось въ рукахъ частныхъ лицъ, тягавшихся въ прошломъ вѣкѣ о наслѣдственныхъ и вотчинныхъ правахъ. Въ протоколахъ и рѣшеніяхъ по этого рода дѣламъ встрѣчаются ссылки и цѣлыя цитаты изъ древнихъ актовъ. Матеріалъ это весьма скудный какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Старые акты цитировались постольку, поскольку они относились къ данному вопросу, а потому и добытыя изъ этого матеріала свѣдѣнія отличаются сухостью и краткостью. Такого рода скудныя свѣдѣнія удалось мнѣ собрать и о дѣтяхъ Өедора Гневошовича.

Супруги *Кронковскіе* весьма скоро ликвидировали свои дѣла въ винницкомъ повѣтѣ. Чрезъ два года послѣ выдѣла кобыленскаго имѣнія Аполлоніи и Татьянѣ, Станиславъ Кронковскій постарался права жены перевести на свое имя. Въ 1616 году 28 ноября Аполлонія Ѳедоровна въ *ассистенціи* своего двоюроднаго брата Василія Кордыша, пріятеля мужа, совершила въ винницкомъ гродскомъ судѣ актъ, которымъ передала мужу Станиславу Кронковскому право собственности на свою часть въ кобыленскомъ имѣніи и, кажется, одновременно и права свои въ с. Сивоковцахъ. Кронковскому вскорѣ удалось пріобрѣсти и вторую часть с. Сивоковецъ, принадлежавшую Гречынамъ-Сабаровскимъ. Старикъ Омелянъ-Жданъ Гречына-Сабаровскій уже давно умеръ и имѣніе унаслѣдовалъ сынъ его Василій Гречына. Онъ былъ женатъ на Аннѣ изъ Приборова Гурской, и въ обезпеченіе полученнаго за ней приданаго выдалъ ей 13 апрѣля 1612 г. заставную запись на свою часть въ с. Сивоковцахъ въ суммѣ 1.000 зол. пол. и вскорѣ затѣмъ умеръ. Молодая бездѣтная вдова нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти мужа вышла вторично замужъ за Александра Млодецкаго и охотно уступила свои права на сивоковецкое имѣніе Станиславу Кронковскому, на что совершила въ винницкомъ гродскомъ судѣ запись (wlewek) 1-го августа 1620 г. Затѣмъ Кронковскій только одинъ годъ владѣлъ кобыленскимъ и сивоковецкимъ имѣніями, а 13 сентября 1621 года продалъ оба. Право свое на половину кобыленскихъ грунтовъ онъ уступилъ женѣ брацлавскаго земскаго судьи Алеасандрѣ изъ Красносельскихъ Кохановской, а сивоковецкое имѣніе пану Ремигіану Горчинскому. Кстати слѣдуетъ здѣсь замѣтить слѣдующее: половина сивоковецкаго имѣнія куплена была стариками Стрижевскими въ 1599 г. у Михаила Ласка за 1.000 зол. пол. Въ этой части Кронковскому принадлежала только половина въ общемъ владѣніи съ Ішерадовскими, и въ 1621 г. онъ взялъ за нее у Горчинскаго тоже 1.000 зол. пол. Въ 23 года цѣнность Сивоковецъ увеличилась вдвое. Сколько онъ взялъ съ того же Горчинскаго за *„влевковую“* часть Сивоковецъ, пріобрѣтенную отъ Млодецкой,— неизвѣстно. Распродавъ имѣнія, Кронковскій, кажется, совсѣмъ выбрался изъ винницкаго повѣта

и поселился въ подольскомъ воеводствѣ, гдѣ получилъ въ *поссессію* с. Голенищевъ, входившее въ составъ скальскаго староства. Село это, какъ видно изъ люстрацій, въ сравненіи съ другими было очень доходное. Раньше оно было въ поссессіи у Калиновскихъ Александра-Валентія и сына его Адама, впослѣдствіи винницкаго старосты. У меня нѣтъ свѣдѣній о томъ какимъ путемъ оно перешло къ Кронковскому [1]). Съ именемъ Станислава Кронковскаго, какъ намѣстника винницкаго гродскаго судьи, мы встрѣчаемся еще разъ 1630 г. 16 апрѣля. Подъ этимъ числомъ занесена въ житомирскія гродскія книги реляція возного о врученіи позва винницкому подстаростѣ Михаилу Ласку, гродскому судьѣ Константину Байбузѣ и его намѣстнику Станиславу Кронковскому по жалобѣ князей Корецкихъ за неправое рѣшеніе гродскаго винницкаго суда по дѣлу съ Байбузой о выдачѣ разбойника жида Меера Великаго. Но къ какому времени относится само неправое рѣшеніе гродскаго суда, въ которомъ участвовалъ Кронковскій, намъ неизвѣстно [2]).

Во время цецорскаго боя въ 1620 г. винницкій староста Александръ Васильевичъ Балабанъ попался въ плѣнъ туркамъ. Такъ какъ въ польскомъ лагерѣ его сначала считали погибшимъ, то вскорѣ на винницкое староство назначенъ былъ сынъ Александра-Валентія Калиновскаго Адамъ. Въ 1623 году онъ уже указывается въ актахъ, какъ собственникъ с. Петничанъ. Онъ продолжалъ политику своего отца и пребываніе его въ винницкомъ повѣтѣ ознаменовалось безпрестанными аграрными процессами, гражданскими и уголовными, съ сосѣдями. Богатое стрижевское имѣніе граничило и съ старостинскимъ мизяковскимъ ключемъ и съ Петничанами, а потому представляло весьма лакомый для Калиновскаго кусокъ.—Такъ какъ при этомъ молодой владѣлецъ Стрижевки Самуилъ Ѳеодоровичъ вовсе не дорожилъ ни родовымъ гнѣздомъ, ни мѣстными отношеніями и вовсе не имѣлъ охоты вести подчасъ и неравную борьбу на мизяковской и петничанской границѣ, то сдѣлка состоялась скоро и

---

[1]) Źródła Dziejowe, V, стр. 19 и 191.

[2]) Опись акт. книги Кіевск. Центр. Арх. № 14, стр. 20.

онъ продалъ Калиновскому все свое имѣніе. Въ выдѣлѣ дочерямъ Өедора Гневошовича не опредѣлялись точно границы выдѣляемой четвертой части и говорилось вездѣ общими указаніями: кобыленскіе грунты или кобыленское имѣніе даже безъ перечисленія селъ Кобыльной, Приборовки, Козинецъ и Половецкаго. Пользуясь этой неясностью акта, изъ желанія ли досадить Кохановскимъ или же съ цѣлью обмануть Калиновскаго, Самуилъ Өедоровичъ, продавая ему все родовое имѣніе за исключеніемъ выдѣленнаго кобыленскаго имѣнія, включилъ въ перечень продаваемыхъ селъ, кромѣ своего стрижевскаго ключа, еще с. Козинцы и урочище Половецкое, состоявшія въ фактическомъ владѣніи Кохановскихъ, купившихъ права Кронковскихъ. Есть основаніе думать, что этотъ некрасивый поступокъ могъ быть даже внушенъ завѣдомо самимъ Калиновскимъ, который давно уже велъ войну съ владѣльцами кобыленскихъ имѣній, совершалъ наѣзды, грабилъ хлѣбъ и сѣно. Еще 26 марта 1623 года состоялось судебное рѣшеніе о взысканіи съ Калиновскаго въ пользу владѣльцевъ Кобыльной убытковъ за увозъ 5,000 фуръ сѣна. Продажный контрактъ на Козинцы и Половецкое помогъ пану старостѣ затянуть дѣло и изъ дѣла о самоуправствѣ сдѣлать вотчинный тяжебный процессъ, основанный на владѣнномъ актѣ и фактическомъ владѣніи. Предварительный договоръ о продажѣ Стрижевки состоялся лѣтомъ 1624 года въ Люблинѣ, гдѣ въ то время былъ и Ольбрыхтъ Кохановскій. Узнавъ о такомъ фортелѣ, этотъ послѣдній подалъ 10 сентября 1624 г. въ трибунальскія книги манифестъ противъ Адама Калиновскаго и Самуила Стрижевскаго, и началъ искъ объ уничтоженіи этой продажи и передачѣ ему обратно захваченныхъ силою Козинецъ и Половецкаго. Несмотря однако на эту протестацію, продажа все таки была оформлена и донація (крѣпостной актъ) совершена 20 декабря 1624 года.

Что побудило Самуила Өедоровича на самомъ дѣлѣ къ продажѣ своей потомственной, хорошо отцомъ устроенной вотчины, сколько онъ выручилъ за нее денегъ и гдѣ затѣмъ поселился, мы не знаемъ. Знаемъ только, что два года спустя, въ 1626 году, онъ былъ убитъ гдѣ то на Волыни. Сестры его, зная

о значительныхъ капиталахъ, оставшихся послѣ безпотомно погибшаго Самуила Ѳедоровича, немедленно начали процессъ. Онѣ всѣ три 5 декабря 1626 г. подали жалобу въ луцкій гродскій судъ и затѣяли дѣло объ убійствѣ брата съ кн. Александромъ Заславскимъ и подданными его селъ Козарова и Бошковичъ (?). Оказалось при этомъ, что всѣ капиталы Самуила Ѳедоровича завѣщаны были его женѣ Ѳедорѣ, а цѣнную движимость захватили Остафіанъ Пясецкій и Войцѣхъ и Крыштофъ Длугопольскіе. Надежды на большое наслѣдство не оправдались и сестрамъ осталось только предъявить искъ къ Пясецкому и Длугопольскимъ о возвратѣ движимости. Но затѣмъ младшая сестра Ганна, въ то время бывшая уже замужемъ за Евстафіемъ Шашкевичемъ, нашла возможнымъ предъявить искъ и къ вдовѣ покойнаго, вышедшей немедленно послѣ убійства мужа вторично замужъ за Романа Загоровскаго. Нашлись какія то данныя къ обвиненію Ѳедоры Загоровской въ полученіи завѣщательнаго акта путемъ принужденія и на этомъ основаніи заведенъ былъ процессъ о признаніи завѣщанія недѣйствительнымъ. Есть свѣдѣніе, что всѣ эти весьма интересныя тяжбы, очень типичныя для своего времени, были въ полномъ разгарѣ еще въ 1630 г., но какой былъ ихъ исходъ, можно добиться развѣ въ луцкихъ гродскихъ книгахъ.

О самой младшей дочери Ѳедора Гневошовича *Аннѣ* у насъ очень мало извѣстій. Кромѣ сказаннаго выше, мы знаемъ, что первоначально она жила при матери въ заставномъ имѣніи с. Сосонкѣ и вскорѣ послѣ смерти отца вышла замужъ за Евстафія Шашкевича. Владѣла она въ брацлавскомъ воеводствѣ помимо мужа какимъ то своимъ собственнымъ имѣніемъ. По всему вѣроятію, это была таже Сосонка, доставшаяся ей послѣ матери. Нигдѣ не видно, чтобы она пыталась осуществить свое наслѣдственное право на третью часть кобыленскаго имѣнія, которая по смыслу отцовскаго выдѣла дочерямъ указной доли, должна была къ ней поступить по достиженіи совершеннолѣтія. Изъ всего видно, что кобыленское имѣніе постоянно находилось въ пользованіи въ двухъ равныхъ доляхъ Татьяны Шерадовской и супруговъ Кохановскихъ. Право Анны Шашкевичъ однако не

было забыто и пану Мацѣю Пшерадовскому удалось добыть отъ нея актъ, которымъ она *резыгновала* въ его пользу свою третью часть Кобыльной. Актъ этотъ никогда не осуществлялся, но два раза, въ XVII и XVIII ст., послужилъ яблокомъ раздора и поводомъ къ очень запутаннымъ тяжбамъ.

Татьяна Пшерадовская была единственной изъ дочерей Ѳедора Гневошовича удержавшей свою часть кобыленскаго имѣнія. Есть указанія на то, что Татьяна Ѳедоровна одарена была необыкновенной красотой, сохранившейся до пожилыхъ лѣтъ. Вышедши очень молоденькой замужъ за Пшерадовскаго, она сначала вполнѣ подпала подъ его вліяніе; въ дѣла и управленіе имѣніемъ она совершенно не вмѣшивалась, вездѣ и во всемъ замѣнялъ ее трудолюбивый и бережливый мужъ.

Вскорѣ послѣ покупки Александрой Кохановской у Кронковскихъ ихъ части въ кобыленскомъ имѣніи, новые совладѣльцы раздѣлились. Пшерадовская получила сѣверную часть имѣнія съ селами Кобыльной, Приборовкой и другими приселками; Кохановской же отошли земли въ верхней части бассейна рѣчки Кобыльной съ селомъ Козинцами, урочищемъ Половецкимъ и др. Границей между этими частями послужила старая дорога, существующая донынѣ, шедшая изъ Винницы на Липовецъ въ Украину. Несмотря однако на этотъ раздѣлъ, многія дѣла Пшерадовскихъ были тѣсно связаны съ дѣлами Кохановскихъ вслѣдствіе раньше заведенныхъ на широкую ногу процессовъ чуть ли не со всѣми сосѣдями за разнаго рода насилія, самоуправства и захваты. Старыя тяжбы съ винницкими мѣщанами, старостой Калиновскимъ и Кропивницкими тянулись долго, переходя разныя фазы то въ Винницѣ, то въ Люблинѣ. Вскорѣ возникли еще споры въ Ободенскими и кн. Заславскимъ, тѣснившими кобыленскія границы съ востока. На счастіе Пшерадовскихъ, новый ихъ сосѣдъ Ольбрыхтъ Кохановскій обладалъ и замѣчательной энергіей и связями, а потому всѣ ихъ процессы хотя тянулись довольно долго, но кончались успѣшно. Самъ Пшерадовскій весь отдался хозяйству. Дѣла ихъ, какъ видно, шли довольно хорошо и у нихъ водились значительныя свободныя суммы. Такъ 14 сентября 1621 г. на имя Татьяны Ѳедоровны куплена

у Ремигіана Горчинскаго часть с. Сивоковецъ, только что пріобрѣтенная имъ у Кронковскихъ и взята у того же Горчинскаго въ поссессію Гречиновская половина Сивоковецъ на заставномъ правѣ („*влевковая*"). Вслѣдствіе этой сдѣлки Сивоковцы наконецъ въ цѣломъ составѣ перешли во владѣніе Пшерадовскихъ. Половина этого имѣнія принадлежала имъ на вотчинномъ правѣ, а другая половина, оставаясь собственностью наслѣдниковъ Василія Омельяновича Гречыны Сабаровскаго, была въ суммѣ 1.000 зол. пол. въ заставномъ пользованіи Татьяны Пшерадовской. Съ теченіемъ времени Пшерадовскій сталъ распоряжаться капиталами уже отъ своего имени. Между прочимъ онъ взялъ у старосты Адама Калиновскаго по акту отъ 12 іюля 1625 года въ заставную поссессію въ подольскомъ воеводствѣ с. Городницу, занявъ ему 11.000 зол. пол.

Пшерадовскіе дѣтей не имѣли и это обстоятельство современемъ весьма грустно отозвалось на взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ. Впослѣдствіи Татьяну Ѳедоровну упрекали въ вѣтренности и разныхъ интрижкахъ, вслѣдствіе которыхъ между ней и мужемъ возникли недружелюбныя отношенія. Послѣ 1631 года въ домѣ Пшерадовскихъ появляется молодой полякъ Казиміръ-Николай Коссаковскій. Онъ служилъ въ земствѣ и былъ близокъ съ Ольбрыхтомъ Кохановскимъ, въ то время судьей земскимъ брацлавскимъ. Татьянѣ Ѳедоровнѣ было тогда уже около 36 лѣтъ, но красота ея была еще въ полномъ цвѣтѣ, и Коссаковскій весьма скоро ею увлекся. Дѣло дошло, какъ кажется, до интимной связи, которая внесла въ отношенія супруговъ положительный раздоръ, и влюбленная парочка могла изрѣдка видѣться въ домѣ Кохановскихъ.—Такъ было до 17 августа 1634 года, когда Матвѣй Пшерадовскій былъ убитъ вооруженной толпой. У жены его нашлось духовное завѣщаніе, въ которомъ все почти свое имущество въ капиталахъ и документахъ Пшерадовскій отписалъ ей; только весьма незначительныя и малоцѣнныя имущества завѣщаны были въ пользу его родственниковъ. Между прочимъ, его любимой племянницѣ, дочери родного брата, Ядвигѣ Закшевской отписано фиктивное право на третью часть кобыленскихъ грунтовъ, пріобрѣтенное когда то завѣщателемъ

отъ Ганны Шашкевичевой. По самому смыслу рядной записи Өедора Стрижевскаго, право Анны Шашкевичевой являлось довольно спорнымъ, а кромѣ того, ни сама Анна Өедоровна, ни пріобрѣвшій отъ нея это право Матвѣй Пшерадовскій ни разу не пытались въ теченіи многихъ лѣтъ осуществить его на дѣлѣ. Въ виду этого завѣщательное распоряженіе въ пользу Ядвиги Закшевской являлось почти неосуществимымъ. Однако добрая тетка, Татьяна Өедоровна, весьма любезно предложила ей *для избѣжанія споровъ о выдѣлѣ* 2.500 зол. пол. за это фиктивное право. Хотя эта сумма далеко не соотвѣтствовала стоимости третьей части кобыленскихъ грунтовъ, но процессъ съ теткой и всесильнымъ Кохановскимъ о выдѣлѣ не представлялъ никакихъ почти шансовъ и Ядвига Закшевская должна была согласиться на эту сдѣлку. Въ силу этого 22 сентября того же 1634 года въ Прилукѣ списана была въ пользу Татьяны Өедоровны донація, подписанная за неграмотную Ядвигу Закшевскую Григоріемъ Важинскимъ и принята къ явкѣ въ винницкихъ гродскихъ книгахъ подстаростою Матвѣемъ Кронковскимъ.—

Слѣдствіе объ убійствѣ Пшерадовскаго подвигалось медленно. Не прошло и полугода отъ совершенія преступленія, еще оно не было выяснено, какъ Татьяна Өедоровна утѣшилась и пошла подъ вѣнецъ съ Николаемъ Коссаковскимъ. Это придало болѣе правдоподобія носившимся толкамъ объ участіи Татьяны Өедоровны и Коссаковскаго въ убійствѣ. Побуждаемая упорной молвой, Ядвига Закшевская принимается болѣе энергично за дѣло и въ концѣ концовъ возбуждаетъ два процесса, обвиняя тетку въ подговорѣ и участіи въ убійствѣ мужа и кромѣ того ту же тетку и втораго ея мужа Коссаковскаго въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія Матвѣя Пшерадовскаго. По этимъ дѣламъ въ 1637 году послѣдовало одинъ за другимъ два декрета люблинскаго трибунала. Однимъ изъ нихъ отъ 4 сентября трибуналъ пріостановилъ дѣло о подложности завѣщанія до разрѣшенія вопроса объ убійствѣ Пшерадовскаго, а вторымъ отъ 23 сентября, признавъ виновными въ убійствѣ Стефана Саницкаго, Мольскаго и др., приговорилъ ихъ къ инфаміи; что же касается участія Татьяны Коссаковской, то несмотря на имѣю-

щееся въ дѣлѣ подозрѣніе, въ виду отсутствія уликъ призналъ ее невиновной. Оправданіе Татьяны Ѳедоровны въ значительной степени уменьшило для Закшевской шансы на выигрышъ дѣла объ уничтоженіи духовнаго завѣщанія и ей волей-неволей пришлось пойти на мировую сдѣлку съ Коссаковскими, которая тамъ же въ Люблинѣ и состоялась 29 сентября 1637 года. Въ этомъ процессѣ немаловажную роль игралъ вопросъ объ уступкѣ Ядвигой Закшевской Татьянѣ Ѳедоровнѣ за 2.500 зол. пол. права Анны Шашкевичевой. Коссаковскіе все ссылались на этотъ фактъ, какъ на доказательство того, что Закшевская воспользовалась завѣщаннымъ имуществомъ и, принявъ завѣщаніе къ исполненію, потеряла право оспаривать его подлинность. Закшевская съ своей стороны доказывала, что вся эта продѣлка съ фиктивнымъ правомъ Анны Шашкевичевой была обдуманной уловкой съ цѣлью ввести ее въ заблужденіе и обезпечить силу подложнаго завѣщанія.

Николай Коссаковскій, второй мужъ Татьяны Ѳедоровны, оказался практичнѣе Пшерадовскаго. Онъ успѣлъ настолько овладѣть своей супругой, что она совершила 11 мая 1642 года въ винницкихъ гродскихъ актахъ въ его пользу донацію на все свое имѣніе, состоявшее изъ селъ Сивоковецъ, Кобыльной и Приборовки, основанной на лѣвомъ берегу рѣчки Кобыли. Здѣсь въ послѣдній разъ имѣющіеся у меня подъ рукой акты упоминаютъ имя этой бурной и страстной красавицы.

Весьма прискорбно, что весь процессъ объ убійствѣ Матвѣя Пшерадовскаго извѣстенъ намъ только по отрывочнымъ цитатамъ; онъ могъ бы дать много типичныхъ бытовыхъ чертъ. Этотъ процессъ интересенъ еще и потому, что Николай Коссаковскій, игравшій въ немъ довольно подозрительную роль, вовсе не дюжинная личность въ Брацлавщинѣ; онъ до нѣкоторой степени попалъ даже въ исторію. Это тотъ самый брацлавскій подсудокъ Коссаковскій, который впослѣдствіи участвовалъ въ качествѣ польскаго коммиссара при заключеніи съ Хмельницкимъ бѣлоцерковскаго мира и чуть не былъ убитъ вмѣстѣ съ Адамомъ Киселемъ разсвирѣпѣвшей козацкой чернью.

Итакъ, послѣ смерти Ѳедора Гневошовича Стрижевскаго, въ теченіи очень короткаго времени, огромная территорія его имѣній по частямъ вся переходитъ въ руки поляковъ. Ключъ Стрижевскій съ м. Стрижевкой и селами Переорками, Лисіевской и Соболевкой переходитъ въ 1624 г. въ собственность Калиновскаго; южную половину кобыленскихъ грунтовъ съ селами Козинцами и Половецкимъ покупаютъ въ 1621 году Кохановскіе; наконецъ сѣверную половину съ селами Кобыльной, Приборовкой и Сивоковцами въ 1642 г. пріобрѣтаетъ въ собственнось Коссаковскій, который основалъ еще четвертое село выше Приборовки у самой дороги, ведущей въ Липовецъ, подъ именемъ Коссаковки.

Одновременно съ отчужденіемъ родоваго имѣнія прекращаетъ свое существованіе и самый родъ Стрижевскихъ въ лицѣ погибшаго безпотомно въ 1626 г. Самуила Ѳедоровича.—Въ XVI и XVII ст. мы встрѣчаемъ въ подольскомъ воеводствѣ тоже Стрижевскихъ, но намъ кажется, что этотъ польскій родъ ничего общаго съ православными Кощичами—Стрижевскими не имѣетъ.

Ц. Нейманъ.

НЕ СУДИЛЪ БОГЪ.

Разсказъ.

> **Ой свите мій ясный, свите мій прекрасный!**
> **Ой якъ на тоби та тяжко жыты!**
>
> *(Изъ народной пѣсни).*

Пышно и величаво опускалось солнце за горизонтъ, обливая послѣдними лучами бѣлыя хаты села Козацкаго, утопающія въ зелени вишневыхъ садовъ, и скромную фигуру дѣвушки, тихо поднимавшейся въ гору съ полными ведрами на плечахъ.

Выливъ воду въ кадку и поставивъ ведра и коромысло въ уголъ сѣней, дѣвушка пріотворила дверь, заглянула въ хату и, затаивъ дыханіе, вошло туда, осторожно ступая босыми ногами по земляному полу. Переходъ отъ яркаго солнечнаго освѣщенія къ полумраку хаты, куда свѣтъ еле-еле проникалъ сквозь крохотныя подслѣповатыя оконца, былъ настолько рѣзокъ, что дѣвушка на мгновенье остановилась у порога, сосредоточенно всматриваясь въ окружающіе предметы. Хата была тѣсна и убога. Почти треть ея занимала большая *варыстая* печь съ *бóвдуремъ* (трубою), выходящимъ въ сѣни, гдѣ подъ нимъ былъ устроенъ очагъ для приготовленія пищи въ лѣтнее время. Вдоль стѣнъ, опрятно выбѣленныхъ глиной, шли широкія *лáвы*. Въ переднемъ углу, подъ образами, украшенными сухими васильками, гвоздикою, барвинкомъ и самодѣльными цвѣтами изъ разноцвѣтной бумаги, стоялъ квадратный некрашенный столъ, покрытый гру-

бой, домашней работы скатертью съ красными каймами по краямъ. На столѣ, по гостепріимному украинскому обычаю, лежалъ хлѣбъ, ножъ и бурая, крупно-истолченная соль на деревянной тарелочкѣ.

Съ *пôлу* (наръ) доносились слабые стоны и тихія жалобы.

Марта на цыпочкахъ прошла туда и заботливо склонилась надъ разметавшейся женской фигурой.

— Что тебѣ надо, сеструню?

— Охъ, охъ!.. моя матинко... охъ... помоги мнѣ!... душно мнѣ!.. охъ... сестрица!.. водицы дай!.. головонька моя!..

Больная дѣвушка приподнялась на подушкахъ и съ плачемъ обхватила свою пылающую голову.

Марта поспѣшно выбѣжала въ сѣни, зачерпнула кружкой холодной воды и подала ей.

— Пей, сеструню, на здоровье, пей! Пускай тебѣ Богъ поможетъ! приговаривала она съ глубокой, беззавѣтной лаской, поднося къ воспаленнымъ устамъ больной кружку.

— Можетъ хочешь, сеструню, взвару кисленькаго? Хочешь? Я сейчасъ принесу грушъ и сварю тебѣ въ горшечкѣ. Хочешь? скажи, сердце, чего тебѣ хочется?

— Охъ! Ничего я не хочу... душно мнѣ!.. сестрица!.. горю я... къ груди подступаетъ... смерть моя пришла!.. отвори хоть окно!.. тяжко мнѣ!..

Марта бросилась къ окну и дрожащими руками отодвинула въ сторону закоптѣлую деревянную раму.

Яркій снопъ лучей брызнулъ въ отверстіе и косымъ, золотистымъ столбомъ обрисовался въ пыльномъ воздухѣ, бросая красный отблескъ на бѣлую печь. Изъ цвѣтущаго садика потянуло мягкимъ ароматнымъ вѣтеркомъ. Гдѣ то близко женскій голосъ грустно пѣлъ:

„Ой свите мій ясный, свите мій прекрасный!
„Ой якъ на тоби та тяжко жыты!
„Ой ще тяжчійше молоденькій,
„Не пожывши, тай умираты!..

— Охъ, Боже мой! какъ хорошо! невольно вздохнула больная и, закрывъ глаза, снова впала въ тревожное, мучительное забытье.

Марта все стояла у окна, тоскливо вслушиваясь въ слова пѣсни. Ей казалось, что эта пѣсня сложена про ея сестру. Сестра ея умретъ! И вотъ въ ея болѣзненно-возбужденномъ воображеніи рисуется мрачная, полная безъисходной печали картина смерти. На лавѣ, подъ образами, гдѣ тихо мерцаетъ желтая восковая свѣча, лежитъ ея умершая сестра, прикрытая прозрачною *намиткою* (кисея), руки ея сложены на груди, зеленый вѣнокъ изъ барвинку надѣтъ на голову, блѣдныя уста навѣки сомкнулись. Не раздается уже ея серебристый голосъ, ея милое, веселое щебетанье, ея звонкія дѣвичьи пѣсни. Не запоютъ ей дружки, не посадятъ ее за столъ *на посади* съ женихомъ!.. женихъ ея — тѣсная *домовына*, *посадъ* ея—сырая могила, пѣсни дружекъ для нея—звонъ церковныхъ колоколовъ!.. Все, все унесла съ собою безпощадная смерть! И вотъ Марта, въ безумномъ отчаяніи, бросается къ этому холодному, неподвижному тѣлу и жалобнымъ голосомъ начинаетъ причитывать: „Ой сестрице моя, зозуленько! На кого жъ ты мене покынула?“ Но нѣтъ! Она не въ силахъ будетъ тужить и причитывать. Ей казалось, что она сама умретъ, сама ляжетъ подлѣ сестры въ сырую могилу. Зачѣмъ ей жить? Развѣ она можетъ пережить ту, которую она выростила, вынянчила на своихъ рукахъ, какъ свое родное дитя?

Гнетущая тоска охватила все ея существо, какъ тисками сжала ея сердце...

„Ой ще тяжчійше молодесенькій,
„Не нажывшыся, тай умираты!“

доносилось въ окно вмѣстѣ съ волною весенняго воздуха.

Марта опустилась на лавку и, закрывъ лицо руками, зарыдала.

Это была некрасивая, хотя и симпатичная, дѣвушка. Она считалась первой работницей въ селѣ, кроткой и тихой по нраву, и потому сваты, какъ говорится, не переводились у нея въ хатѣ. Однако Марта не спѣшила замужъ: у нея были свои обязанности и она не могла еще думать о себѣ. Отца она не помнила, мать и отчимъ давно уже умерли въ одинъ день отъ холеры.

Мужчины-работника въ ихъ семьѣ не было и потому на ея рукахъ осталось все хозяйство, старая баба—мать ея отчима, и малютка-сестра.

Марта поплакала, потужила, но не пала духомъ. У нея были сильныя молодыя руки, твердая воля, доброе, отзывчивое сердце... Она бодро, энергично взялась за дѣло, неся на себѣ всю тягость непосильнаго труда. Нужды нѣтъ, что она работаетъ на другихъ, что она здѣсь пришлая, такъ какъ хата по закону принадлежитъ сестрѣ и она въ одинъ прекрасный день можетъ очутиться безъ крова. Ее даже предостерегали на этотъ счетъ добрые люди, въ особенности сваты, которымъ очень хотѣлось сосватать эту завидную невѣсту.

— Перебирай, дѣвка, перебирай, доперебираешься до сивой косы,—каркали они, получивъ на свое предложеніе отказъ.—Вотъ подожди, пускай только меньшая подростетъ, „подверне вона тебе пидъ корыто“ [1])... Хорошо, если еще изъ хаты не выгонитъ, будетъ еще и это... Увидишь... Вспомнишь тогда наше слово... Пойдешь изъ дому безъ оглядки, какъ собаку выгонятъ.

— Ну такъ что-же? Выгонятъ, такъ и выгонятъ, спокойно, съ добродушной улыбкой возражала Марта. — Развѣ только и свѣта, что въ окнѣ? Выгонятъ—пойду къ чужимъ людямъ. Гдѣ работать, то работать, даромъ хлѣба нигдѣ не будешь ѣсть, лишь бы Богъ далъ здоровье, а тамъ... Пускай...

И она украдкой вытирала слезу, но не колебалась въ своемъ рѣшеніи.

Года два тому назадъ Олена, ея меньшая сестра, которой пошелъ тогда пятнадцатый годъ, нанялась въ городъ, къ „своимъ панамъ“. Жилось ей тамъ хорошо: работой ее не тяготили, жалѣли и даже баловали. Городская жизнь тоже пришлась ей по вкусу, и она собиралась наняться и на третій годъ, какъ случилась бѣда, разрушившая ея планы: поѣхавъ на свѣтлый праздникъ домой, она простудилась дорогой и вотъ уже другую недѣлю лежала въ горячкѣ.

---

[1]) Т. е. выйдетъ раньше замужъ.

— И что съ ней такое сталось, Боже мой?—раздумывала въ тоскѣ Марта. — Или она простудилась, или лихіе люди наслали? Горитъ, сердечная, какъ въ огнѣ... мечется... говоритъ что то чудное, будто, сохрани Боже, не въ своемъ разумѣ... Хоть бы бабуся скорѣй вернулась... Застала ли она бабу? Сильвестриха—баба знающая... можетъ, Богъ дастъ, и помогутъ.

Марта вздохнула, отерла слезы и, вытащивъ изъ подъ лавки коробку съ картофелемъ, принялась его чистить, безпрестанно поглядывая въ оконце.

Скоро на дворѣ залаяла собака. Марта поспѣшно выбѣжала за дверь. Черезъ нѣсколько времени въ хату вошла, въ сопровожденіи дѣвушки и самой хозяйки—„бабуси", желанная гостья.

— Здравствуйте, Боже вамъ поможи! Съ середою будьте здоровеньки!—быстро сыпала она словами, остановившись у порога и окидывая бѣгающими глазками убогую обстановку сиротскаго жилья.

— А у нихъ, мое серденько, и стѣны обшарпаны, и куска хлѣба нѣтъ въ хатѣ! А сорочка на дѣвкѣ, то чтобы мнѣ не сойти съ этого мѣста, коли я брешу, такая рваная, такая рвавая, какъ у нищей... Ей Богу, серденько, правда!—будетъ потомъ она импровизировать среди сельскихъ кумушекъ.

Это была маленькая, юркая старушенка съ живыми черными глазками, съ изрытымъ лицемъ. На вопросъ, что ее такъ искалѣчило, она неохотно отвѣчала: „глаза болѣли, такъ порохомъ припекала",—и больше отъ нея ничего нельзя было добиться. Одѣта она была въ демикотоновую *полотнянку* [1]), синія *запаски*, плотно облегавшія ея плоскія бедра и сухія ноги, выглядывавшія изъ подъ подола толстой, домашняго полотна рубахи. Голова повязана низко на лобъ чернымъ бумажнымъ платкомъ съ бѣлой кромкой, на шеѣ шнурокъ съ мѣднымъ крестомъ.

Баба Сильвестриха пользуется въ селѣ громкой репутаціей первой сплетницы и „брехухи" и искусной знахарки—шептухи. Уваженіемъ она не пользовалась, но за то къ ней обращались при всѣхъ недугахъ. И отъ какихъ только болѣзней она не лѣ-

---

[1]) Кофта на подкладкѣ съ пышными складками сзади.

читъ! Она умѣетъ и *сояшныци* заговаривать, и отъ сухотки въ печи загничувать [1]), и при *колючкахъ* бока подавливать ножемъ и раскаленнымъ ухватомъ, и ребенку отъ *урокивъ* слизать языкомъ накрестъ лицо. Знаетъ она, что отъ *куриной слѣпоты* надо паціента столкнуть неожиданно въ яму, чтобы онъ испугался, а отъ лихорадки слѣдуетъ заставить его похлебать пшеннаго кулишу вмѣстѣ съ собакой, сидя на порогѣ хаты, или же во время пароксизма выкупаться въ рѣчкѣ, а зимою и въ проруби... Все умѣетъ баба Сильвестриха, но ни отъ чего она такъ удачно не пользуетъ, по мнѣнію ея благодарныхъ паціентовъ, какъ отъ *грызи*, т. е. ломоты. По этой болѣзни она специалистка. Сельвестриха не только пошепчетъ и *погрызетъ* собственными зубами больному руку или ногу, а если болитъ спина, то *потопчетъ* ее колѣнями, но у нея имѣются еще особенные шнурочки, которые она сама прядетъ въ чистый четвергъ до восхода солнца, сидя на порогѣ своей хаты буквально голая.

Утерпии пестрымъ ситцевымъ платочкомъ потъ и напившись холодной воды, знахарка мелкими шажками прошла къ нарамъ, остановилась надъ больной и, подперши щеку рукою, стала сокрушенно съ громкими вздохами качать головою, приговаривая: „Охъ, серденько, умретъ дивчина, ей Богу умретъ, пеките и пироги... Не долго уже ей!..“.

Мартâ стояла поодаль, блѣдная какъ полотно, и, затаивъ дыханіе, впилась глазами въ лѣкарку, стараясь прочесть на ея лицѣ рѣшеніе мучительнаго вопроса. На зловѣщія слова Сильвестрихи Марта не обратила вниманія, какъ на обычныя въ подобныхъ случаяхъ.

Баба еще постояла и покачала головой, потомъ полѣзла на нары и съ глубокомысленнымъ видомъ принялась осматривать и ощупывать больную, ворочать ее съ боку на бокъ, тискать въ бока кулаками, дуть въ лицо, плевать, шептать.... Несчастная больная только стонала.

— Плохо дивчинѣ, плохо!... Надо ее подкурить. Это съ ней отъ простуды такъ сталось. Надо подкурить.

---

[1]) Паціента помѣщаютъ въ печь и съ краю раскладываютъ небольшой огонь, какъ для хлѣбовъ.

Баба слѣзла съ *полу* и начала свои операціи. Доставъ изъ за пазухи какихъ то сушеныхъ ароматическихъ травъ и всыпавъ ихъ въ большой глиняный черепокъ, она поставила его на печь и что то долго надъ нимъ шептала, поминутно отплевываясь. Окончивъ нужныя заклинанія, Сильвестриха подожгла травы такимъ образомъ, чтобы онѣ только курились, и съ помощью Марты втащила больную на печь, наклонила ее надъ дымомъ и, накрывъ ее сверху рядномъ и кожухомъ, продержала нѣсколько времени въ такомъ положеніи, продолжая бормотать свои наговоры.

Бабуся сидѣла, сложивъ руки на колѣняхъ и съ глубокимъ благоговѣніемъ и непоколебимой вѣрой слѣдила за этой церемоніей, вытирая отъ времени до времени рукавомъ слезящіеся подслѣповатые глаза.

Между тѣмъ больная совсѣмъ угорѣла и ее, почти безъ сознанія, сильно пропотѣвшую, сняли съ печи и положили на полъ, бережно укутывая, чтобы она не застудилась.

Марта, по знаку бабуси, внесла изъ *хижи* [1]) сало и, покрошивъ его на небольшіе кусочки на расписной тарелкѣ, пригласила лѣкарку *пополудновать* чѣмъ Богъ послалъ, смущенно извиняясь въ отсутствіи горилочки.

— Спасибо, я не хочу, я уже полудновала: мнѣ лишь бы крошечку съѣсть—я и сыта...—жеманно отказывалась гостья и поломавшись еще сколько требовали сельскія приличія, усѣлась за столъ и съ церемоннымъ видомъ принялась угощаться.

Когда Сильвестриха закусила и стала собираться домой, Марта вызвалась проводить ее и, вмѣсто гонорара, захватила съ собой свѣжую *паляныцю* и преподнесла знахаркѣ *на гостынець*.

Вечеръ былъ тихій, теплый, ароматный. Золотой серпъ мѣсяца рѣзко выдѣлялся на матово-голубомъ фонѣ, и блестящія звѣзды одна за другой загорались въ необъятномъ пространствѣ... Изъ садика доносились соловьиныя трели, съ улицы слышались пѣсни и веселыя *выгукиванія* гуляющей молодежи. Марта, вслу-

[1]) Кладовая черезъ сѣни.

шиваясь въ эти веселые звуки, съ горечью думала: „и поется же имъ... Тутъ человѣкъ умираетъ, а они гуляютъ. Господи милосердый! такъ все на свѣтѣ дѣлается,—тутъ плачутъ, а тамъ смѣются"... Но здѣсь теченіе ея грустныхъ мыслей было неожиданно прервано,—послышался тихій шорохъ и кто то шепотомъ позвалъ ее:

— Марта!

— Это ты, Иванъ?—слегка вздрогнувъ, тихо спросила она.

— А кто же, какъ не я?

Изъ за плетня выступила фигура парня въ сѣрой *чемеркѣ* и высокой бараньей шапкѣ.

— Здравствуй! Давно уже мы съ собой не видались.

Дѣвушка отступила, печально спросивъ: „чего тебѣ"?

— Чего?... Чего?—съ удивленіемъ и негодованіемъ передразнилъ ее парубокъ.—Не знаешь чего? Въ первый разъ тебѣ? Забыла? Еще спрашиваетъ: чего?

Она молчала, скорбно сжавъ губы.

— Ну, что же ты молчишь? *Отъ лыхая годына*! Что съ тобой сталось? Полюбила кого, что ли? Можетъ того усатаго венгерца, что ночевалъ у васъ? Гляди, я этого не спущу!...—и онъ полу-шутя ударилъ ее прутикомъ по плечу.

— *Геть, парубче!* Мнѣ не до шутокъ, не такое теперь время,—нервно, со слезами въ голосѣ возразила она.

— Ого, какая пышная стала, и не подступай. Не такое время! А какого тебѣ надо?

— Не говори такъ, Иванъ? У меня сестра больная лежитъ. Можетъ и умереть.

— Ну и пусть себѣ умираетъ, я и *мáры* помогу нести.

— *Пыпотъ тоби на языкъ*!—съ ужасомъ вскрикнула Марта.—Грѣхъ тебѣ, Иванъ, издѣваться такъ надъ моимъ горемъ.

Долго сдерживаемыя слезы ручьемъ хлынули изъ глазъ дѣвушки и, припавъ головою къ плетню, она стала истерически всхлипывать. Парубокъ стоялъ смущенный, сконфуженный и растерянно бормоталъ: „Ну, чего ты? я только такъ, пошутилъ,—а ты и вправду. Что же съ ней такое"?

Выплакавшись и нѣсколько успокоившись, тронутая его участіемъ Марта отвѣчала:

— Кто его знаетъ. Баба Сильвестриха говорила, что она должно быть простудилась... Отъ простуды съ ней это случилось... Она ее подкуривала.

— Вотъ выдумала! много она знаетъ. Можетъ быть такъ, какъ Карпу посовѣтовала прикладывать какую то мазь къ пальцу, когда у него нарывъ былъ, а ему изъ за этого и всю руку отрѣзали, да хорошо еще, что рано захватили, а то говорили, что еще дня два, такъ и умеръ бы. О! Я эту брехуху и на дворъ къ себѣ не пустилъ бы, собаками затравилъ бы! Тьфу на нее!— выразительно сплюнулъ онъ и потомъ, помолчавъ немного, уже другимъ тономъ спросилъ: Такъ изъ-за этого ты и не выходишь ко мнѣ?

— Должно быть изъ-за этого!

— Вотъ уже, Господи помилуй, слова не можетъ сказать по человѣчески, такъ и огрызается! Ну чтожъ, можетъ и вправду задумала идти за другаго, такъ не знаешь, какъ отдѣлаться?

Онъ снова попытался взять ее за руку, но она мягко отстранилась и грустно вымолвила:

— Не тронь меня, Иванъ! Мнѣ не до того! Если бы ты зналъ, что у меня здѣсь!—и она указала на грудь.—Огнемъ меня печетъ и водою не зальешь! Охъ, не до того мнѣ теперь, не до того!

— Все тебѣ не до того!—съ горечью возразилъ онъ.— Давно уже мы съ тобою любимъ другъ друга, да никакъ не поженимся... Только задумаю старостовъ присылать, сейчасъ тебѣ не до того: то сестра еще мала—некому дома хозяйничать, пускай подростетъ, то денегъ нѣтъ—не на что весилье справить, надо корову купить.... А тутъ опять горе—сестра заболѣла.... Бѣда, да и только! Водишь ты меня, смѣешься надо мной! Свѣтъ мнѣ завязываешь! Уже и люди мнѣ глаза колютъ: „она о тебѣ и не думаетъ, она себѣ другаго нашла—побогаче“. Ты думаешь сладко мнѣ это слушать? Не знаешь кому и вѣрить: людямъ или тебѣ! Слушай, дивчина, что я тебѣ скажу!—вдругъ страстно заговорилъ онъ.—Если ты только дурачишь меня, если ты надумала идти за другаго, то вотъ тебѣ крестъ святой—не жить ни тебѣ, ни ему. Убью и тебя, и его! Знай это и помни!

Дѣвушка невольно улыбнулась сквозь слезы.

— Чудной ты, парубче! Развѣ я виновата въ этомъ?

— Все ты не виновата! Ну вотъ хоть теперь скажи мнѣ всю правду, какъ передъ Богомъ: пойдешь ты осенью за меня? Хоть буду знать чего мнѣ ожидать.

Она не сразу отвѣчала, что то обдумывая. Потомъ, глубоко вздохнувъ, подняла на него свои печальные глаза, составлявшія ея единственную красу, и тихимъ, проникнутымъ голосомъ торжественно проговорила:

— Вотъ тебѣ, какъ передъ Богомъ, даю зарокъ, Иване, когда сестра выздоровѣетъ, послѣ Покровы присылай старостовъ, я пойду за тебя.

— А какъ не выздоровѣетъ?

— А какъ не выздоровѣетъ...—голосъ ея дрогнулъ.—Какъ не выздоровѣетъ, тогда ни за кого не пойду, ни за тебя, ни за другаго. Развѣ годится справлять весилье, гдѣ тужатъ надъ гробомъ?

— Что-жъ не вѣкъ дѣвкой останешься? Или, можетъ быть, въ черницы пойдешь?—усмѣхнулся онъ.

— Тамъ уже какъ Богъ дастъ. Прощай!

Она круто повернулась и пошла къ хатѣ.

— Куда ты, Марта?—встрепенулся парень.—Куда? Иди сюда! Я что то хочу сказать. Вотъ уже и разсердилась! Подожди, говорю, вернись!

Но дѣвушка не возвращалась.

Прошло два мѣсяца. Больная, послѣ искуснаго подкуриванія бабы Сильвестрихи, поправлялась.

Было тихое, ясное праздничное послѣ обѣда. Въ хатѣ Марты все дышало миромъ, тихимъ покоемъ послѣ тяжкаго труда и безмятежнымъ семейнымъ счастьемъ. Прислонившись головой къ стѣнѣ, блѣдная какъ лилія, сидѣла Олена у открытаго оконца, мечтательно глядя въ зеленѣющій, облитый золотымъ сіяніемъ садикъ. Бабуся крѣпко спала на *полу* и ея сладкое монотонное похрапыванье какъ бы дополняло мирную картину отдыха. Марта возилась подъ печью съ цыплятами.

— Слушай, Мартуню, что я тебѣ скажу,—повернулась къ ней сестра, когда она высунула наконецъ изъ-подъ печи свою облѣпленную пухомъ и соломой голову.—Пойдемъ пройдемся на огородъ или въ садъ, теперь тамъ такъ хорошо... Мнѣ что то не сидится въ хатѣ.

— Пойдемъ, сердце, ты совсѣмъ заскучала. Подожди только минуточку—я цыплятъ накормлю да поросятъ загоню.

— Охъ ужъ эти мнѣ цыплята да поросята! И не надоѣли они тебѣ? Ты, кажется, безъ нихъ жить не можешь!—съ досадой замѣтила Олена—я бы и пачкаться съ ними не захотѣла... Слушай, принеси мнѣ изъ хижи одежу... знаешь, ту городскую, что мнѣ панночка подарила... Надо немного принарядиться, а то какъ разъ люди будутъ проходить по улицѣ, скажутъ: „святая недиля, а она такая нетипака". Возьми же ту сорочку тоненькую, что виноградомъ вышита.

— Знаю, знаю... Сейчасъ...

Марта поспѣшно справилась съ цыплятами и поросятами и наконецъ возвратились въ хату съ цѣлымъ ворохомъ одежи въ рукахъ.

Олена не твердо поднялась съ лавки и, пошатываясь, стала одѣваться, но руки ея, ослабѣвшія послѣ изнурительной болѣзни, сильно дрожали и она никакъ не могла справиться со своимъ туалетомъ.

— Да помоги же мнѣ! Развѣ не видишь, что я не могу,—крикнула она сестрѣ со свойственнымъ выздоравливающимъ раздраженіемъ.

Марта поспѣшила къ сестрѣ. При ея помощи Олена нарядилась въ тонкую, пышно расшитую цвѣтными нитками сорочку, пеструю шерстяную спидницю, черный плисовый корсетъ, обложенный алой лентой, бѣлый съ прошивками и кружевами передникъ и, остановившись передъ осколкомъ зеркальца, вмазаннымъ въ стѣну, стала нацѣплять на шею блестящія стеклянныя бусы. Между тѣмъ Марта вплетала въ ея длинную черную косу яркія ленты.

— Можетъ *заквитчаты* тебя?—спросила она, окончивъ свое дѣло и заботливо оглядывая живописный нарядъ дѣвушки.

— Нѣтъ, не надо! Тяжело будетъ головѣ.—Дай лучше платокъ.

Олена набросила на голову поданный ей легкій кисейный платочекъ, тоже привезенный изъ города.

— Ну, теперь я готова!—вымолвила она, охорашиваясь передъ зеркальцемъ.—Господи! какая я чудна̀я, совсѣмъ не похожа на здѣшнихъ дивчатъ, бѣлая, какъ мертвецъ, еще скажутъ, что холера или чума изъ города проявилась, бѣгать отъ меня будутъ!

— Ну вотъ, чего же бѣгать?—обидѣлась за нее сестра.— Развѣ ты не такая, какъ люди? И выдумаетъ же такое...

— Ну будетъ, будетъ... Уже пошла...—со смѣхомъ прервала ее Олена.—Веди лучше меня гулять,—сама не въ силахъ, ноги не держатъ.

Олена склонилась на плечо сестры и онѣ медленною поступью вышли изъ хаты.

Садикъ былъ маленькій, но густой, зеленый, почти исключительно вишневый, только въ одномъ углу широко раскинула свои вѣтви старая развѣсистая груша, вся усыпанная мелкими, незрѣлыми плодами. Вокругъ сада, подъ плетнемъ и между деревьями прихотливо извивалась узкая тропинка. На длинной грядѣ подъ окнами цвѣли душистые *васильки*, *бурячки*, высокая *рожа* всѣхъ цвѣтовъ, *красоля*, ярко пестрѣлъ макъ, зеленѣлъ барвинокъ, пахучая мята, *кануперъ*, *любыстокъ*. Все было аккуратно̀ разсажено, выполото, полито заботливой рукой.

Сестры рука объ руку прохаживались по саду, вдыхая свѣжій послѣ дождя, напоенный ароматомъ воздухъ. Выйдя въ первый разъ послѣ болѣзни изъ хаты Олена ощущала какое то пріятное головокруженіе и сладкое томленіе теплой струей разливалось по ея тѣлу. На душѣ у нея было радостно, свѣтло; хотѣлось смѣяться, плакать, обнять весь Божій міръ. Словно послѣ долгаго отсутствія ей все казалось дорого, мило... Будто на старыхъ друзей, съ улыбкой глядѣла она на каждое деревцо, кустикъ. Въ густыхъ вѣтвяхъ груши закуковала кукушка.

— Зозуле, зозуле! Скажи мнѣ правду, долго ли я буду жить?

Зозуля куковала и куковала безъ счета и ея грустная, нѣжная жалоба далеко разносилась вокругъ.

— Слышишь, сестра, что она мнѣ кукуетъ? Еще долго, долго мнѣ жить, не скоро я умру! Охъ, сестра, какъ на свѣтѣ хорошо! Сядемъ тутъ подъ грушею, въ тѣни, отдохнемъ—я уже устала.

Марта разостлала висѣвшее на плетнѣ рядно и дѣвушки усѣлись.

— Сестра, когда тебя Кравчукъ будетъ сватать?—спросила спустя нѣкоторое время Олена, перебирая на колѣнахъ цѣлую груду душистыхъ цвѣтовъ.—Вѣдь говорятъ, что вы съ нимъ давно уже любитесь?

Марта вспыхнула и смѣшалась.

— Вотъ уже и говорятъ! Выдумываютъ!

Потомъ, потупившись, тихо проговорила:

— Кто его знаетъ... можетъ осенью...

— Онъ, говорятъ, богатый?

— Да, слава Богу, есть у него и хата, и земля, и пара воловъ...

— Что же онъ одинъ или и братья есть?

— Есть одинъ женатый.

— А красивый онъ?

— Какъ кому, а для меня красивый.

— Какъ же вы познакомились, если онъ живетъ на хуторѣ? Развѣ ему парубки позволили ходить сюда на улицу?

— Гдѣ тамъ! Наши не допустили бы и ребра ему поломали бы, да онъ откупился, поставилъ четверть горилки. Ну а я тоже ходила на улицу, вотъ и познакомились.

— А потомъ и полюбили одинъ другаго! — усмѣхнулась Олена и задумалась.

Марта любовно посмотрѣла на ея блѣдный нѣжный профиль съ тонкими, будто нарисованными бровями и въ ея головѣ невольно мелькнула мысль: „Такая она хорошенькая и чуть не умерла!“

Олена подняла голову и повернулась къ ней.

— Вотъ счастье тебѣ!—воскликнула она съ какой то за-

вистью въ голосѣ.—И богатый, и хорошій! А ко мнѣ и до сихъ поръ никакой чертъ не присватывался!

Марта съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ испугомъ взглянула на нее.

— Богъ съ тобой, дивчино! Что ты говоришь? Гдѣ же еще тебѣ думать о замужествѣ? Ты же меньшая сестра... Я вотъ и старшая и мнѣ будетъ уже лѣтъ двадцать пять, а и то я не безпокоюсь. Если Богъ пошлетъ пару, то такъ и будетъ. „Суженаго и конемъ не объѣдешь“...

— Это ты такъ думаешь, а я иначе,—съ презрительной гримасой возразила Олена.—По вашему, мужичьему, непремѣнно надо, чтобы старшая прежде шла замужъ, а меньшая сиди да дожидайся пока придетъ ея очередь. А у насъ, по городскому, которая выскочила, то и хорошо. Будетъ ли это старшая, меньшая или средняя—все равно. Тамъ на это не смотрятъ.

— Ахъ Боже мой! Такая молоденькая!—искренно удивлялась и огорчалась Марта.

— Положимъ, мнѣ только шестнадцатый годъ пошелъ, а все же досадно. Вотъ какъ я была въ городѣ, то тамъ одинъ знакомый писарь...

— Здравствуйте, дивчата! Съ недилею будьте здоровы!—неожиданно крикнулъ имъ Иванъ, остановившись на улицѣ за плетнемъ.

Дѣвушки вздрогнули и, смутившись, не сразу отвѣтили: „Спасибо! И вы будьте здоровы!“.

—Это онъ?—шепотомъ спросила Олена, наклоняясь къ сестрѣ.

— Онъ,—закраснѣвшись, тихо отвѣтила Марта.

Олена искоса стала внимательно разглядывать парубка. Небольшаго роста, но гибкій и стройный, съ нѣжнымъ женственнымъ лицомъ, красиво обрамленнымъ завивающимися у висковъ волосами и блестящими черными глазами, онъ показался ей очень интереснымъ.

— Какой ловкій, чисто какъ паничъ, совсѣмъ и не похожъ на мужика, хоть бы и не нашей Мартунѣ,—подумала она и недоброе чувство зависти къ счастью сестры еще сильнѣе зашевелилось въ ея душѣ.

Между тѣмъ Иванъ въ свою очередь казался пріятно пораженнымъ этой городской сиреной и не сводилъ съ нея удивленнаго взгляда.

Марта, не замѣчая впечатлѣнія, произведеннаго другъ на друга молодыми людьми, и полная радости свиданья, поднялась, медленно прошлась по саду, будто срывая цвѣты, и незамѣтно подошла къ парню.

— Это сестра твоя?—былъ первый вопросъ.

— Конечно сестра, развѣ ты не узналъ?

— Никогда бы не узналъ. Вонъ она какая, точно панночка! Да какъ хорошо одѣта, не то что наши дѣвки!

И взглядъ его невольно скользнулъ по широкой коренастой фигурѣ невѣсты, бѣдно одѣтой въ старую ситцевую спидныцю и толстую, суроваго полотна рубаху, слегка помережанную на рукавахъ.

— Надолго она сюда?

— А кто его знаетъ... Ей хочется въ городъ,—привыкла уже тамъ, а бабуся не позволяетъ, говоритъ, что пускай еще посидитъ дома, а то отвыкнетъ и отъ нашей мужицкой работы.

— Конечно такъ... Она вѣрно говоритъ. Зачѣмъ ей идти, развѣ у васъ своей хаты нѣтъ?

— Я и сама такъ думаю... Придешь въ субботу?

— Въ субботу? разсѣянно переспросилъ онъ...—Въ субботу?—Приду... Такъ это она и одежу изъ города привезла? Ишь какая! Чисто городская, и не сказалъ бы...

Они говорили вполголоса, бросая искоса взгляды на молодую дѣвушку, невольную свидѣтельницу ихъ любви. Склонивъ голову надъ цвѣтами, она сплетала длинную гирлянду и, казалось, ничего не слышала изъ этого разговора, углубившись въ свое дѣло. Только на ея блѣдномъ лицѣ, точно отблескъ утренней зари, мало по малу пробивался тонкій розовый румянецъ.

— Какая же она красивая, будто намалеванная! безотчетно вырвалось у парубка.

— А ты думалъ...—возразила Марта и съ нѣжной, материнской улыбкой оглянулась на сестру.

Прошла недѣля. Олена быстро поправлялась. Лѣтняя ночь давно уже опустилась на землю и покрыла ее своимъ легкимъ, мягкимъ пологомъ.

Иванъ давно уже поджидаетъ въ саду подъ грушей и въ нервномъ нетерпѣніи срываетъ съ вѣтки круглые листочки и бросаетъ на землю. А Марты все нѣтъ какъ нѣтъ.

— А чтобъ тебя!... До какихъ поръ я буду тутъ стоять!— сердито шепчетъ онъ, зорко вглядываясь впередъ.

Но вотъ скрипнула дверь въ хатѣ и тихо, крадучись вышла къ нему дѣвушка.

Такія ночныя свиданія жениха съ невѣстой извѣстны всѣмъ и каждому, и репутація дѣвушки, при чистотѣ народныхъ нравовъ, отъ этого нисколько не страдаетъ, но условныя приличія требуютъ соблюденія извѣстной таинственности.

— Отчего такъ долго не выходила? Что же, я долженъ дожидаться тебя до разсвѣта? Я думалъ, что и совсѣмъ не выйдешь, хотѣлъ уже и домой идти!—Такими рѣзкими словами встрѣтилъ Марту милый.

Дѣвушка кротко взглянула на него.

— Развѣ я такъ запоздала? Пока покончила съ работой, да пока наши заснули... Теперь дѣла и не передѣлаешь...

— Такъ не надо было и говорить, что бы приходилъ! А то стой, какъ столбъ, до утра да звѣзды считай!

— Вотъ уже и сердишься!... Я бы и сама рада. Пока сестра больная лежала, то я ни о чемъ и не думала, а теперь только о тебѣ и думаю, только бы тебя увидѣть. Теперь мнѣ кажется, что я снова на свѣтъ родилась. И весело мнѣ. Ну, а ты чего такой скучный? Можетъ нездоровъ? Или бѣда какая случилась? Скажи, мой соколе, что тебя тревожитъ?

Она обвила руками его шею и прильнула къ нему, съ беззавѣтной любовью заглядывая ему въ глаза. Но онъ стоялъ, не двигаясь, не отвѣчая на ея ласки, отворачиваясь отъ ея взгляда.

— Боже мой! Чтоже это съ тобой?—уже въ отчаяніи воскликнула дѣвушка.—Можетъ тебѣ опять что наговорили про меня злые люди? Не таись отъ меня, разскажи мнѣ всю правду... Вотъ только, дастъ Богъ, дождемся святой Покорвы, сейчасъ и

присылай старостовъ. Бузимка и свинью мы продадимъ, такъ и будетъ на что весилье справить. Сестра, благодарить Бога, поправилась, останется дома, да и я иногда прибѣгу, помогу по хозяйству.

Онъ стоялъ, угрюмо опустивъ голову, и молчалъ.

— Что же ты молчишь? Скажи мнѣ хоть словечко! Не мучь моего сердца!

— Вотъ *лиха годына*, прицѣпилась, какъ репяхъ!—проворчалъ онъ, отворачиваясь.—Что же я буду тебѣ говорить?

Вдругъ онъ оттолкнулъ ее отъ себя и съ волненіемъ прошепталъ: „Вонъ сестра твоя“.

Марта оглянулась и отошла въ тѣнь кустовъ. Между деревьями, вся облитая луннымъ свѣтомъ тихо скользнула какъ бы призрачная фигура.

— Она... Она!... Иди скорѣе отсюда!... Иди! Она тебя увидитъ!—въ тревогѣ шептала Марта жениху.

— Да чего я пойду!—грубо возразилъ онъ, не двигаясь съ мѣста.—Развѣ я воръ что ли? И онъ продолжалъ стоять, не сводя глазъ съ приближавшейся фигуры.

— Боже мой! Ты съ ума сошелъ? Стыдно же будетъ!

— Ну и молчи... Прицѣпилась!... Иди, коли хочешь, а я не пойду, мнѣ и тутъ хорошо.

Олена приблизилась между тѣмъ къ парубку, стоявшему возлѣ дерева, и вдругъ, будто теперь только замѣтивъ его, задрожала и съ легкимъ крикомъ отскочила назадъ.

— Охъ, моя матинко, тутъ кто то есть! Воръ что ли? я боюсь...

— Не бойтесь! Это свои...—сказалъ парень, смущенно выступая впередъ.

— Это вы? Чего же вы тутъ?—съ изумленіемъ воскликнула Олена.—А я ей Богу думала, что воръ... Хотѣла уже бѣжать...

— А можетъ я и въ самомъ дѣлѣ воръ, пришелъ у васъ комору обокрасть,—уже смѣлѣе проговорилъ онъ, сдвигая на бокъ шапку.

— Коли вы воръ, то васъ надо связать да бить,—кокетливо сказала Олена.

— Такъ вяжите и бейте, только сами, своими руками.

— Ой нѣтъ! бить я не буду... Развѣ можно дивчинѣ бить парубка? Это только ваши *селючки* такія... Имъ хоть и на кулачки... Я не хочу васъ бить, я лучше шапку вашу заарестую.

И съ этими словами, прежде чѣмъ Иванъ успѣлъ опомниться, она со смѣхомъ сорвала съ его головы шапку и спрятала ее себѣ за спину.

— А что? Выкупайте теперь! Даромъ не отдамъ!

— Ну, что же вамъ за нее? Кварту горилки?

— Ой нѣтъ! Такое выдумаете... Дивчинѣ да горилку покупать! Развѣ я пьяница какая? Это вы смѣетесь надо мной?

— То что же вамъ на выкупъ? Можетъ быть хотите конфетъ? У нашего Гершка есть хорошія, въ разныхъ бумажкахъ... и голубыхъ, и красныхъ, и желтыхъ, и зеленыхъ...

— На конфеты я согласна. Только что же мнѣ однѣ конфеты! За шапку надо большій выкупъ дать... Если бы сережки или ленту... широкую, красную...

Въ кустахъ послышался нетерпѣливый шорохъ.

— Ой моя матинко, тамъ кто то есть! Снова воръ! Это уже другой... А выходи сюда, *пане-злодію!* Мы и съ тебя снимемъ коли не шапку, то платокъ. Выходи сюда!

Олена бросилась въ кусты и со смѣхомъ стала тащить за руку сильно упиравшуюся переконфуженную сестру.

— Выходи, выходи! Я знаю, что это ты! Да помоги же мнѣ, хлопче, а то одна не справлюсь!

— *Нехай ій бисъ!* угрюмо проворчалъ парубокъ, недовольный такимъ оборотомъ дѣла.

— Не буду и просить, она и сама уже вышла. Нечего тебѣ стыдиться,—обратилась она къ сестрѣ,—это только тутъ у васъ не годится вмѣстѣ гулять, а у насъ, по городскому, хоть и съ родной матерью,—цинично добавила она.—Мнѣ вотъ не спалось: душно въ хатѣ, комары кусаютъ, дай, думаю, пройдусь въ садокъ, тамъ и Мартуня наша, да еще, можетъ быть, и не одна...

Она лукаво подмигнула парубку.

— Отдайте мою шапку,—проговорилъ онъ, чтобы сказать что нибудь.

— Какъ разъ! Подождите! А выкупъ гдѣ?

— Выкупъ получите потомъ.

— Э, мнѣ сейчасъ, а то и шапки не отдамъ!

— Такъ я и самъ возьму. Какъ же мнѣ безъ шапки идти? Скажутъ дома, что пропилъ. Если не отдадите, такъ я самъ возьму!

Дѣвушка отступила на шагъ и съ игривой улыбкой манила его къ себѣ взглядомъ. Онъ хотѣлъ подойти къ ней, но она пустилась бѣжать. Онъ за нею,—она дальше въ глубь сада... гдѣ то въ уголку началась возня, визгъ, хохотъ, прерванный звукомъ поцѣлуя...

Марта стояла, прислонившись къ дереву, одинокая, забытая, никому ненужная. Крупныя слезы медленно текли одна за другою по ея некрасивому поблѣднѣвшему лицу.

— Пойдемъ, сестрица, *до млына*, тамъ теперь Купала справляютъ... Вотъ я уже и цвѣтовъ нарвала на вѣнки...

Марта неохотно поднялась съ лавки и, не говоря ни слова, вышла съ сестрой изъ хаты. Она сильно перемѣнилась за послѣднее время: похудѣла, постарѣла, осунулась; прежней живости, привѣтливости, словоохотливости въ ней уже не было. По цѣлымъ часамъ сидѣла она въ какомъ то столбнякѣ, не шевелясь, опустивъ руки и безсмысленно уставивъ глаза въ одну точку. Въ селѣ говорили, что это ей такъ „пороблено" лихими людьми, что ей дали „данняˮ, что ее надо отшептывать. Совѣтовали повезти ее къ какому то знаменитому знахарю или знахаркѣ. Ее возили, шептали, отчитывали, но ничего не помогало. Марта чахла, хирѣла, работа валилась у нея изъ рукъ и ей уже не разъ приходилось слышать отъ домашнихъ горькіе, несправедливые упреки за кусокъ хлѣба, но и къ этому она относилась вполнѣ безучастно. Казалось ничто и никто не могъ расшевелить ее, возбудить ея интересъ. Одно только горе, тайное, никому невѣдомое горе, какъ пьявка впившееся въ ея сердце, подтачивало ея жизнь.

Солнце уже опустилось за горизонтъ и на западѣ медленно потухала огненная полоса, переходя въ болѣе нѣжные тоны. Былъ канунъ Ивана Купала и потому изъ воротъ Козацкаго то и дѣло

выходили разряженныя дивчата въ красныхъ съ мелкими черными цвѣтами спидницахъ, въ лентахъ и въ пышныхъ вѣнкахъ на головѣ. Къ дѣвушкамъ скоро присоединились и парни и вся эта толпа, пестрая, яркая, подвижная, съ пѣснями и веселыми шутками, направилась къ выгону.

Невдалекѣ отъ *млына-витряка*, на зеленой *толокѣ* былъ разложенъ костеръ и вокругъ него, какъ тѣни, фантастически освѣщенныя краснымъ заревомъ, двигались темныя фигуры, распѣвая хоромъ:

На Ивана хлибъ сажала,
А на Петра выбирала.
Купайла Ивана!
Ой на Полу-Петра поснидала,
Всю родыну одвидала.
Купайла Ивана!

И каждый по очереди, согласно традиціи, сильно разогнавшись, легко и ловко перепрыгивалъ черезъ „купальный" огонь.

Шумный говоръ, смѣхъ, шутки, пѣсни далеко разносились въ тишинѣ лѣтняго вечера. Молодежь наперерывъ старалась щегольнуть другъ передъ другомъ остроуміемъ своей выходки. Расходившіеся парубки норовили столкнуть дивчатъ въ огонь, когда онѣ перепрыгивали костеръ, а дѣвушки въ отместку припѣвали:

Купайла Ивана!
Сука въ воду впала.
Купайла Ивана!
Стала скавучаты,
Стали вытягаты.
Купайла Ивана!
Дивчата граблямы,
А хлопци зубамы.
Купайла Ивана!

Но болѣе всѣхъ отличались своими шумными и бойкими шалостями Иванъ и Олена. Эта красивая парочка привлекала общее вниманіе. Они то и дѣло перебѣгали съ звонкимъ хохотомъ съ мѣста на мѣсто. Иванъ ловилъ дѣвушку, хваталъ въ свои объятія и притягивалъ къ костру, грозя бросить ее прямо въ огонь.

— Такъ ей, такъ ей, туда и кидай! — поддерживали парубки.

— Отстань, сумасшедшій! — пронзительно визжала Олена, барахтаясь въ сильныхъ рукахъ парубка; но едва онъ выпускалъ ее, начинала снова дразнить его, заигрывая до тѣхъ поръ пока снова попадала въ желанныя объятія.

— Смотрите, сестрицы, какъ наша городянка! Сама такъ и лѣзетъ къ нему! И стыда у нея нѣтъ, должно быть уже привыкла въ городѣ съ москалями! И чего сестра молчитъ, ничего ей не скажетъ! О если бы я была на ея мѣстѣ знала бы она меня: оттрепала бы ее за косы! — завистливо перешептывались между собою дивчата, бросая косые взгляды на красавицу, отбивавшую у нихъ парубковъ.

Олена между тѣмъ ничего не замѣчала, да и не хотѣла замѣчать, вся охваченная радостнымъ чувствомъ взаимной любви. Что ей за дѣло до другихъ? Пусть каждый живетъ какъ ему хочется—своя рубашка ближе къ тѣлу.

Марта сидѣла въ сторонѣ, не вмѣшиваясь въ игры. Опустивъ низко голову и сжавъ губы, она сосредоточенно плела себѣ вѣнокъ.

— А теперь, сестрицы, идемъ пускать вѣнки на воду!

Съ этими словами дѣвушки, оставивъ своихъ кавалеровъ, шумной гурьбой побѣжали дальше въ поле, гдѣ подъ высокимъ курганомъ въ долинѣ находился неглубокій *ставокъ*. Только одна Марта медленно плелась за подругами, далеко отставъ назади.

Сумракъ ночи давно уже охватилъ землю и блѣдная луна медленно плыла по звѣздному небу, обливая своимъ спокойнымъ свѣтомъ и безбрежную степь, и высокій курганъ, и тихія воды ставка. Въ воздухѣ было тепло и тихо. Вдали слышались перекликанья перепеловъ, отдѣльное уханье водяного бугая и кваканье лягушекъ.

Дѣвушки, боязливо оглядываясь кругомъ и нервно вздрагивая при малѣйшемъ шелестѣ или плескѣ воды, стали раздѣваться и одна за другой, съ распущенными косами и въ вѣнкахъ, входили въ воду.

По повѣрью, въ какую сторону поплыветъ въ этотъ вечеръ вѣнокъ купающейся и нырнувшей въ воду дѣвушки—въ ту сторону ей и замужъ идти. Если же вѣнокъ не поплыветъ и остановится на мѣстѣ, то владѣтельница его не выйдетъ въ этомъ году замужъ. Послѣ купанья вѣнки обыкновенно кладутъ на грядки капусты, чтобы капуста была *головата.*

— А ну, дивчата, разступитесь! Куда то мой вѣночекъ поплыветъ?

Олена сложила руки на груди, съ улыбкой оглянула робко жмущихся у берега подругъ и, гордая своею смѣлостью, бросилась впередъ и скрылась въ водѣ. Алый, пышный вѣнокъ медленно всплылъ на поверхность, закружился и потомъ, какъ бы въ раздумьи, плавно качаясь на волнахъ, поплылъ къ берегу.

— Прямо къ хутору Ивана Кравчука!—насмѣшливо крикнула одна изъ дивчатъ.

— А куда же ему больше, какъ не туда!—не безъ ехидства поддержали другія.

— А ты, Мартуню, отчего своего вѣнка не пускаешь?—участливо обратились нѣкоторыя къ блѣдной дѣвушкѣ, одиноко сидѣвшей на берегу.

— Охъ нѣтъ... не поплыветъ мой вѣночекъ!—съ глухимъ отчаяніемъ въ голосѣ проговорила дѣвушка и, поднявшись, далеко отбросила отъ себя цвѣты.

„Ой Покрово—покривонько, покрый мою голывоньку"—говоритъ народная дѣвичья поговорка, и дѣйствительно, Покровъ—дѣвичій праздникъ: ни въ какую пору года не бываетъ въ деревняхъ столько свадебъ, какъ осенью послѣ Покрова. Это и понятно: крестьяне окончили полевыя работы, запасы есть, можно кое что и продать...

Начинаются сватовства: запрягается пара сборныхъ „конячокъ", накладывается на возъ побольше душистаго сѣна, сверху прикрывается рядномъ, а подчасъ даже и домашнимъ пестрымъ „кылымомъ" (коверъ), усаживаются старосты и молодой, захвативъ предварительно съ собой каравай хлѣба для обмѣна,—и съ Богомъ!

Былъ осенній день. Все небо заволокло свинцовыми, тяжелыми тучами. Моросилъ мелкій, холодный, пронизывающій до костей дождикъ.

Марта, босая, въ потертой свитѣ, съ изодраннымъ бумажнымъ платкомъ на головѣ, копала картофель въ огородѣ. Работала она совершенно машинально, не обращая вниманія на то, что дѣлается вокругъ, и только отъ времени до времени разгибаясь, чтобы отереть грязные ручьи, текущіе по ея лицу. Наступили сумерки. Марта оставила работу и пошла въ хату. Она такъ задумалась, что не слыхала громыханья колесъ, лая собакъ и необычной суеты на дворѣ.

— Слушай, дивчино! Къ вамъ, говорятъ, старосты пріѣхали?—спросила ее черезъ плетень сосѣдка.

Марта подняла голову, выпрямилась и уставилась глазами на говорившую.

— Иванъ Кравчукъ, говорятъ, пріѣхалъ сватать Олену,— продолжала сосѣдка, съ участіемъ глядя ей въ лицо.—Развѣ видано гдѣ, чтобы меньшая сестра шла замужъ прежде старшей! Это, должно быть, городскіе обычаи! И старую повернула по своему! Охъ, Господи милосердный! и что теперь дѣлается на свѣтѣ. А ты, дивчино, не горюй! *Кынь лыхомъ объ землю!* Пускай она идетъ за него,—ты себѣ и лучшаго найдешь... Развѣ только и свѣта, что въ окнѣ...

Но Марта уже не слушала ее и пошла къ хатѣ.

На лавкѣ за столомъ важно сидѣли два пожилыхъ, почтенныхъ свата, одѣтыхъ по праздничному въ новыя сѣрыя свиты, подпоясанныя красными поясами. Густые съ просѣдью волосы обрамляли ихъ суровыя, мужественныя лица, которыя, однако, при малѣйшей улыбкѣ принимали самое добродушное и даже лукавое выраженіе. Бабуся, сидя по другую сторону стола, со степеннымъ видомъ, полная сознанія собственнаго достоинства бесѣдовала съ гостями, выражая согласіе на бракъ, котораго она втайнѣ страстно желала. Въ хатѣ собрались уже кое кто изъ сосѣдей и близкихъ родичей, разсчитывавшихъ на даровую чарочку при этомъ торжествѣ.

Марта тихо вошла въ хату, окинула тусклымъ взоромъ собраніе, ни съ кѣмъ не здороваясь, прошла къ „полу“ и сѣла съ краю, сложивъ руки на колѣняхъ и уставившись въ одну точку. Между гостями пробѣжалъ сдержанный шепотъ и нѣкоторые съ соболѣзнованіемъ покачали головой.

Между тѣмъ хозяйка, окончивъ переговоры и обмѣнявшись, согласно обычаю, хлѣбомъ со сватами, сдѣлала знакъ невѣстѣ достать рушныки.

Олена, до сихъ поръ, тоже согласно обычаю, „колупавшая“ печь въ углу, достала изъ скрыни два толстыхъ съ красной каймой полотенца, положила ихъ на тарелку и, скромно опустивъ свои черныя рѣсницы и вся зарумянившись, поднесла старостамъ, которые, принявъ ихъ съ церемоніей, тотчасъ перевязали другъ другу черезъ плечо.

— А ну, доню, принеси изъ хижы горилочку и закусочку,— спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало обратилась бабуся къ Мартѣ.

Дѣвушка безсмысленно посмотрѣла на нее и не двинулась съ мѣста.

— Не слышишь, что-ли?—крикнула уже сердито бабуся.

— Молчите, я и сама пойду, не трогайте ее, — опасливо шепнула ей Олена и побѣжала въ кладовую.

Сваты тревожо переглянулись между собою, почуявъ семейную драму, и одинъ изъ нихъ тихо спросилъ хозяйку.

— Чья это дивчина?

— Да такъ себѣ, сирота, за хлѣбъ держимъ—небрежно отвѣчала она и принялась хлопотать около стола.

На устахъ нѣкоторыхъ изъ посѣтителей скользнула ироническая усмѣшка, но ни одно слово не вырвалось у нихъ въ защиту бѣдной дѣвушки—чарочка была дороже всего.

Черезъ нѣсколько минутъ возвратилась невѣста съ водкой и закуской. За нею, опустивъ голову, слѣдовалъ не совсѣмъ спокойный женихъ, опасавшійся публичнаго скандала со стороны бывшей своей возлюбленной. Но Марта только вскинула на него внезапно загорѣвшимися глазами и мучительно сжала руки.

Началось угощеніе. Марта сидѣла на „полу“ блѣдная, печальная, убитая.

— Сестра, что ты дѣлаешь?

Марта подошла къ молодой дѣвушкѣ, только что проводившей дорогихъ гостей за ворота, и тяжело опустила ей на плечо руку.

Ночь давно уже наступила и мерцающій огонекъ „каганця“ слабо освѣщалъ неприбранную послѣ недавняго пиршества хату.

— Что ты дѣлаешь, сестра?—строго и торжественно повторила Марта.—Когда ты осталась малой сиротой, я была тебѣ вмѣсто матери, я тебя выпестовала, какъ родное дитя, когда ты захворала, я ходила за тобой, ночей не досыпала, куска хлѣба не доѣдала... У меня только и мысли было, что о тебѣ.... Я бы сердце у себя вырвала, чтобы тебѣ помочь... Я забыла тогда, что и солнце свѣтитъ, и цвѣты цвѣтутъ, и соловьи щебечуть, я все забыла, я смерти хотѣла... а ты...

— Смерти хотѣла!... Ишь!... Нужна ты кому то!—съ досадой крикнула баба, вслушиваясь въ ея слова.—О пропади ты пропадомъ! Только хлопоты съ тобой!

Но Марта не слыхала этихъ жестокихъ словъ и, разгорячась, продолжала съ страстной тоской:

— А ты, только что выздоровѣла, поднялась, ты сейчасъ, какъ гадина, впилась мнѣ въ самое сердце. Ой грѣхъ тебѣ... тяжкій грѣхъ, сестра-разлучница!

— Гляди, разлучница! Сама ты разлучница, змѣюка проклятая!—снова крикнула баба, подступая къ дѣвушкѣ и сильно размахивая костлявыми руками у самаго ея лица.

Въ эту минуту, со своимъ согбеннымъ станомъ и съ крючковатымъ носомъ надъ впавшимъ ртомъ, она сильна напоминала хищную птицу, готовую броситься на свою жертву.

— Сама ты разлучница! Она, сердечная, еще ребенкомъ по наймамъ ходила, чужой хлѣбъ слезами поливала, на чужихъ людей работала. А ты, гадина, какъ пани, дома сидѣла, на перинахъ спала, по улицамъ расхаживала, съ парубками гуляла!.. Ты сама разлучница, потому что хочешь разлучить эту дивчину съ ея парой! Погляди въ зеркало на свое обличье! куда ты годишься? Тьфу! да и только!—Баба энергично плюнула.—Можетъ *віно* великое у тебя? Мать твоя наготовила? На богатство твое онъ польстился? Тамъ и добра того какъ котъ наплакалъ,—и

въ торбу все забрать можно... Хвали Бога, что хоть изъ хаты не гонятъ, тебя и за харчи теперь не возьмутъ, чертовъ лежень!

Дѣвушка горько усмѣхнулась.

— Вамъ ли, бабусю, мнѣ это говорить? Кто же у васъ работалъ? Кто же у васъ былъ и косарь, и гребецъ, и молотникъ? Кто вамъ, бывало, и хлѣбъ спечетъ, и борщу сваритъ, и сорочку вымоетъ? Все та, что на перинахъ спала! Гляньте, бабусю, на мои руки! Видите какія?

Она засучила рукава и нервнымъ движеніемъ протянула передъ собою худыя мозолистыя руки.

— Видите, какія? Можетъ скажете не пышныя? А пускай покажетъ свои та, что слезами чужой хлѣбъ поливала! Можетъ у нея не такія, побѣлѣе немного!

— Что ты меня укоряешь бѣлыми руками?—пронзительно взвизгнула Олена, опускаясь на лавку.—Развѣ я виновата, что онѣ у меня такими удались? Ой моя матинко родная, зачѣмъ ты меня покинула! Доленька моя безсчастная! Лучше бы меня тогда задавило, лучше бы я лежала живою въ землѣ, или вѣкъ у чужихъ людей работала, чѣмъ теперь мнѣ такое житье дома! Развѣ я его прилещивала, развѣ я къ нему цѣплялась? На что онъ мнѣ? Развѣ я такая уже старая, что и другаго не найду? Бери его совсѣмъ, онъ мнѣ не нуженъ! Онъ самъ ко мнѣ прицѣпился!

— Ой, неправду говоришь, дивчино, неправду!—вся блѣдная, съ блистающими глазами, страстно воскликнула Марта.—Неправду говоришь! Ты къ нему лѣзла, ты сама къ нему цѣплялась! Ты, какъ гадина, вездѣ пролѣзала между нами! Ты его чаровала! Не было у тебя ни совѣсти, ни чести, ни стыда дѣвичьяго. Ты зарученаго отбивала у родной сестры! Не такъ бы мнѣ жаль было, если бы онъ самъ... а то ты, ты, что была мнѣ за родное дитя... Ой Боже мой, Боже! Что мнѣ дѣлать! Не могу глядѣть на такое..

Она припала головой къ столу и громко, отчаянно зарыдала, вся содрогаясь въ конвульсіяхъ.

— Будетъ, слышали это!—сердито крикнула на нее баба.—Не можешь глядѣть на такое, то и иди себѣ... Не въ своей хатѣ... „Зализла у чужу солому та ще й шелестыть“!

— Не гоните меня, я и сама пойду, бабусю. Я тутъ не буду... Я сейчасъ пойду!—дрожащимъ голосомъ возразила дѣвушка и, какъ во снѣ, едва сознавая, что дѣлаетъ, стала собирать свои убогіе пожитки.

— „Зъ Богомъ Парасю, колы люде случаюцця“!—злобно фыркнула баба.—Черезъ тебя только „колотнеча“ будетъ въ хатѣ! Счастливый путь! А! Подожди! Зачѣмъ ты Оленину сорочку взяла, да еще и не старую? Развѣ она твоя? Вотъ какая! Еще хотѣла заграбить дивчинину одежу!

Баба вырвала изъ рукъ плачущей дѣвушки рубашку и далеко забросила ее на печь. Марта остановилась, посмотрѣла на нее укоризненнымъ взоромъ и, не взявъ ничего, не вымолвивъ ни слова, повернулась къ дверямъ и тихо вышла изъ хаты...

Прошло много лѣтъ. Много воды въ Деснѣ утекло.

— Бабусю, зачѣмъ вы косу заплетаете? Развѣ вы дѣвка?

— А конечно дѣвка. Видишь, какая молодая?

Бабуся добродушно усмѣхнулась и поправила торчащую изъ подъ головнаго платка, тоненькую, сѣдую косичку.

— Такіе старые? Чего-же вы замужъ не вышли?

— Не судилось, доню, не далъ Богъ пары...

Бабуся тихо вздохнула.

— Гдѣ же вы живете, бабусю? Въ своей хатѣ?

— Нѣтъ, доню, не въ своей. Жила у людей. Теперь живу у племянницы, родной сестры дочки. Встрѣтила меня какъ то на ярмаркѣ и спрашиваетъ: „Вы и теперь, титусю, у людей служите?“—„А гдѣ же, говорю, сердце, мнѣ быть?“.

— „Да мы, говоритъ, думали съ мужемъ, что бы принять васъ къ себѣ... Чѣмъ чужой хлѣбъ вамъ ѣсть, титусю, идите лучше къ намъ... Вы намъ и за хозяйствомъ приглядите и за дѣтками, а мы васъ будемъ кормить до смерти“. Ну, а мнѣ только того и нужно. Надоѣло уже по чужимъ хатамъ слоняться. Забрала я свой скарбъ, помолилась Богу, поблагодарила хозяина и хозяйку за хлѣбъ, за соль и за ихъ ласку, сѣла на возъ,—зять нарочно пріѣзжалъ,—да и гайда! Поторохтила наша баба,

тильки курява знялась"! Теперь, слава Господу милосердому, хорошо мнѣ, жалѣютъ... Извѣстно, свои—не чужіе. А дѣточки, пускай здоровы будутъ, такъ привыкли, что и къ матери не хотятъ, такъ и липнутъ ко мнѣ, ей Богу правда! А больше всего меньшенькія. Оленочка, третій годокъ пошолъ... Куда бы я ни повернулась, все оно за мною: „бусю!" да и „бусю!"—не выговоритъ: „бабусю!" Такое славненькое... Кто его знаетъ, что изъ него будетъ... Вотъ иду къ вашей пани просить, чтобы шапочку пошила, я и яичекъ имъ взяла въ гостинецъ... Да надо выпросить еще кусочекъ сахару, а то хоть и не иди домой,—будетъ гвалтъ на всю хату. Проведи, сердце, отъ собакъ, такія лихія, такъ и гляди, что порвутъ.

Бабуся эта была Марта.

Омелько Репьяхъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Записка 1801 г. о нуждахъ малороссійскаго дворянства. Печатаемая здѣсь «записка» 1801 г. о нуждахъ малороссійскаго дворянства, найденная въ бумагахъ Вас. Гр. Полетики, заключаетъ въ себѣ не безъинтересныя свѣдѣнія о томъ, въ чемъ малороссійское дворянство, девяносто лѣтъ назадъ, полагало какъ свои, такъ и своего края нужды. Въ этой запискѣ прежде всего встрѣчаемся съ ходатайствомъ о возстановленіи «гродскихъ судовъ» *для отдѣленія судебныхъ дѣлъ отъ полицейскихъ*, по тому основанію, что «сами судящіе слитіемъ земскихъ криминальныхъ дѣлъ воедино, при многоразличности оныхъ, замѣшиваются въ сужденіяхъ...» При этомъ дворянство вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствуетъ, чтобы «статутъ (литовскій) былъ государемъ утвержденъ, «какъ сборникъ законовъ» весьма достаточный для суда и расправы и доставленія каждому собственности». Интересны также указанія «записки» на хозяйственное значеніе винокуренія въ Малороссіи, а равно попытка дворянства принять участіе въ выгодахъ городскаго хозяйства.

Наконецъ, интереснѣйшую часть «записки» составляетъ ходатайство объ открытіи въ Черниговѣ университета, обѣщаннаго еще императрицею Екатериною Второю, при чемъ въ случаѣ удовлетворенія сего ходатайства, дворянства «пріемлетъ на себя построеніе университета въ малороссійской губерніи, изъ суммы отъ дворянъ уже собранной.

А. Л.

Записка господамъ депутатамъ, избраннымъ отъ дворянъ малороссійской губерніи для принесенія его императорскому величеству Александру Павловичу всеподданнѣйшей благодарности за всемилостивѣйшее возстановленіе и утвержденіе дворянской грамоты во всей

ея силѣ и о нуждахъ отъ всѣхъ повѣтовъ изъясненныхъ и въ общемъ собраніи ко уваженію принятыхъ. Дана въ губернскомъ городѣ Черниговѣ, августа 14 дня, 1801 года.

1.

Законъ для суда и расправы есть первый и главный предметъ вообще жителей. Малая Россія издревле имѣя его въ книгѣ *статутъ*, всегда тѣмъ и руководствовалась. Всѣми святоцарствующими помазанниками и особенно ея императорское величество блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государиня императрица Екатерина Вторая и его величество государь императоръ Павелъ Первый непоколебимость сего права высочайше и всемилостивѣйше утвердить соблаговолили, яко весьма достаточный для суда и расправы и доставленія каждому собственности. Въ семъ уваженіи малороссійской губерніи дворянское собраніе полагаетъ всеподданнѣйше просить государя императора Александра Перваго, нынѣ благополучно къ щастію его вѣрныхъ подданныхъ царствующаго, о утвержденіи закона на вѣчныя времена или до изданія всеобщаго достаточнѣйшаго, а съ нимъ купно учрежденія и судовъ градскихъ, съ ихъ писарями и возными, для дѣлъ уголовныхъ, ибо сіи дѣла возложены теперь на земскіе повѣтовые суды, кои по стеченію многихъ дѣлъ, не успѣваютъ въ срочное время произвесть и рѣшить ихъ, отъ чего тяжущіяся терпятъ волокиту, преступники остаются долго безъ наказанія, сами судящіе слитіемъ земскихъ криминальныхъ дѣлъ воедино, при многоразличности оныхъ, замѣшиваются въ сужденіяхъ и при всемъ ихъ усердіи, терпятъ негодованіе безъвинно. Сихъ судовъ такъ какъ и земскихъ повытовыхъ судей, подсудковъ, писарей и возныхъ, по основанію высочайшей грамоты, дворянству жалованной, всемилостивѣйше позволить дворянству при выборѣ депутатовъ въ генеральный судъ, выбирать и ихъ чрезъ всякіе три года въ повытахъ, и для утвержденія, начальнику губерніи представлять, потому что они служа безъ жалованья и возмездія, лишась домовства и хозяйственнаго ихъ устройства, въ собственномъ содержаніи узнаютъ оскудѣніе; канцелярскимъ же служителямъ при сихъ судахъ трудящимся, щитать за служеніе къ слѣдующему въ чинахъ повышенію, поелику они служатъ безъ жалованья и лишены всякаго воздаянія. Отъ устроенія же таковыхъ судовъ по повытамъ, сколько возникнетъ правосудія, столько превосходно выиграетъ государственное благочиніе; а нижніе земскіе суды, яко бдители благочинія, облегчены будутъ въ исполненіи надобностей го-

сударственныхъ, не занимаясь частными распрями; дворянство и поселяне избѣгнутъ волокитъ, сопряженныхъ съ отягощеніемъ должности земскаго исправника и нижнихъ чиновъ, которые исполняя указы начальства, часто и почти всегда должны удовлетвореніе частнаго человѣка въ обидѣ или отложить на долгое время или иногда и вовсе безъповоротно отклонить; въ разсужденіи чего свидѣтельствы въ частныхъ мѣлочныхъ обидахъ, яко то: спашъ хлѣба и травы, вырубка лѣса и тому подобное, по праву статутовому до должности возныхъ относящіеся, на нихъ возложить, а отъ нихъ судамъ гродскому и земскому на ихъ разборъ и рѣшеніе предъоставить; нижніе же земскіе суды оставить только при соблюденіи благочинія и пользы общей государственной, яко то: при наборѣ рекрутъ, взысканіи недоимокъ, разбои, пожарѣ, исправленіи мостовъ и дорогъ, проводѣ воинскихъ командъ, грабежахъ по дорогамъ и сему подобномъ.

2.

По основанію права статутоваго учрежденныя въ Малороссіи изъ дворянъ выбранныя повытовыя маршалы, подкоморія, хорунжія, высочайше утвержденныя, не имѣютъ потому же праву свободы въ испрошеніи увольненія вовся отъ службы елико по старости лѣтъ, такъ по болѣзнямъ и другимъ важнымъ и уваженія заслуживающимъ причинамъ, а потому и просить государя императора всемилостивѣйшаго его дозволенія тѣмъ, кои изъ нихъ далѣе должностей отправлять будутъ не въ состояніи по сказаннымъ причинамъ, просить о увольненіи, сходственно съ высочайшею грамотою дворянству жалованною.

3.

Владѣніе и пользованіе имѣніемъ всѣмъ и каждому дворянину кромѣ прочихъ законовъ и высочайшихъ утвержденій, ясно постановлено въ правѣ книгѣ *статутъ* раздѣла 3-го, въ артикулѣ 41-мъ, и между прочими хозяйственными распоряженіями, малороссійское дворянство почти единственно для содержанія своего на службу и государственныя надобности доходъ имѣетъ отъ винокуренія и продажи горячего вина. Промыслъ сей приноситъ кромѣ дохода великія выгоды не токмо Малой Россіи одной, но и большей части Россіи и торговли, по причинѣ хозяйственнаго отъ дворянъ винокуренными заводами расположенія умножается хлѣбопашество и всѣ части земледѣлія и получаемые избытки частію употребляются на вонокуреніе, а частію отпускаются въ торговлю. При винокуреніяхъ по скудости тучныхъ паствъ, выкармливается множество скота, который доставляется на продоволь-

ствіе столицъ и отгоняется въ заграничныя мѣста. При винокуреніяхъ въ неурожаѣ травъ, прокармливаются чрезъ зимнее время и и хозяйственные лошади. Продолженіемъ въ разныхъ мѣстахъ и отъ разныхъ дворянъ винокуренія занимается множество людей работою, безъ которой не въ состояніи бы они были не токмо платить государственныхъ податей, но ниже достать себѣ надежной пищи и покрова; ибо безъ винокуренія частныхъ владѣльцовъ хлѣбопашество вовсе умалится по ненадобности толикаго количества хлѣба и по неимѣнію судоходныхъ рѣкъ къ отпуску онаго не токмо въ Малой Россіи, но и въ многихъ прикосновенныхъ хлѣбороднѣйшихъ губерніяхъ, которые по неимѣнію таковыхъ же рѣкъ имѣютъ великій и единый торгъ хлѣба въ Малороссію; промыслъ винокуренія продажи оптомъ и въ раздробъ, яко право и преимущество дворянства малороссійскаго, хранимо всегда царствующими помазанниками свято и ея императорское величество блаженныя и вѣчнодостойныя памети государиня императрица Екатерина Вторая непоколебимость сего права въ деревняхъ и хуторахъ дворянскихъ высочайше утвердить соизволила, изъемля въ томъ всякое ограниченіе; но въ прошедшемъ маіѣ мѣсяцѣ сего года, малороссійское губерн.кое правленіе указомъ своимъ, по указу правительствующаго сената послѣдовавшему, по предложенію бывшаго г-на генералъ-прокурора Оболянинова, обнародовало строжайшее запрещеніе, чтобы горячаго вина продажи не имѣть русскимъ людямъ на 150 верстъ отъ границъ прикосновенныхъ губерній и угрожаетъ дворянъ такову продажу попущающихъ, судить яко корчемниковъ и ослушниковъ, тутъ, гдѣ по правамъ и еще вящше тѣхъ, по особенной къ малороссійскому дворянству всевысочайшей милости, существуетъ вмѣстѣ съ вольнымъ винокуреніемъ и вольная продажа безъ разбору состоянія покупщика, не можетъ быть терпимо и одно имя корчемника, понеже преступленіе сіе относилось бы къ тѣмъ единственно, кои ввозятъ запрещенное въ мѣсто запрещенное, чего смѣть дерзнуть никто изъ малороссійскихъ дворянъ не возможетъ, опасаясь кромѣ законнаго сужденія и отъ своей собратіи по всемилостивѣйшей грамотѣ дворянству жалованной нетерпимости. Збереженіе въ подрывѣ винной продажи тамъ, гдѣ она запрещена, зависитъ главнѣйше отъ наблюденія содержащаго откупъ и отъ учрежденной земской полиціи. По симъ столь важнымъ обстоятельствамъ у государя императора просить всемилостивѣйшаго его подтвержденія правъ свободнаго винокуренія дворянамъ въ ихъ имѣніяхъ свободной вина оптомъ и въ раздробъ

въ Малой Россіи продажи и объ отставленіи указа правительствующаго сената вышеизясненнаго, понеже существо сего различаетъ права и преимущества между дворянами равными во всемъ въ правахъ и вольностяхъ всемилостивѣйше всему здѣшнему краю равно пожалованныхъ.

4.

Блаженной и вѣчной славы достойныя памяти государини императрицы Екатерины Вторыя, въ именномъ ея высочайшемъ указѣ 1783 года маія въ 3 день данномъ, по 11-му пункту повелѣно: «по городамъ винную продажу устроить единственно въ пользу городовъ на содержаніе магистратовъ и на другіе городскіе публичные надобности», а по 12-му пункту объяснено, «что все сіе разумѣется о такихъ городахъ, кои никакому сумнѣнію и спору подлежать не могутъ, будучи составлены изъ жителей казеннаго вѣдомства и никому во владѣніе не отданы, и какъ во всѣхъ малороссійскихъ городахъ по разнымъ случаямъ состоятъ за дворянами и чиновными людьми дворы съ крестьянами и земли, то и предъоставлено генералъ-губернаторамъ пріобрѣсть оныя въ пользу городовъ покупкою или промѣномъ, дабы тѣмъ города очистить отъ всего имъ не свойственнаго и поелику дѣйствительно и сколько намъ извѣстно, почти всѣ города въ Малой Россіи населены домами помѣщиковъ и чиновныхъ людей, имѣющихъ въ самыхъ городахъ крестьянъ и около городовъ земли и угодьи иныя по высочайшимъ пожалованіямъ, а другія по благопреобрѣтеніямъ законами позволеннымъ и большею частію таковыхъ, коихъ одно имѣніе въ городѣ состоящее, составляетъ всю цѣлость ихъ состоянія, слѣдовательно и пропитаніе; а вышеупомянутый высочайшій и всемилостивѣйшій указъ остался безъ исполненія и города не очищены отъ несвойственнаго имъ ни покупкою, ни замѣною, но городскіе думы имѣвъ препорученность взять въ свое распоряженіе винную продажу въ пользу городовъ предъоставленную, заключенными съ откупщиками контрактами безъ изъятія помѣщиковъ и имъ принадлежащихъ имѣній, людей, и земель, отъемлютъ всю свободу и вольность живущихъ въ оныхъ пользоваться въ полной мѣрѣ собственностью своею, по всевысочайше дарованнымъ для дворянства правамъ и преимуществамъ, а послѣдствіемъ того открылись и многія споры и тяжбы, сугубое и крайнее разореніе живущимъ въ городахъ помѣщикамъ приносящія и вовся не свойственно узаконенію винной продажи въ малороссійскихъ городахъ употребляется по судамъ винной уставъ ни малѣйше до Малой Россіи не

касающійся, не для нея изданной, и малороссійскаго дворянства права и преимущества стѣсняющій. А всевысочайше жалованной дворянству грамоты по 24-му пункту узаконено: «да не дерзнетъ никто безъ суда и приговора въ силу законовъ судебныхъ мѣстъ, коимъ суды поручены, самовольно отобрать у благороднаго имѣніе или оное разорить». Что самое и вышеприписаннымъ указомъ предъостережено, дабы всякъ пользующійся въ городахъ имѣніемъ, удовлетворенъ былъ продажею или замѣною, но не исполнивши сего, запрещено въ полномъ распоряженіи пользоваться оными, слѣдовательно таковыя помѣщики или чиновные люди, которые кромѣ въ городѣ и близъ городовъ, нигдѣ болѣе имѣній не имѣютъ, пребываютъ въ крайнемъ притѣсненіи и разореніи. Во уваженіе чего и всеподданнѣйше отъ его величества государя императора просить на 12 пунктъ выше изъясненнаго высочайшаго указа подтвержденія, о очищеніи городовъ отъ всего несвойственнаго; а до того высочайшаго его величества милосердія, дабы всякъ могъ пользоваться имѣніемъ въ полной свободѣ, какъ кто къ лучшему своему пріобрѣтенію заблагоразсудитъ.

5.

Въ малороссійскихъ четырехъ повѣтахъ а имянно: черниговскомъ, стародубовскомъ, мглинскомъ и новгородско-сѣверскомъ вообще извѣстно, что люди естественно гораздо менѣе въ ростѣ противу иныхъ сей же губерніи, отъ чего при случающихся наборахъ рекрутъ, открывается безмѣрное затруднѣніе въ отисканіи годныхъ по единому ихъ росту, какъ въ казенныхъ, такъ въ помѣщичьихъ, въ каковой крайности просить государя императора для сихъ токмо четырехъ повѣтовъ всемилостивѣйшаго уваженія, въ умаленіи хотя малой пропорціи роста людѣй противу указнаго, при всѣхъ протчихъ на службу годныхъ способностяхъ.

6.

Государыня императрица блаженныя и достойныя памяти Екатерина Вторая при неищетныхъ ея высочайшихъ къ намъ милостяхъ, желая просвѣтить Малороссійское благородное юношество науками, дальнѣйшее щастіе и собственное добро ихъ составляющими, высочайшимъ указомъ 1786 года, апреля 23 дня изданнымъ, соблагоизволила въ Малой Россіи, въ губернскомъ городѣ Черниговѣ, назначить быть университету и на содержаніе того сумму денегъ; но симъ высочайшимъ къ намъ и нашему юношеству благотвореніемъ до селѣ не ощастливлены. Дворянское наше собраніе весьма нужнымъ пола-

гаетъ просить государя императора равно о пользахъ и выгодахъ вѣрныхъ его подданныхъ пекущагося, всемилостивѣйше подтвердить упомянутый высочайшій указъ, и ежели воспослѣдуетъ отеческое его воззрѣніе къ малороссійскому дворянству назначеніемъ университета и суммы на содержаніе его примѣрно другимъ, отъ казны его величества, то дворянское собраніе пріемлетъ на себя построеніе университета въ малороссійской губерніи изъ суммы отъ дворянъ же собранной и въ дворянской коммисіи сохраняемой.

Свѣдѣніе о картѣ Малороссіи полов. XVIII в., инженера Дебоскета. Изъ печатаемаго здѣсь «отношенія» генеральной канцеляріи къ черниговскому полковнику, видно, что въ полов. XVIII в. начато было составленіе подробной карты Малороссіи, но кончена не была эта карта и гдѣ она можетъ находиться—неизвѣстно.

«Высокоблагородній господинъ полковникъ чернѣговскій. Въ полученномъ въ генеральной войсковой канцеляріи отъ его ясневелможности высокоповелителного господина Малой Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ гетмана и разнихъ ординовъ кавалера ордеру, изображено: отъ фортифѣкаціи де полковникъ господинъ Дебоскетъ присланнимъ къ его ясневелможности доношеніемъ представилъ, что всей Малороссіи сочиняется нинѣ имъ, полковникомъ, генеральная карта и даби де оная карта во всемъ исправна и аккуратно сочинена была, для подлинной справки ведать потребно: какіе во всѣхъ десяти Малороссійскихъ полкахъ, реки и речки имѣются, откуда оніе вишли и где впали, и какое на оних реках и речкахъ, имѣется поселеніе, яко то: мѣстечка, села, деревнѣ, хутора, пасѣки, мелници, и протчіе знатніе урочища, такожъ границы отъ Великороссіи и Слободскихъ полковъ, и всякого малороссійского полку порознь по какихъ урочищахъ; и якоде его ясневелможности извѣстно что хотя имѣется въ генералной войсковой канцеляріи обо всей Малой Россіи генералная карта, однако оная не въ такомъ обстоятелствѣ учинена, какъ оной господинъ полковникъ Дебоскетъ требуетъ, ибо во оной всѣ реки и речки, такожъ и поселенія нѣкоторіе не показани. Для того онимъ его ясневелможности ордеромъ генералной войсковой канцеляріи велено—въ малороссійскіе полки предложить, дабы противъ вишшепоказанного господина полковника Дебоскета требованія учинени были по аккуратной виправки, обстоятелніе вѣдомости и оніе присланн бъ въ енералную канцелярію, а

изъ той генералной канцеляріи отправить ихъ къ упоминаемому полковнику; такожъ ежели кто изъ инжинерныхъ офицеровъ или кондукторовъ отъ упоминаемого полковника Дебоскета по каковой либо къ тому жъ надобности, посланъ будетъ, тобъ онимъ посланнымъ отъ него чинено бъ было отъ полковихъ канцелярій потребное къ тому вспоможеніе и во исполненіе оного его ясневелможности высокоповелителного ордера, по опредѣленію генералной войсковой канцеляріи какъ къ протчимъ господамъ полковникамъ предложено, такъ і вамъ чрезъ сіе предлагается, исполнить по тому повелителному его ясневелможности ордеру во всемъ непремено і въ самой скорости, противъ вишепоказанного господина полковника Дебоскета требованія учинить по аккуратной выправки обстоятелніе вѣдамости—какіе въ полку вашемъ реки и речки імѣются, откуда оніе вишли и где впали и какое на оних реках и речкахъ имѣется поселеніе, яко то местечка села, деревнѣ, хутора, пасѣки, мелницѣ и протчіе знатніе урочища, такожъ границѣ отъ Великороссіи і Слободскихъ полковъ порознь по какимъ урочищамъ, и оніе вѣдомости прислать въ генералную канцелярію для отправленія ихъ къ оному полковнику; тако жъ ежели кто изъ инжинерныхъ офицеровъ или кондукторовъ отъ него полковника Дебоскетъ по каковой либо по тому жъ надобности посланъ будетъ, то онимъ посланнимъ отъ него, чинить отъ полковихъ канцелярій потребное къ тому вспоможеніе, за силу того повелителного его ясневелможности ордера. Вашего высокоблагородія доброжелателній слуга Яковъ Якубовичъ. 1754 году марта 14 дня».

«По слушаніи сего ордера, въ полковой чернѣговской канцеляріи опредѣлено: во всѣ полку чернѣговского сотнѣ о учиненіи въ силѣ оного генералной канцеляріи повелѣнія по аккуратной виправки въ тѣхъ сотняхъ обстоятелнихъ вѣдомостей и о присилки онихъ въ полковую канцелярію въ немедленномъ времени, чрезъ ордери предложить, и егда такови вѣдомости отъ сотень прислани всѣ будутъ, тогда съ онихъ полковую вѣдомость во обстоятелствѣ сочинивъ, отправить въ генералную войсковую канцелярію при рапортѣ немедленно. Хоружій Григоровичъ».

Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. Въ дополненіе къ цѣлому ряду фактовъ, касающихся похоронныхъ обрядовъ и повѣрій въ Малороссіи, напечатанныхъ какъ въ разныхъ этнографическихъ

матеріалахъ, такъ и приведенныхъ разновременно на страницахъ «Кіевской Старины» предлагаемъ еще нѣсколько данныхъ, сообщенныхъ въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ нашими сотрудниками.

I.

Во время агоніи присутствующіе «души досмотряють», молятся «на схидъ души»: «Господи, прийми душу до власти, прийми душу до власти—у царствіи гриховъ уменши!» (с. Дружковка, бахмут. у. и с. Шебекино, бѣлгород. у.).

Помимо этого въ Шебекинѣ на умирающаго принято класть «винчаный рушникъ та платокъ» — «якъ же то швидко вмре—не буде мучиться, якъ кому Богъ дасть пиднятись то пиднымиться».

Въ с. Лебединѣ (чигирин. у.) во время агоніи, кромѣ помянутыхъ въ предъидущей замѣткѣ средствъ, прибѣгаютъ къ срыванію «стели»:— «одривають стелину або дви» —для облегченія выхода души.

Считается приличнымъ сидѣть у тѣла умершаго— «надъ тиломъ сидити—якъ у Божому дому простоять» (Дружковка).

Если «мертвець дивиться» т. е. глаза его полуоткрыты, то еще кто нибудь въ семьѣ умретъ— «непреминно ще кого видивиться зъ хаты» —почему и стараются скорѣе закрыть глаза умершему (Лебединъ).

Во время пребыванія покойника въ хатѣ «смиття» не выносятъ; когда же тѣло унесутъ, выносятъ соръ и посыпаютъ «лавы» житомъ (Дружковка).

Ставятъ «хто воду, хто медъ—душа прибига, чи анголъ прилетить—наче, кажуть, душа—та води, кажуть, напьеться» (Шебекино); эта вода стоитъ до шести недѣль (с. Миколаевка, волчанск. у.).

Если свадьба встрѣтитъ «мерцвя» то «життя вже не буде!» (Лебединъ).

Существуетъ убѣжденіе, что перешедшій дорогу похоронной процессіи покрывается чирьями; эти чирьи выжигаются раскаленнымъ желѣзомъ; безъ этого подвергнувшемуся имъ угрожаетъ смерть (Богородичное, изюмск. у., харьк. губ., записано отъ больной такими чирьями на дружковск. сах. заводѣ).

По приходѣ съ кладбища принято браться «за коменъ» (Лебединъ, Шебекино, Миколаевка).

У могилы сильно убивающимся по покойнику засыпаютъ «за комиръ земли» — «щобъ не було досади, щобъ скорише забути» (Лебединъ, Шебекино, Миколаевка) [1]).

[1]) Ср. у Сумцова, Культурныя пережив. „Кіев. Ст.“ 90. I, 73.

Возвратясь изъ кладбища, обыкновенно садятся, «псальми спивають, прочи хорошыи речи разговарюють—души ждуть (Дружковка).

Подушку, которую кладутъ подъ голову мертвеца, набиваютъ сѣномъ или васильками (Шебекино).

Думаютъ, что евреи «придушують, додавлюють «мучащихся передъ смертью»; я и толку добилася», заявила разсказчица—«щобъ не перехрестилося—бо ще мучиться, мучиться, тай перехреститься!» (нужно понимать—не вынесши страданій, для облегченія ихъ. Лебединъ).

Женщинамъ обматываютъ ноги тряпками—«по митарству ходитиме—щобъ ноги не попекти»; приводится разсказъ—какъ на одну замершую дѣвушку надѣли чулки, подаренные ей покойницей барыней; очнувшись, замиравшая сообщила о томъ, какъ барыня «зняла зъ неи ти чулки» и она должна была ходить босой (Дружковка).

Въ прежней замѣткѣ мы привели описаніе обряда погребенія дѣвушки въ Лебединѣ; приводимъ таковое для Шебекина. «Убрали, юпку кумачову надили, у дви коси заплели и дружку повязали; квитками уквитчали; подарки давали мужикамъ и дивчатамъ; дивчата несли іи—хустками поперевязувани; на ногахъ панчохи (якъ богатый вмре—изъ плису шьють); одного хлопця перевязують хусткою (перевязанный хусткою изображаетъ собою жениха умершей) (Шебекино).

Умершихъ некрещенныхъ дѣтей предпочитаютъ хоронить у порога хаты въ томъ убѣжденіи, что эти дѣти современемъ «вихрещуються»—«де ногами ходимо то хрестъ робимо» (Дружковка); хоронятъ дѣтей обыкновенно въ садахъ (Лебединъ).

Надъ умершими голосятъ; обыкновенно это высокопоэтическія проявленія скорби; «голосиння», впрочемъ, необязательно и практикуется оно въ зависимости отъ того «якъ у кого яка удаль».

Приводимъ плачъ надъ умершей матерью: «ненько моя, матинко, родителько! та на щожъ ти мене несчастну спородила, на свитъ божій пустила? Чомъ ти мене маненькою не прикопала, сирою землею не всипала—щобъ я не жила и не горювала, чужимъ людямъ не годила; на щожъ ти мени такую несчастну, гирку долю вдилила...? (Миколаевка).

Украинскій народъ высоко цѣнитъ страданіе матери при родахъ; человѣкъ только что родившійся считается уже «великимъ гришникомъ» потому что «мати родила и кровъ проливала»; грѣшенъ онъ даже въ томъ случаѣ если «зъ вечера уродився, о пивночи хрестився, до свита вмеръ и поховали» [1]).

---

[1]) „Кіев. Старин.", 83, XI, 174.

Тотъ же взглядъ проявляется и въ воззрѣніи на участь въ загробной жизни родившей. Участь беременной женщины, умершей до родовъ и во время родовъ- различна; умершая до родовъ будетъ мучиться «ажъ до страшного суду»; та же, которая умретъ послѣ того какъ «Господь распроста», «Богъ обрятуе», считается великомученицей и попадаетъ въ царствіе небесное.

Уже за шесть недѣль до родовъ «земля разступаеться де ій (родящей) полягать (въ случаѣ смерти)—помре—ій земля вже готова!» (Дружковка отъ Степаниды Кошовой 80-ти лѣтъ).

Вѣдьма и упырь, умирая, страшно страдаютъ — агонія можетъ продолжаться до трехъ недѣль; разсказчица приводитъ случай, при которомъ она лично присутствовала; умирала вѣдьма— «така що богато чужого займала»; она была вся нежива, только въ груди колотилось; разсказчица ночевала при ней двѣ ночи, потомъ отъ страху отказалась; приходитъ къ ней женщина—тоже вѣдьма—и даетъ ей совѣты—отперетъ «скрини» въ хатѣ умирающей; разсказчица посовѣтовала это сдѣлать дѣтямъ вѣдьмы; какъ только отперли замки у сундуковъ тотчасъ душа оставила тѣло; у вѣдьмы уже лежали подъ плечемъ—сковорода и серпъ, но они, какъ видно, не помогли; разсказчица обмывала умершую и съ насмѣшкою показывала собравшимся при этомъ—хвостикъ; обмывши, положили вѣдьму на столъ «а вона и обмаралась якъ зъ ружжи»; давай снова скидать рубаху, обмывать; на вопросъ о причинѣ послѣдняго обстоятельства разсказчица замѣтила: — «та хиба жъ то вона?—то лыха тварь!» Это же обстоятельство имѣло мѣсто и при смерти упыря— «видьмака надъ видьмаками»; пришлось бороться съ помощью «клоччи» (Дружковка).

Послѣ того какъ душа оставляетъ тѣло, въ послѣднее вселяется «нечистая сила», «лиха тварь» и въ образѣ мертваго можетъ производить различныя дѣйствія; мертвецы одухотворенные «силою» ходятъ и посѣщаютъ людей; умершая женщина «якъ иде ажъ шумить намиткою—тильки: шу-шу!» (Лебединъ).

Та ночь, въ которую не поютъ пѣтухи, считается нечистой; въ такую ночь бродятъ вѣшальники, утопленники и «мерци» (Лебединъ).

Разсказчица изъ Дружковки увѣряетъ, что теперь мертвецы не ходятъ, потому что ихъ при погребеніи запечатываютъ; но въ дѣтствѣ лично видала ходившаго покойника.

А вотъ еще разсказъ. Шелъ дорогой человѣкъ; смерклось; онъ прилегъ въ сторонѣ отъ дороги на могилкѣ и задремалъ; ночью выходитъ изъ могилы мертвецъ. «Ходимъ зо мною!» Приводитъ че-

ловѣка въ Дружковку къ одной изъ хатъ; а тамъ «колотнеча»; понапивались пьяными и дерутся; мертвецъ набираетъ съ полу крови «въ кобилячу голову» и даетъ выпить путнику; тотъ, испугавщись, не знаетъ что дѣлать; далѣе, смотря на мертвеца, онъ будто бы пьетъ, а самъ выливаетъ кровь себѣ за рубаху. «Ходимъ дали!»; приходатъ къ сосѣдней хатѣ, но войти не могутъ, такъ какъ окна «зааминёвани»; пошли къ могилѣ; въ это время запѣли пѣтухи, мертвецъ такъ и «загувъ». Утромъ человѣкъ отправился въ волость и заявилъ о случившемся; вся рубаха его была въ крови; по наведеннымъ справкамъ оказалось, что дѣйствительно въ такой то хатѣ быладрака и кровопролитіе; откопали могилу и нашли въ ней мертвеца лежащимъ навзничь; тотчасъ вбили ему «въ потилицю» осиновый колъ— «кровъ такъ и бризнула!» (Дружковка) [1]).

«Нечистая сила», вселившись въ покойника, можетъ проявлять себя въ видѣ вихря, урагана. «Умерла одна баба—взяли у насъ рушники (семья разсказчицы живетъ у кладбища); та впустили рушники у яму тай забулися объ ихъ; батько оглядились—де ти рушники? лають батько, що немае рушникивъ; а мы—що робыть? съ сестрою за лопаты; давай откопувать ту бабу; наровици зъ дви земли виверпули; якъ узяли тягнуть — повитягали... прыйшли до дому де й взявсь вихоръ; якъ почавъ, якъ почавъ крутить! всю солому обдеръ, чуть хаты не перевернувъ!» (Лебединъ).

Дѣти въ играхъ, подражая явленіямъ обыденной жизни, часто имѣютъ склонность играть въ похороны; «матирки» такую игру строго воспрещаютъ.

На бурачныхъ плантаціяхъ бѣлгородскаго уѣзда очень популярна игра «въ мертвеця». Окончивши «урокъ» раньше положеннаго срока, дѣвушки собираются въ одно мѣсто; одна, посмѣлѣй, ложится, складываетъ руки, закрываетъ глаза; ее «квитчають» полевыми цвѣтами или просто бурьяномъ и начинаютъ «голосить»; «голосиння» продолжается до тѣхъ поръ, пока рыданіе и взыванія въ шутку не переходятъ въ настоящій плачъ—до того нервно настраивается толпа играющихъ; мнимый «мертвецъ» въ это время сохраняетъ полную серьезность (Шебекино).

Въ заключеніе приведемъ довольно рѣдкую пѣсню, характеризующую нравственныя отношенія въ украинской семьѣ и интересную для насъ въ данномъ случаѣ по погребальнымъ элементамъ въ ней упомянутымъ.

[1]) Ср. у Сумцова Культ. пережив. „Кіев. Старина“, 90 г. I, 64.

Ой поихавъ милий у дорогу,
Та покинувъ милу нездорову;
Поки милий прыихавъ изъ Гилу,
А вже его милу нарядили,
Червоною китайкою руки покрили,
А изъ кедрини труну зробили,
Високую могилу насипали,
Червону калину посадили,
Дорогимъ каминнямъ обложили.
Ой прыихавъ милий изъ Гилу до дому,
Ажъ нема его миленькои вже;
Та поихавъ милий до долини,
Привязавъ коня до калини,
Та припадавъ до могили:
«А ти, сирая земле, розсипся,
А ти, червоная калина, росхилися,
А ти, дорогий каменю, роскотися,
А ти, скедриная труно, розійдися,
А ти, милая, обизвися,
Чи позволишь мени ожениться»?
— «Оженись, мій милий, оженись,
Та возьми, милий жинку добру,
А щобъ вона тебе почитала,
А щобъ вона твоихъ дитокъ жалувала».

(Зап. въ 1884 г. въ Лебединѣ чигиринскаго у. „Гила", по мнѣнію пѣвшей,— названіе города).

М. К. Васильевъ.

II.

Въ с. Краснопольѣ—въ 10 верстахъ отъ Коропа—существуетъ такой обычай. Проводивъ покойника на кладбище, всѣ участники похоронной процессіи возвращаются въ домъ покойника на поминальный обѣдъ. Послѣ обѣда моютъ всю посуду, бывшую въ употребленіи на этомъ обѣдѣ,—горшки, миски, ложки, также столъ, за которымъ обѣдали, всѣ помои сливаютъ въ горшокъ, хозяйка относитъ ихъ на кладбище и выливаетъ на свѣжую могилу, а горшокъ разбиваетъ.

Что касается монеты, то иногда ее вкладываютъ въ ротъ покойнику за лѣвую щеку, а иногда завязываютъ въ платокъ и кладутъ за пазуху, тоже съ лѣвой стороны. Относительно цѣли этого обряда

я тамъ слышалъ (впрочемъ отъ лица грамотнаго) буквальное повтореніе классическаго вѣрованія, что она нужна для уплаты за переѣздъ черезъ рѣку на паромѣ.

Могилу роютъ чаще такъ, что на уровнѣ дна ея дѣлаютъ нишу, въ которую всовываютъ гробъ.

Одного общаго для всего села кладбища тамъ нѣтъ, а хоронятъ въ усадьбахъ «въ садку», а у кого садка нѣтъ, то просятся «у сусиде».

В. К.

Проектъ церемоніала, предполагавшагося при закладкѣ зданій университета св. Владиміра въ октябрѣ 1835 г. Какъ извѣстно, въ октябрѣ 1835 года было не только предположено приступить къ закладкѣ зданія университета св. Владиміра, но даже все уже было приготовлено къ торжеству этой закладки самимъ императоромъ Николаемъ, котораго со дня на день ожидали въ Кіевѣ. Несмотря на то, что все уже было приготовлено, какъ-то: камни для закладки, медали, нарочно на сей случай отчеканенныя на монетномъ дворѣ, и пр.,—однако Николай не пожелалъ совершить этого торжества по причинамъ, указаннымъ въ «Исторіи университета св. Владиміра, т. I» Владимірскаго-Буданова, а также въ «Письмахъ о Кіевѣ» Максимовича[1]). А между тѣмъ до такой степени всѣ ожидали этого, что былъ даже выработанъ проектъ церемоніала сего торжества, сохранившійся въ бумагахъ тогдашняго ректора университета М. Максимовича въ подлинномъ видѣ. Судя по помѣткамъ на немъ, можно думать, что онъ 5 октября представленъ былъ попечителю округа фонъ Брадке, а 25 октября, послѣ неудавшагося торжества, возвращенъ ректору.

Думаемъ, что въ пополненіе къ изданной уже исторіи университета св. Владиміра и это будетъ не лишняя страничка, а потому приводимъ этотъ проектъ церемоніала цѣликомъ.

1) Въ день закладки, по назначенію времени отъ Его Императорскаго Величества, совершена будетъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ литургія въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, при коей будутъ присутствовать члены и воспитанники университета св. Владиміра и кіевскихъ учебныхъ заведеній.

2) Послѣ литургіи произведенъ будетъ изъ собора крестный ходъ съ иконами съ хоругвями, при колокольномъ звонѣ въ сопро-

---

[1]) Стр. 288—292.

вожденій всѣхъ учебныхъ заведеній въ учрежденномъ для сего порядкѣ, до мѣста, Высочайше утвержденнаго для построенія зданія университета.

3) На Высочайше утвержденномъ мѣстѣ для университета отпѣтъ будетъ молебенъ съ водоосвященіемъ.

4) По окропленіи мѣста и каменьевъ, предназначенныхъ для закладки, святою водою, поднесены будутъ Его Императорскому Величеству одна платиновая медаль, на сей случай въ с.-петербургскомъ монетномъ дворѣ, по Высочайше утвержденному проекту, выбитая, одна мѣдная доска и находящіяся нынѣ въ обращеніи новѣйшей чеканки монеты: платиновыя, золотыя и серебряныя, какъ равно и закладные каменья; послѣ того поднесены будутъ Его Императорск. Величеству и знатнѣйшимъ особамъ медали, на сей случай въ с.-петербургскомъ монетномъ дворѣ по Высочайше утвержденному проекту выбитыя.

5) По окончаніи закладки провозглашено будетъ многолѣтіе Его Императорскому Величеству со всѣмъ Августѣйшимъ домомъ, и крестный ходъ возвратится въ соборъ при колокольномъ звонѣ.

6) Учебныя заведенія будутъ слѣдовать въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Кіево-Подольское уѣздное училище.

2) Кіевская губернская гимназія.

3) Конвиктъ бѣдныхъ дворянъ и училище землемѣровъ.

4) Благородный пансіонъ кіевской гимназіи.

5) Студенты университета св. Владиміра съ инспекторомъ студентовъ и его помощникомъ.

6) Ректоръ, преподаватели и чиновники университета св. Владиміра.

Сообщ. В. Науменко.

Изъ народныхъ разсказовъ, характеризующихъ націоанальные типы. Въ малорусскихъ народныхъ произведеніяхъ мы не разъ наталкиваемся на такія, которыя, въ той или иной формѣ, въ томъ или иномъ направленіи, даютъ характеристику разныхъ національныхъ типовъ; при чемъ многія изъ такихъ характеристикъ, какъ и слѣдовало ожидать, при параллельномъ освѣщеніи разныхъ націй, отдаютъ полное предпочтеніе своему родному типу, ставя его и по уму, и по нравственнымъ достоинствамъ выше остальныхъ. Но способность юмористической самокритики заставляетъ народъ иногда уклониться отъ

этой нормы и освѣтить родной типъ далеко не радужными красками. Много такихъ разсказовъ помѣщено уже въ разныхъ этнографическихъ матеріалахъ (см. наприм., «Малорус. народ. предан. и разсказы», М. Драгоманова, стр. 125, 190, 193, 194, 195 и др.).

Помѣщаемъ теперь два коротенькихъ разсказа, сообщенные И. Ф. Бѣньковскимъ, изъ которыхъ одинъ, записанный въ ровенскомъ уѣздѣ, украинскаго простолюдина ставитъ на послѣднемъ мѣстѣ, а другой, не датированный мѣстностью, наоборотъ—на первомъ.

I.

«Отто якъ жыды взялы Ісуса Хрыста въ Гефсыманьскимъ садочку—то повелы его перше всего туды де стоялы ляхи. А йіденъ изъ ныхъ (ляхивъ) и каже: «выдыбъемъ нашого Спасытеля».—А Ісусъ Хрыстосъ и рече имъ: «за таке ваше щыре серце дамъ вамъ, диткы, таку мицъ—що вы будете воюваты завше».—И правда—що ляхъ—то вояка.

Потимъ повелы жыды І. Хрыста—де стоялы нимци[1]); йіденъ з ныхъ и каже: «видкупымъ нашого Спасытеля».—А Спасытель до ныхъ и каже: «за таку вашу щыристь—дамъ вамъ таку мицъ—що вы будете купуваты—покы вашого жыття.»—Що нимець—то купецъ!

На решти повелы жыды Спасытеля де наши мужики—сирякы пидъ корчмою стоялы—медъ, горилку попывалы. Йіденъ въ ныхъ и каже: видкрадемо нашого Спасытеля.—А Спасытель имъ и рече: «за таку вашу щыристь, дамъ вамъ, диткы, таку мицъ,—що вы будете красты—поки вашого життя».—И правда: що мужыкъ—то злодій!

(Записано въ ровенскомъ уѣздѣ, волын. губ.).

II.

Разъ захотивъ чортъ сотворыты подобного соби. Взявъ винъ накыдавъ въ котелъ, въ смолу разного зилля и ставъ варыты.

Варывъ—варывъ—попробовавъ сотворыты подобнаго соби—и выйшовъ мужыкъ.

«Недоварывъ» —каже самъ до себе чортъ и зновъ ставъ варыты.

Варывъ—варывъ—попробовавъ—и выйшовъ—ляхъ.

«Ще недоварывъ» —каже чортъ и зновъ ставъ варыты.

Варывъ—варывъ—зновъ попробовавъ—выйшовъ нимецъ.

---

[1]) Подъ „нѣмцемъ"—нашъ крестьянинъ разумѣетъ вообще всякаго иностранца:—англичанина, француза и т. п.

«Ще чуточку не доварывъ»—и почавъ зновъ варыты.

Зновъ попробовавъ—и выйшовъ татарынъ.

Отъ-отъ ище капельку—и буде якъ разъ подобный на мене—и давай дали варыты.

Нарешти попробовавъ ще разъ,—вже остатній—выйшовъ жыдъ.

«Переварывъ»—крыкнувъ чортъ; це вже выйшовъ хитрійшый и мудрійшый видъ мене,—вже передавъ. Або-жъ неправда: жыдъ хитрійшый и мудрійшый видъ самого чорта: Винъ самого чорта проведе, обмане.

По другому варіанту переваренным оказался «нимець» а «жидъ» чуточку недовареннымъ.

Сообщ. **Ив. Бѣньковскій.**

Разсказъ о происхожденіи табаку. Въ вагонѣ желѣзной дороги мнѣ удалось подслушать новый и совершенно оригинальный по содержанію, предлагаемый здѣсь, разсказъ о происхожденіи табаку.

Сѣдой дидъ, окруженный пятью или шестью случайными дорожными знакомцами, «съ повагомъ», важно ведетъ бесѣду и разсказываетъ что-то видимо интересное, судя по всецѣло овладѣвшему всѣми слушателями вниманію, старавшимися не проронить ни одного слова. Бесѣда замѣтно началась давно и все въ духѣ нравоучительно-религіозномъ. Настала пауза, разсказъ оконченъ. Разскащикъ замолкъ и застылъ въ раздуміи, упершись подбородкомъ на палку, которую все время держалъ въ рукахъ, и полузакрывъ глаза, какъ бы задремалъ отъ усталости. Слушатели, находясь подъ сильнымъ впечатлѣніемъ только что слышаннаго, тоже молчатъ, каждый самъ про себя что то обдумывая. Такъ прошло минутъ пять. Сидѣвшій рядомъ съ дидомъ молодой парень первый пришелъ въ движеніе. Вынулъ изъ кармана кисетъ съ табакомъ, развязалъ его, досталъ оттуда сильно скомканную давно прошедшихъ годовъ исписанную толстую писчую бумагу, сильно испачканную чѣмъ то сальнымъ и, дѣлая изъ нея традиціонную цигарку, тяжело, во всю грудь, вздохнулъ и проговорилъ, ни къ кому не обращаясь, а какъ бы въ раздумьи, относясь лично самъ къ себѣ: «Ось и це, кажуть тежь грихъ, та ще й не абы якый малый»? Взоры всѣхъ остальныхъ, какъ по командѣ, вопросительно обратились на дида, въ надеждѣ сейчасъ же услышать его авторитетное, по поводу этого, мнѣніе, при томъ, можетъ быть, подтвержденное, какъ доказательствомъ, какимъ нибудь, вродѣ предыдущаго, разсказомъ. И дѣй-

ствительно, они не ошиблись. Дидъ долго себя ждать не заставилъ и, какъ бы подчиняясь общему молчаливому желанію, оживился, поднялъ голову, обвелъ всѣхъ глазами и съ какою то торжественною ноткою въ голосѣ рѣзко и громко проговорилъ: и, нема у цему а ни гриха, а ни спасенія. Сказалъ и замолкъ, снова понуривъ голову, какъ бы собираясь съ мыслями.—А чому такъ, такъ ось черезъ що: Бачь, кажуть грихъ й кажуть ти, шо ничого не знають. Чулы воны, шо шось, хтось, десь дзвонывъ, але хто й де—имъ це й байдуже. А було воно ось якъ: У давну давныну, ще далеко не запамьятку не то що батькивъ, або дидивъ нашыхъ, але й прадидивъ, царювавъ десь у якійсь земли царь Давыдъ. Бувъ у его одынъ однымъ сынъ на ймення... отъ и забувъ... це лыхо, й памьятавъ, кажу, а теперь забувъ! Якесь чуже. Опосля може нагадаю, то скажу. Була ще у того царя Давыда, промижъ инчою челядью, дивка, царици вона услугувала, та така съ себе гарна, така брава, така краля, шо й не сказаты. Кращои надъ неи не було у всимъ царстви тимъ, ни мижъ панами, а ни мижъ мужыкамы Не дыво жъ, що въ неи й вкохався отой, шо казавъ царевычъ, Давыдивъ сынъ. Эге, вкохався, та й удравъ погану штуку, якъ самы здорови заразъ побачыте. Занедужавъ ото парубокъ. А й хвористь то була не справдишня, а зъ хытрощамы. Заслабивъ такъ, шо й зъ кимнаты не выходе. Не сыла, каже, й ногамы двыгаты. Нема мочи й порога переступыты. Такъ, то й такъ. Прыйшовъ такый часъ, шо обидаты Звуть й его, звычайно до гурту. Каже, ни чого не хочу, не навернусь до стравы. Не йде. Почувъ таке батько Давыдъ и каже своій жинци, царыци:—ты бъ, стара, видислала бъ сынови хочь бы печене яблучко; може бъ винъ зъивъ легенького за для трунку й солоденького, смачненького, бо не можно, хочъ й хворому, буты безъ нiякои стравы, бо здоровый, та й то охляне, а винъ и подавну. Послухалась та. Вволыла его волю й заразъ заходылась, спрягла двойко яблучкивъ, поклала ихъ на срибну тарилочку и, покликавши ту красуню, звелила iй виднесты те до сына. Понесла та. Царевычъ, одержавшы яблучкы, звеливъ iй дожыдаты, покы поисть, шобъ, бачь, тоди посуду взяла, а самъ тымъ часомъ поклыкавъ вартового москаля, шо повынно стоять воны биля царьськыхъ дверей й давъ ему прыказъ найпильнiйше стерегты двери и ни кого, а ни якымъ побытомъ, не пускаты до его, та тоди й нумо съ тiею дивчиною женыхаться. Оттаке то! Черезъ яку годыну выбигла дивка видтиля плачучи й тужучи на ввесь двиръ й прямисинько майнула до царя Давыда жалуваться. Выслухавъ еи тай й жалiючи

сина свого, бо у старовыну хочь не такъ було, якъ сего часу, але, якъ ось бачетымете, й жысты ришалы, й каже й велыть, шобъ вона мовчала й никому не казала, а винъ вже еи нагородыть й гришмы й усимъ. Боявсь, бачь, бильшъ вогню, тихъ суддивъ, шобъ воны, не дай Боже, не дизнались, бо ти таки, шо не подывляться, шо винъ царськый сынъ, а потягнуть судыты. Скажуть законъ, то проты цего й самъ царь ничого не вдіе. Шо не робывъ Давыдъ, якъ не приказувавъ, шобъ вси мовчалы, а ничого не вдіявъ. Чого боявся те й выйшло; бо якъ бы одынъ, або два зналы, то воно може бъ й тее, а то хиба ихъ мало було тыхъ, шо бачылы, якъ дивка зъ розскусьдженымъ волоссьямъ, та плачучи видъ царевича бигла; заразъ втямылы, шо воно це за ричь й розблаговистылы по усихъ усюдахъ. Языкъ, мовлявъ, безъ костей. Дійшло таки дило й до суддивъ. Дизналысь такы ти й заразъ зрадилы. Давай его, кажуть, сюды! будымо судыты; й потяглы. Судылы отто, судылы й прысудылы видтяты ему голову, бо вына, бачь, велыка. Поцимъ скаралы й поховалы за городомъ на степу, наче, якого розбышаку. Шо жъ вы думаете? Зробылась писля цего та дивка, якъ несамовыта. Плаче, туже. Й день плаче, й ничъ плаче. Ничого зъ нею й не зроблють. Ничимъ еи й не заспокоють. Бачь врозыло еи велме те, шо черезъ неи, та згубылы чоловика, та ще й не абы якого, а царського сына. Тильки на свитъ начне благословляться, то вона вже й чимчикуе за городъ на могылку. Упаде пластомъ на неи й тужыть й розлываеться, ажъ обаполо луною розлагаеться. Плаче, кажу, та просе все его, шобъ простывъ еи, а слезы ти съ очей, якъ зъ джерела, такъ и капотять и льються на землю. Полыва имы вона що дня ту могылку. Видтого й выросло тамъ зиллье, таке гарне, зелене, высоке, та кучеряве, якъ капуста. Дивчина тоди й моле Бога: Господы, каже, колы ты й винъ мене простылы за мою выну, шо вона мене даве, то зробы такъ, шобъ це зиллье, котре выросло зъ моихъ слизъ, полюбылы уси люди всего свиту. Звернувъ увагу Господь на іи цю молытву й зробывъ такъ, якъ вона прохала й покохалы его уси люды, яки ни на есть на земли. Ось якъ воно було! А черезъ що пишла така назва цему зилльеви, такъ ось черезъ що: Була у тіеи дивчыны маненька собачка—цуцыкъ, ось зъ тыхъ, якъ й теперь воны у панивъ у горныцяхъ бувають. Бигала вона усюды за нею. Було, куды не йде вона, то й цуцыкъ туды слидкуе. Оттакъ и на могылку еи не покыдало. Якъ выросло жь те зиллье, то цуцыкъ забижыть у его й вовтузыться тамъ й товче его. А дивчина було й прогоня его все видтиля, шобъ

не шкодыло и поцимъ на его:—тю,-тю,-тю,-тю,-тю,-тю, крычыть. Ось через що й пишла тютюномъ ця трава зваться. Бачъ якъ! Адже жъ такъ!? обратился дидъ къ слушателямъ и не получивши никакого отвѣта, ни подтвержденія, ни отрицанія, а одно упорное молчаніе, успокоился и продолжалъ:—отъ теперь й разсудить самы, чи воно грихъ, чи ни! Нема ніякого а ни гриха, а ни спасенія!

А. Катрухинъ.

Некрологъ. 31 іюля редакція «Кіевской Старины» понесла тяжелую потерю: скоропостижно скончался одинъ изъ давнихъ сотрудниковъ нашего журнала *Иванъ Петровичъ Новицкій*. При большихъ дарованіяхъ и массѣ знаній, покойный въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати пяти лѣтней литературной дѣятельности посвящалъ свои силы изслѣдованію прошлой и современной жизни южной Руси. Біографическія свѣдѣнія о покойномъ и обзоръ его работъ мы постараемся дать въ ближайшей книжкѣ нашего журнала.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ф. Щербина. Земельная община кубанскихъ козаковъ. (Воронежъ, 1889). Стр. 207. Цѣна 1 р.

Мы имѣли уже случай отмѣтить прекрасную работу г. Щербины по исторіи кубанскаго козачьяго войска («Кіевская Старина» 1890 г.) и выразить желаніе, чтобы автору удалось болѣе детальнымъ образомъ ознакомить читающій міръ съ характеромъ экономическаго быта войска: настоящій трудъ г. Щербины какъ нельзя лучше удовлетворяетъ такому естественному желанію и при томъ въ сферѣ наиболѣе важной для народной экономіи. Книга даетъ болѣе, нежели обѣщаетъ ея заглавіе. Авторъ не только характеризуетъ порядки пользованія общинными козачьими угодьями, но кромѣ того предлагаетъ читателю весьма тщательно составленные очерки естественныхъ особенностей и колонизаціи края, развитія козачьяго землевладѣнія вообще, характеризуетъ дѣятельность станичныхъ обществъ и сходовъ, обрисовываетъ порядки пользованія общинными водами и войсковаго рыболовства. Всѣ свои выводы г. Щербина основываетъ на лично имъ добытыхъ въ 1879 и 1880 г. матеріалахъ, огромная часть которыхъ до настоящаго времени еще не была опубликована. Для трактуемаго предмета книга г. Щербины имѣетъ такое же значеніе, какъ спеціальныя работы г. Соколовскаго и г-жи Ефименко для исторіи общиннаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи. То обстоятельство, что изслѣдователю приходилось имѣть дѣло съ явленіемъ, развивавшимся на протяженіи не болѣе одного столѣтія, нисколько не умаляетъ заслуги автора, снабдившаго свои заключенія внушительной массой добытыхъ на мѣстѣ данныхъ.

Какъ всякое глубоко жизненное явленіе, земельная община кубанскихъ козаковъ переживала въ своемъ вѣковомъ развитіи нѣсколько

фазисовъ, весьма тонко и детально охарактеризованныхъ авторомъ.

Хотя т. наз. черноморское козачье войско было прямымъ преемникомъ историческаго Запорожья, но условія развитія того и другаго были значительно различны. На пространствѣ въ 30,000 кв. в. первоначально было поселено не болѣе 25 тыс. душъ обоего пола, что давало безграничный просторъ для пользованія силами природы. Слабость земледѣльческихъ промысловъ, широкое развитіе скотоводства обусловили возникновеніе хуторскихъ формъ, заимки; съ увеличеніемъ населенія помощью воинской и правительственной колонизаціи хутора, бывшіе оплотомъ личнаго землевладѣнія, приходятъ въ столкновеніе съ «куренными поселеніями», позднѣйшими станицами, которыя имѣли и законное, и народно-обычное право считать земли своего района коллективною козацкою собственностью. Эта борьба съ хуторскимъ, личнымъ замлевладѣніемъ затруднялась для козацкихъ общинъ тѣмъ обстоятельствомъ, что войсковая старшина, захватившая лучшія земли, не стояла въ Черноморьи въ такой зависимости отъ войска, какъ это было на Запорожьи,—не была выборною. Вмѣшательство законодательной власти въ регулировку между-козацкихъ земельныхъ отношеній въ концѣ концовъ привело къ образованію въ нѣдрахъ войска настоящей земельной аристократіи, во владѣніи которой нынѣ находится до 5% всей территоріи кубанской области. Вмѣсто запорожской выборной старшины мы имѣемъ уже дѣло съ настоящимъ сословіемъ «пановъ», и понятіе объ общекозачьей коллективной собственности на практикѣ подорвано въ весьма значительной степени. Пожизненное съ 1842 года пользованіе землею превратилось для старшины въ потомственное съ 1870 года, а еще черезъ десять лѣтъ въ среду козачества получили доступъ, благодаря разрѣшенію пріобрѣтать усадебныя земли, и не козаки, свившіе, по свидѣтельству г. Щербины, на этихъ когда то войсковыхъ земляхъ прочное гнѣздо кулачества и обирающіе тѣхъ самыхъ козаковъ, которыхъ предки получили эти земли на правѣ полнѣйшей коллективной собственности. Явленія подобнаго же характера имѣютъ мѣсто на обѣихъ линіяхъ и въ Закубаньи.

Суммируя результаты своего изслѣдованія о развитіи формъ козачьяго землевладѣнія въ кубанской области вообще, авторъ, строго придерживаясь фактическихъ данныхъ, указываетъ, что козачье землевладѣніе началось съ войсковой формы землепользованія, близкой къ обычному на Запорожьи. Затѣмъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ и

внѣшнихъ причинъ, обособились, съ одной стороны, козачьи юрты или общинно-земельные надѣлы, а съ другой—частное козачье землевладѣніе. Слѣды войсковаго землевладѣнія сохранились лишь въ видѣ войсковыхъ земельныхъ угодій, соляныхъ озеръ и запасныхъ земель, отдаваемыхъ войсковою администраціей въ арендное содержаніе и состоящихъ въ вѣдѣніи войска только временно, какъ будущіе дополнительные участки станичныхъ общинъ.

Характеризуя затѣмъ общинное землавладѣніе кубанскихъ козаковъ, которому собственно и посвящена книга, авторъ въ цѣломъ рядѣ детальныхъ экскурсовъ доказываетъ, что въ развитіи своемъ порядки общиннаго землепользованія шли отъ простаго къ сложному—отъ вольнаго пользованія всевозможными угодьями къ цѣлому ряду разнообразныхъ ограниченій личнаго произвола и наконецъ къ обычаю дѣлежей. При обиліи пустошей, члены общины производили заимки по своему усмотрѣнію и таковъ былъ первоначально господствующій способъ землепользованія какъ въ отношеніи т. наз. «царинъ» и луговъ, сѣнокосовъ, пастбищъ, такъ лѣсныхъ угодій, водъ, усадебъ, садовъ и огородовъ. Первымъ по времени ограниченіемъ вольнаго пользованія землей было раздѣленіе юртовыхъ земель на части по угодьямъ—на общую царину или пашни, сѣнокосы и толоку или выгонъ, иногда—дѣленіе полей на клинья по роду хлѣбовъ. Раздѣленіе это влечетъ дальнѣйшія ограниченія въ отношеніи распашекъ на сѣнокосахъ и выгонахъ, пастьбы скота на пашенныхъ земляхъ, въ отношеніи размѣра земли, какой можетъ быть предоставленъ отдѣльному общиннику, и т. д. Послѣднимъ шагомъ въ развитіи этихъ порядковъ являются нынѣ дѣлежи пахатныхъ полей; дѣлежи эти начались съ разверстки частей въ пахатныхъ поляхъ большею частью съ «цѣлины», рѣже съ «мякоти», т. е. съ земли, бывшей уже въ разработкѣ. Сплошные дѣлежи юртовъ практикуются въ двухъ формахъ: малорусской, когда каждый хозяинъ получаетъ свой пай въ одномъ только мѣстѣ станичнаго юрта, и великорусской, когда пай дробится на нѣсколько частей, такъ что хозяину принадлежитъ нѣсколько кусковъ въ различныхъ угодьяхъ и клиньяхъ съ разными сортами хлѣбовъ. Въ самыхъ способахъ дѣлежей земли на паи или на души произошло, по словамъ автора, въ послѣднее время весьма замѣтное осложненіе въ формѣ дѣлежей земли на души по качествамъ почвы и въ соотвѣтственномъ дробленіи паевъ или душевыхъ надѣловъ на полосы. Въ отношеніи сѣнокосныхъ порядковъ первый ограничительный пріемъ состоялъ въ назначеніи опредѣленныхъ мѣстъ подъ сѣ-

нокосы, затѣмъ слѣдовало назначеніе времени для начала сѣнокошенія, опредѣленіе количества дозволенныхъ косарей на отдѣльныя хозяйства, а послѣднимъ шагомъ въ ряду ограниченій вольнаго сѣнокошенія является дѣлежъ сѣнокосовъ на паи или души. Въ той же постепенности идутъ и ограниченія вольной рубки лѣса, вольнаго пользованія выгонами и толоками, усадебными мѣстами и т. п. Вопросу о пользованіи общинными водами и рыболовными угодьями авторъ посвящаетъ особый экскурсъ, гдѣ показываетъ, что рыболовство находится нынѣ на пути къ переходу исключительно въ руки крупныхъ предпринимателей—не козаковъ.

Мы привели здѣсь лишь главные тезисы книги г. Щербины, чтобы дать хотя нѣкоторое представленіе о богатствѣ и интересѣ новой работы неутомимаго изслѣдователя нашей народной жизни. Чисто экономической сторонѣ козачьей земельной общины, взаимоотношенію послѣдней и экономическаго быта кубанскихъ козаковъ авторъ обѣщаетъ посвятить особые очерки, скорѣйшаго появленія которыхъ слѣдуетъ пожелать отъ всей души. Н. М.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI вѣка. Историко-статистическій очеркъ. Кіевъ 1890.

Авторъ труда, заглавіе котораго мы выписали, задался скромною цѣлью—сдѣлать описаніе устройства господарскихъ замковъ на протяженіи южной Россіи, ихъ состоянія и средствъ обороны, и выполнилъ эту задачу весьма тщательно и умѣло. Основалъ г. Грушевскій свой очеркъ на изданномъ актовомъ матеріалѣ, разсыпанномъ въ «Памятникахъ кіевской археографической коммиссіи», въ «Актахъ западной Россіи», въ «Архивѣ юго-западной Россіи» и др. Вначалѣ авторъ обрисовываетъ значеніе замковъ въ исторіи южно-русской колонизаціи, для чего дѣлаетъ въ общихъ чертахъ весьма сжатый, но вполнѣ вѣрный очеркъ движеній осѣдлаго населенія въ степь и борьбы его съ номадами. «На первыхъ порахъ, по мнѣнію г. Грушевскаго, замки являлись чрезвычайно важнымъ средствомъ колонизаціи страны, составляя какъ-бы узлы, которыми болѣе или менѣе прочно привязывалось населеніе къ территоріи повѣта и удерживалось отъ конечнаго разсѣянія». Литовское правительство понимало важное значе-

ніе замковъ и заботилось какъ объ увеличеніи ихъ числа, такъ и объ удовлетворительномъ ихъ состояніи. Эта забота выразилась въ цѣломъ рядѣ ревизій замковъ, а результатомъ этихъ ревизій явился цѣлый рядъ «пописовъ» замковъ, въ которыхъ мы находимъ обстоятельное описаніе этихъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Указавъ на характеръ ревизій, на результаты, къ которымъ онѣ привели, авторъ приступаетъ къ самому описанію замковъ. Начинаетъ г. Грушевскій съ внѣшняго вида и устройства замка, затѣмъ говоритъ объ управленіи замка, перечисляя должностныхъ лицъ и указывая сферу дѣятельности каждаго изъ нихъ. Слабость замковаго управленія вытекала изъ совмѣщенія въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ нѣсколькихъ замковыхъ должностей и являвшейся отсюда необходимости раздачи частнымъ лицамъ нѣкоторыхъ отраслей замковаго вѣдѣнія. Не въ лучшемъ состояніи находилось дѣло укрѣпленія замка и его ремонтировки, о чемъ авторъ говоритъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ своей брошюры. Въ общемъ, состояніе замковъ было весьма жалкое, какъ со стороны ихъ крѣпости, такъ и средствъ обороны. Плоха была артиллерія и дѣло продовольствія. Но нужно помнить, что литовскимъ правительствомъ все было прекрасно предусмотрѣно и устроено, а слабость замковъ и вообще слабость военной обороны литовскаго государства проистекала отъ слабости его управленія и злоупотребленій во всѣхъ отрасляхъ государственнаго вѣдѣнія. Трудъ г. Грушевскаго читается съ большимъ интересомъ и легкостью, а по тщательности обработки матеріала и полнотѣ, съ которой авторъ исчерпываетъ вопросъ, представляетъ собой пріятное явленіе въ русской исторической литературѣ

П. Г.

Dr. J. L. Píč. Dějiny národa ruského. Díl I. Do konce XVIII století. V Praze, 1889. (Д-ръ И. Пичъ. Исторія русскаго народа). Стр. 284.

Сочиненіе г. Пича вышло въ серіи Новочешской библіотеки, издаваемой при музеѣ чешскаго королевства (вып. XXVIII), и обнимаетъ исторію нашего отечества съ 862 по 1796 годъ, до смерти имп. Екатерины II. Авторъ задается цѣлью составить обзоръ политическихъ и культурныхъ судебъ Россіи съ спеціально чешской точ-

ки зрѣнія, такъ какъ русскія работы нерѣдко игнорируютъ то, что представляетъ особый интересъ для чеховъ.

Если не считать нѣкоторыхъ случайныхъ намековъ—сопоставленія моравanъ съ поляками, люксембургской династіи съ Романовыми, характеристики власти первыхъ русскихъ князей словами Козьмы Пражскаго и т. п ,—то читающему представляется неяснымъ, въ чемъ, собственно, состоитъ эта спеціальная точка зрѣнія. Г. Пичъ нѣсколько подробнѣе, нежели это дѣлаютъ составители русскихъ учебниковъ, останавливается на исторіи раздѣловъ Польши, во всемъ же остальномъ слѣдуетъ всецѣло установившимся у насъ шаблонамъ. На нашъ взглядъ, слишкомъ смѣло писать исторію «русскаго народа» по этимъ формамъ, и едва-ли изъ книги г. Пича читатель вынесетъ убѣжденіе, что нашему народу предстоитъ великая роль въ культурномъ движеніи стараго свѣта, какъ это предсказываетъ нашъ авторъ. Великая роль, конечно, можетъ принадлежать каждому культурному народу, но едва-ли основою для этого можетъ служить обширность государственной территоріи: между тѣмъ большинство исторій нашего отечества, не исключая и исторіи г. Пича, въ сущности представляютъ эпизодическій разсказъ о приращеніяхъ территоріи. Казалось-бы, что этой цѣли вполнѣ удовлетворили-бы нѣсколько синхронистическихъ таблицъ и историческихъ картъ. Для исторіи народа требуются краски, а ихъ то и недостаетъ на палитрѣ г. Пича. Мы опасаемся, что чехи вынесутъ неполное и неудовлетворительное понятіе о нашей исторіи изъ книги г. Пича.

Въ самомъ дѣлѣ, интересъ внутренней жизни многомилліоннаго и разноплеменнаго народа, каковъ русскій, не можетъ ограничиться ознакомленіемъ съ именами правившихъ лицъ и внѣшнимъ очеркомъ роста государственнаго тѣла. Государство есть лишь одинъ изъ видовъ общественнаго союза, и геній народа не всегда сказывается въ формахъ именно этого союза. Областная жизнь, порядки землепользованія, оригинальное разнообразіе племеннаго уклада и характера—черты, на которыхъ долженъ особенно подробно остановить свое вниманіе историкъ Руси, особенно въ до—петербургское время, если желаетъ привлечь сочувственное вниманіе читателя къ судьбамъ нашего народа. Преимущественный интересъ историковъ къ внѣшнимъ, показнымъ фактамъ и лицамъ подрываетъ у читателя всякій интересъ къ этой въ значительной степени мнимой наукѣ анекдотическаго повѣствованія.

Упрекать г. Пича въ такомъ направленіи его книги, конечно, невозможно: онъ даетъ все, что можетъ дать, придерживаясь нашихъ образцовъ и ограниченный размѣрами труда. Перечисленіе именъ и годовъ занимаетъ много мѣста и для обзора внутреннихъ отношеній остается его соотвѣтственно менѣе, но все же авторъ не забываетъ этихъ отношеній и старается характеризовать каждый періодъ нашей исторіи по мѣрѣ силъ и умѣнья. Этнографическій очеркъ начальной Руси и сосѣднихъ земель составленъ даже съ тщательностью, рѣдкою для учебника. Спеціальная точка зрѣнія автора, вѣроятно, сказывается въ неравномѣрномъ распредѣленіи матеріала: эпохѣ Петра I посвящено 15, Екатерины II—около 100 страницъ.

Исторія кіевской Руси дѣлится у автора на эпохи богатырскую (879—1015 г.) и удѣльную и занимаетъ почти треть книги. Происхожденію и роли южно-русскаго козачества авторомъ посвященъ особый экскурсъ и достаточно подробно разсказана исторія козацкой войны съ Польшей въ XVII ст.; о гайдамакахъ XVIII в. упомянуто также. Неудобства усвоенной авторомъ точки зрѣнія сказываются, между прочимъ, и въ этомъ отношеніи: отмѣчены факты присоединенія новыхъ областей, и у читателя создается представленіе, что областная жизнь прекратилась, чего въ дѣйствительности не было и быть не могло.

Съ внѣшней стороны книга г. Пича составлена достаточно внимательно и аккуратно, хотя попадаются неизбѣжныя ошибки. Такъ, г. Пичъ приписываетъ Конашевичу-Сагайдачному сочиненіе противоуніатскихъ книгъ, повторяетъ разсказъ о посѣщеніи Кіева патр. Іеремією, смѣшиваетъ Хмѣлецкаго съ Хмельницкимъ, называетъ Гуню Куней, Остраницу—Остравицей и т. п.

Какъ первая попытка самостоятельнаго и систематическаго изложенія нашей исторіи на чешскомъ языкѣ, книга г. Пича заслуживаетъ вниманія, но при усвоенной авторомъ манерѣ группировать матеріалы должно опасаться, что предпріятіе не достигнетъ желанной цѣли — ознакомленія чеховъ съ характеромъ русской исторической жизни.

Н. М.

Труды Комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи. Выпускъ четвертый. Каменецъ-Подольскъ. 1889 г.

Разработка мѣстной исторіи и собраніе вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ по губерніямъ, начатая по мысли покойнаго Н. В Калачова, продолжаетъ развиваться не только въ созданныхъ имъ ученыхъ губернскихъ архивныхъ коммиссіяхъ, но также и въ губернскихъ статистическихъ комитетахъ, имѣющихъ почти ту же цѣль—изученіе своей губерніи, и долгое время не обнаруживавшихъ никакой дѣятельности да и теперь еще часто бездѣйствующихъ. Такое явленіе обусловливается недостаточно практической организаціей этихъ учрежденій. Тѣмъ не менѣе, время отъ времени, особенно въ послѣдніе годы, и комитеты заявляютъ себя многими весьма полезными и цѣнными изданіями. Къ числу таковыхъ относится и настоящій четвертый выпускъ «Трудовъ Комитета для описанія подольской епархіи». Хотя онъ, подобно тремъ предъидущимъ, касается все той же религіозно-церковной стороны жизни Подолія, однако, по содержанію своему, по важности заключающихся въ немъ документовъ, долженъ быть поставленъ выше предшествовавшаго ему 3-го выпуска, о которомъ мы дали въ свое время отзывъ.

Программа изданія осталась та же: акты издаются цѣликомъ или въ извлеченіи, располагаются въ географическомъ алфавитномъ порядкѣ и печатаются съ переводомъ на русскій языкъ; актамъ предшествуетъ небольшая статья, а въ концѣ къ нимъ приложены указатели: личный и географическій. Ненужной роскошью въ этой программѣ мы считаемъ переводы къ актамъ, на томъ основаніи, что древніе оффиціальные документы, писавшіеся по строго опредѣлившейся формулѣ, легко понятны тѣмъ ученымъ, которые имѣютъ нужду въ подобныхъ актахъ; для нихъ переводы излишни; обыкновенные же читатели никогда не только актовъ, но и ихъ переводовъ читать не будутъ; это давно уже понято всѣми западными археографическими коммиссіями, печатающими также латинскіе и польскіе документы, и печатаніе переводовъ прекращено, хотя сначала велось. Передовыя статьи по большей части бываютъ не важны и по мысли, лежащей въ ихъ основаніи, и по исполненію; но такъ какъ эти статьи появляются въ оффиціальномъ изданіи, то могутъ служить выраженіемъ оффиціальнаго и общественнаго настроенія и мысли по отношенію къ мѣстнымъ вопросамъ, и какъ таковое выраженіе, имѣютъ нѣкоторое значеніе для исторіи развитія мѣстнаго самосознанія.

Сказанное приложимо и къ передовой статьѣ настоящаго выпуска, трактующей о церковномъ патронатѣ, который былъ орудіемъ въ рукахъ шляхты для подавленія православія. Но цѣность каждаго археографическаго изданія не въ этихъ случайныхъ приложеніяхъ, какъ передовыя статьи, переводы актовъ и проч., а въ содержаніи самихъ актовъ. Съ этой стороны акты четвертаго выпуска, какъ мы сказали выше, гораздо важнѣе актовъ предъидущихъ выпусковъ. Все это — эрекціи уніатскимъ церквамъ, презенты священникамъ, акты о выдѣлѣ земель и угодій въ пользу священниковъ, совершенныя на основаніи эрекцій, и акты объ опредѣленіи викарныхъ священниковъ, данныя польскими помѣщиками, какъ патронами. Прежде всего эти документы рисуютъ имущественное положеніе уніатскаго духовенства, вообще намъ мало извѣстное; во 2-хъ указываютъ на степень вліянія, оказываемаго путемъ матеріальнаго обезпеченія духовенства, на религіозныя вѣянія среди мѣстнаго общества, на его намѣренія путемъ поддержки лицъ того или другаго исповѣданія распространить или подавить послѣднее и, наконецъ, на территоріальное распространеніе уніи, если бы можно было найти наиболѣе древнія эрекціи, которыя это показывали; эти же эрекціи важны и для исторіи самыхъ селъ съ ихъ храмами имѣющей существенное значеніе для мѣстныхъ изслѣдователей; не слѣдуетъ лишь отбрасывать ничего, что касается общественной жизни такой мелкой клѣточки въ государственномъ организмѣ, какъ село или деревня.

Пожелаемъ, что бы и будущіе выпуски были также богаты содержаніемъ, какъ и настоящій, и послужили бы матеріаломъ для полной исторіи Подоліи съ ея особенностями, исторіи, которая лишь въ недавнее время начала разрабатываться.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 7; Русская Мысль № 7; Сѣверный Вѣстникъ № 7; Русская Старина № 7; Историческій Вѣстникъ № 7.

Вѣстникъ Европы № 7. *А. Стороженко. А. А Котляревскій.* Очеркъ. — Личныя воспоминанія автора о проф. Котляревскомъ, а также и о другомъ кіевскомъ славистѣ—Н. П. Задерацкомъ (стр. 168—181).

В. Шенрокъ. Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры (1829—1831). I—V.—Здѣсь разсказывается о сценическомъ дарованіи и успѣхахъ Гоголя въ школѣ и о его первыхъ литературныхъ опытахъ и трудахъ въ Нѣжинѣ и Петербургѣ (стр. 248—271).

Русская Мысль № 7. Въ отдѣлѣ критики: краткая рецензія книги: *«Нова сбірка народныхъ малорусскихъ приказокъ»*. Комарова. Одесса 1890 г.; сочувственный отзывъ о книгѣ: «Одиссея Гомера», изданной въ переводѣ на малорусскій языкъ редакціей журнала «Правда» во Львовѣ;—разборъ журнала Кіевская Старина съ ноября 1889 г. по май 1890 г. съ отзывами о статьяхъ: Я. Н. Шульгина, П. А Шафранова, А. А. Востокова и др.

Сѣверный Вѣстникъ № 7. Въ отдѣлѣ: изъ провинціальной печати—указаніе на попытки переяславскаго земства урегулировать отхожіе промыслы рабочихъ (стр. 96—97) и на работы елисаветградскаго земства по вопросу объ изслѣдованіи условій жизни и быта пришлыхъ рабочихъ (стр, 97—98).

Русская Старина № 7. *Шенрокъ*, Николай Васильевичъ Гоголь. Приведено еще 6 писемъ къ Гоголю А. О. Смирновой (стр. 195—212).

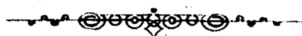
Коротенькая рецензія на книгу: «Слово о полку Игоревой», какъ художественный памятникъ кіевской дружинной старины». Изслѣдованіе Е. В. Барсова. Т. Ш. Лексикологія Слова А—М» (на оберткѣ).

Историческій Вѣстникъ № 7. *За чьи грѣхи?* Повѣсть изъ временъ бунта Разина (продолженіе) *Д. Л. Мордовцева.*—Приведена сцена пріема Разинымъ посольства отъ гетмана Брюховецкаго для обсужденія плана совмѣстнаго нападенія на московское государство (стр. 6—7).

Тимченко-Рубана. Изъ воспоминанія о прожитомъ (продолженіе). Посѣщеніе Кіева (стр. 103); открытіе въ Полтавѣ корпуса и первые годы жизни корпуса при директорахъ Святловскомъ, Струмилло и Врангелѣ (стр. 104--114)

Д. Эварницкій. Каменныя бабы. Происхожденіе бабъ, раіонъ ихъ распространенія (больше всего на югѣ Россіи) и изображеніе.—(стр. 180—194).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: *В. Гошкевичъ. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ.* Кіевъ 1890,—гдѣ подробно указывается мѣсто бывшаго замка,—стр. 224. Въ отдѣлѣ смѣси: *Археологическіе грабежи въ кіевской губерніи:*—краткая выписка изъ «Кіевлянина» о разграбленіи кургановъ (стр. 233). *Новый портретъ Гоголя*—подаренный, вмѣстѣ съ письмомъ Н. В. Гоголя, университету св. Владиміра студентомъ Гр. Соболевскимъ (стр. 233—234).



Дозволено ценз. Кіевъ, 20 августа 1890 г.

Предъ тѣмъ какъ сажать коровай въ печь, мужчины, украшавшіе коровай, выметаютъ ее вѣникомъ; женщины поютъ:

96.

Кучерявый пичъ вымитае,
Кучерява заглядае.
Чи хороше пичъ вымитае.
(Марія Юрченкова).

Въ опустѣвшую дижу втыкаютъ ножъ, женщины продолжаютъ пѣть:

97.

Коло дижи чотыри ножи,
А пятый на послузи,
Коло дижи свичи палають,
А на столи коровай бгають.
(Уляна Выборная).

Прилѣпляютъ къ дижѣ четыре свѣчки съ пѣсней:

98.

Прилетила бжилка
Съ чужои пасичкы,
Прынесла въ горщечку
Короваю на свичечку.
(Она же).

Затѣмъ свѣчи снимаютъ съ дижи и прилѣпляютъ къ окнамъ и дверямъ, а на крышку дижи, „вико", насыпаютъ немного муки и льютъ браги. Къ вику подзываютъ мальчика [1]) лѣтъ десяти, ко-

[1]) Обычай этотъ снѣтинскій.

торый смѣшиваетъ мизинцемъ брагу съ мукой; на эту муку, разсыпанную по вику, кладутъ коровай, который дружко[1]) подноситъ съ викомъ къ печи и оттуда садитъ въ печь. Засунувъ коровай въ печь, поютъ:

99.

Пичъ наша зажыгаетця,
Коровай сподиваетця.
Пече моя, пече!
Чи хорошый коровай спечешъ?
(Марія Гриценкова).

100.

Варіантъ м. Снѣтина.

Пичъ наша зажыгаетця,
Коровай сподиваетця,
А припечокъ регочетця,
Короваю ёму хочетця.
(Уляна Выборная).

Дижу подбрасываютъ подъ потолокъ, иногда разбиваютъ, дружко и пидружный цѣлуются въ это время трижды со свашками, молодыцы поютъ:

101.

Ой пичъ стоить на сохахъ,
А дижу носять на рукахъ.
Ой пичъ наша, пичъ,
Испечи намъ коровай за ничъ.
(Уляна Выборная).

102.

Вечиръ, маты, вечиръ,
У насъ коровай не спеченъ.
Коровайныци пьяны,
Короваю не зобгалы. (Она же).

103.

Кукиль у пшеныци,
Частуй маты коровайныци,
Якъ не будешъ частуваты,
Перестанемъ коровай бгаты.
Якъ не дасте по чарци,
Спечемо завтра у ранци.
(Она же).

Спеченый каравай вынимается изъ печи и кладется на столъ, его убираютъ калиной, „жычкамы“ и колосьями ржи. Этимъ украшеніемъ коровая оканчиваются приготовленія къ свадьбѣ.

Воскресенье. Благословеніе хлѣбомъ.

Свадебный обрядъ открывается въ воскресенье, послѣ обѣда, благословеніемъ молодой хлѣбомъ ея родителями, старшими родственниками, крестными отцемъ и матерью, независимо отъ того происхо-

[1]) Если коровай у молодого; у молодой—знакомый, сосѣдъ.

дило ли вѣнчанье въ то же воскресенье утромъ, или за недѣлю раньше, какъ это чаще бываетъ. Обычай этотъ исполняется такимъ образомъ: старшій братъ невѣсты, а за неимѣніемъ его двоюродный, наклоняетъ слегка шапкой („покланяе“, „одкланяе“) молодую поочередно предъ всѣми перечисленными лицами, которые въ это время держатъ надъ нею хлѣбъ, дружки поютъ:

104.

Варіантъ м. Снѣтина.

Витеръ віе, по синечкахъ повивае,
Що братъ сестру отцю, ненци покланяе.
Ой прыступы, та Марусю, блызенько,
Поклоныся отцю, неньци нызенько,
Що воны тебе, молодую, годувалы,
Якъ билую лебидоньку на Дунаю.
Що билая лебидонька воду сколотыть,
Молодая Маруся жалю наробыть.

(Уляна Выборная).

105.

Варіантъ волчковской и засульской волостей.

Похыльнее дерево похыляетця,
А покирлыве дытятко поклоняетця.
Прыступы ты, Марусю, блызесенько,
Поклоныся отцю, неньци нызесенько,
Що воны тебе одкланялы,
И братови прыручалы,
И на посадъ вырялсалы.

(Марія Гриценкова).

Если родителей нѣтъ въ живыхъ, то поютъ:

106.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой кому ты, Марусю,
Та кланятымыся,
Що у тебе батенька
Та нема?
Ой е въ поли
Явирочокъ зелененькій,
То тὸ буде
Мій батинко та ридненькій.

Если нѣтъ матери, то поютъ:

Ой у садочку вышня зелененька,
То тὸ моя матинка ридненька.

(Уляна Выборная).

107.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Ой кому ты, Марусю, та кланятымыся,
Що у тебе батенька та нема?

Кланяйся, Марусю, чужій чужыни,
Нехай дае порадоньку бидній сыроти.
(Марія Юрченкова).

Воскресенье. Заведеніе за столъ. Молодая на посадѣ.

Послѣ того какъ молодая откланяется такимъ образомъ всему своему роду, братъ ея обращается трижды къ присутствующимъ съ просьбой: „старосты, пани старосты! благословить сестру за стилъ завесты“ и, получивъ разрѣшеніе въ обычной формѣ „Богъ благословыть“, беретъ молодую за рушныкъ и обводитъ три раза вокругъ стола, потомъ садитъ ее на лаву, покрытую скатертью или рядномъ, „на посадъ“; за ней садятся дружки, и на посадѣ, до пріѣзда жениха, поютъ слѣдующія пѣсни:

108 [1]).

Та йшла Маруся на посадъ,
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Встричае іи батенько,
Изъ долею щаслывою,
Изъ доброю годыною.

109.

Що братъ сестру за стилъ завивъ,
Та рано, рано,
Що братъ сестру за стилъ завивъ,
Та ранесенько.
А завившы, ставъ пытаты,
Та рано, рано,
А завившы, ставъ пытаты,
Та ранесенько,
Чого тоби, сестро, найжальнійше?
Та рано, рано,
Чого тоби, сестро, найжальнійше?
Та ранесенько.
Жаль мени, брате, отця й ненькы,
Та рано, рано,
И всіи родыноньки,
Та ранесенько.
Сестре моя! неправда твоя,
Та рано, рано,
Сестре моя! неправда твоя,
Та ранесенько.
Ой жаль мени, брате, Васылька молодого,
Та рано, рано,
Жаль мени, брате, Васылька молодого,
Та ранесенько.
Сестрыце моя! правда твоя,

---

[1]) Пѣсни съ 110—116 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

Та рано, рано.
Сестрыце моя! правда твоя,
Та ранесенько.

110.

Чорная галочка мала, невелычка,
На рокыти сыдила,
Та хотила вона рокыты поломыты.
Та не поломыла, не поломыла,
Тилько росу оббыла.
Молода Маруся въ свого батенька
На посади сыдила,
Та хотила вона
Свого батенька звеселыты.
Та не звеселыла,
А ще бильшъ засмутыла.

111.

Ой чого ты, Марусю, така била?
Чи въ тебе головка заболила?
Болыть моя головонька и тило все,
Покы мого Васылечка Господь прынесе.

112.

Коло саду вышневого,
Та рано, рано,
Тамъ сокилонько облитае,
Та ранесенько.
У вышни садъ заглядае,
Та рано, рано,
Чи тутъ моя чорна галка?
Та ранесенько.
Чи тутъ вона гниздечко вье?
Та рано, рано.
Звый, галочко, соби й мени,
Та ранесенько;
Що соби звый зъ хмелыночкы,
Та рано, рано,
А мени звый зъ паутыночкы,
Та ранесенько.
Коло двору тестевого,
Та рано, рано,
Тамъ Васылько объизжае,
Та ранесенько.
И въ тестивъ двиръ заглядае,
Та рано, рано,
Чи тутъ моя молода Маруся?
Та ранесенько.
Чи тутъ вона виночкы вье?
Та рано, рано.
Звый виночокъ соби й мени,
Та ранесенько.
Соби звый съ шевліечкы,
Та рано, рано,
А мени звый съ червоноі стричкы,
Та ранесенько.

113.

Та летивъ, летивъ сокилонько
Черезъ вышню садъ,
Та вдарывся крылечкамы
Объ садъ выноградъ,
Та вдарывся крылечкамы
Тай пытае:
Чи тутъ моя чорна галка,
Чи немае?
Чи зъ иншымы соколамы
Десь литае?

Та ихавъ, ихавъ та Васылько
Черезъ тестивъ двиръ,
Та вдарывся кинь копытомъ
Объ новый поригъ,
Та вдарывся кинь копытомъ
Тай пытае:
Чи тутъ моя Марусенька, (2)
Чи немае?
Чи зъ иншимы молодцямы
Десь гуляе? [1]).

114.

Ой на кого ты, Марусю, уповала,
Що ты того Васылька сподобала?
Чи на волы, чи на кони, чи на грошi,
Чи на его уродоньку, що хорошый?
Ни на волы, ни на кони, ни на грошi,
А на ёго биле лыце,—що хорошый.
Що коныкы вороныи, то тó не ёго,
А жупаны голубiи, то брата ёго,
Що коныкы воронiи поминяють,
А жупаны голубiи полыняють,
Що коныкы воронiи продадутця,
А жупаны голубiи подерутця.

115.

Посадыла оришыну на въ городи,
Росты, росты оришына выще тыну.
Кохавъ мене мiй батенько, якъ ридну дытыну.
Росте, росте оришына выще хаты,
Кохавъ мене ридный батько, щей маты.
Росты, росты оришына, не хылыся,
Жывы, жывы мiй батеньку, не журыся.
(Марiя Галавурова).

Воскресенье. Составъ поѣзда.

Въ воскресенье, послѣ обѣда, молодой собираетъ свой поѣздъ, составъ котораго слѣдующій: двое старостъ, дружко и пиддружный,— женатые молодые люди, родственники жениха; отъ трехъ до десяти его товарищей, такъ называемыхъ бояръ или буяръ; двѣ, три молодыцы—свашки, отъ двухъ до пяти дѣвушекъ—свитилокъ, изъ нихъ одна—сестра молодого—называется старшей свитилкой и держитъ зажженный свѣтильникъ, т. е. саблю, иногда деревянный крестъ, перевитую большой восковой свѣчей и увязанную калиной

[1]) Въ сел. Волчкѣ слова: соколъ и чорна галка (иногда сокилонько) замѣняются словами: голубъ, голубка, и въ пѣснѣ прибавляется еще:

Хай литае, хай литае,
Бильшъ не буде,
Ужежъ тая голубонька
Моя буде. (Уляна Молькина).

и васильками,—на поѣздѣ. Въ поѣздѣ участвуютъ также три музыканта со скрипкой, бубномъ и сопилкой, чаще, впрочемъ, участвуютъ только два первые. Кромѣ перечисленныхъ лицъ, въ поѣздѣ есть еще „визныка“, назначеніе котораго привезть боченокъ съ брагой отъ молодого молодой, присматривать за лошадьми во время пребыванія перваго въ домѣ послѣдней и затѣмъ, вечеромъ, привезть ея приданое (скрыню) молодому. Когда поѣзжане соберутся въ весильный домъ, то родъ молодого благословляетъ его хлѣбомъ, а братъ заводитъ за столъ при горящемъ свѣтильникѣ съ тѣми же обрядами и пѣснями, что и у молодой. Тогда же свашки и свитилки пришиваютъ всѣмъ мужчинамъ, участвующимъ въ поѣздѣ, кромѣ молодого, красныя ленты къ шапкамъ, припѣвая при этомъ:

116.

Гадайте, старосты, гадайте,
По червоному скыдайте,
А вы, бояре, сумуйте,
По золотому готуйте.

(Уляна Выбóрная).

Бояре бросаютъ мелочь, которую закладываютъ молодому за воротникъ.

Предъ самымъ выѣздомъ молодого, мать его даетъ свашкѣ плетеный кошель, въ который кладутся новые сапоги, обвязанные красной лентой, предназначаемые для подарка тещѣ, чарка, тарелка и шишка, также нѣсколько платковъ, на дворъ выносятъ дижу, на которую кладутъ хустку, хлѣбъ, соль. Дружко обводитъ трижды молодого вокругъ дижи. Свитилки въ это время поютъ:

117.

Ой чія то дружына
Коло дижи ходыла,
Зъ музыкамы, цымбаламы,
Зъ хорошимы буярамы?
Та тожъ Марусина дружына

Коло дижи ходыла,
Зъ музыкамы, цымбаламы,
Зъ хорошимы боярами.

(Она же).

Воскресенье. Предъ выѣздомъ молодого.

Изъ хаты выходитъ мать молодого въ кожухѣ шерстью вверхъ и несетъ въ заполѣ овесъ, орѣхи, сухія груши, сливы, конфекты, которыми обсыпаетъ молодого и весь поѣздъ, а дружко ударяетъ ее по кожуху палкой. Свитилки поютъ:

118.

Изъ за горы сонечко колесцемъ,
Та обсыпъ, матинко, овесцемъ,
Та на наши коныченьки вороніи,
Та на наши жупаны голубіи,
Та на наши бояре молодіи [1]).

(Она-же).

Обсыпавъ поѣздъ овсомъ, мать выводитъ жениха за платокъ изъ воротъ и обводитъ вокругъ повозки или саней трижды. Молодой и поѣзжане садятся и поѣздъ, состоящій изъ пятнадцати-двадцати пяти душъ на пяти-восьми повозкахъ трогается. На поѣздѣ поютъ:

119.

Соколонько съ саду вылитае,
А Васылько съ двору выизжае.
Соколонько та на вылёти,
А Васылько та на выизди,
Соколонько та по галочку.
А Васылько по паняночку.
Соколонько съ соколамы,
А Васылько съ буярамы.

(Прасковья Заикина).

---

[1]) Вмѣсто послѣднихъ трехъ строкъ поютъ также:
Щобъ цей овесецъ рясенъ,
Щобъ нашъ Васылько красенъ.

120.

Варіантъ с. Засулья.

Ой у лыпыни, та въ осычыни,
Тамъ Васылько биле сино косыть,
Вороному коню исты носыть.
Ой йижъ коню се билее сино,
Ой пый коню холодную воду,
Ой грай коню теперъ подо мною,
Щобъ тещенька похвалыла,
Щобъ Маруся полюбыла.

(Марія Гриценкова).

121.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой у лыпыни, та въ оришыни,
Тамъ староста биле сино косыть,
Передъ свого коныченька носыть.
Ой йижъ коню се билее сино,
Ой пый коню холодную воду,
Та поидемо въ далеку дорогу (2)
Тай прывеземъ Марусю зъ собою.

(Уляна Выборная).

122.

Ой йихалы бояре рядъ по ряду,
А молодый Васыльку по переду,
Тай вырizавъ зъберизкы трыризкы,
Тай ударывъ коныченька пидъ нижкы.
Ступай, ступай коныченько шыроченько,
Бо щей до Маруси далеченько.

(Уляна Выборная).

123.

Йихалы бояре горою,
Клыкалы Марусю зъ собою,
„Иды, иды, Марусю, изъ намы,
Дамо тоби квиточку зъ перами“.
„А я тіи квиточкы не зношу,
Полюбыла Васылька, якъ душу“.

(Она же).

Воскресенье. Поѣздъ у воротъ.

Молодой останавливается съ своимъ поѣздомъ предъ дворомъ родителей невѣсты, такъ какъ встрѣчаетъ здѣсь препятствіе: ворота затворены и охраняются толпой парней, сошедшейся обыкновенно со всего села, требующей отъ молодого водки. Только давъ этотъ „воритній могорычъ“ или заплативъ отъ одного до двухъ рублей, проходятъ поѣзжане во дворъ. У воротъ свитилки поютъ:

124 [1]).

Ой лыбонь мы заблудылы,
Не до свата прыйихалы?
Воротечка позачыняны,
И дверечка позатыканы,
И Маруся незряжена,
На посадъ не посажена.

---

[1]) Пѣсни съ 124—127 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

125.

Десь у тебе, Васыльку,
Тутъ родыны не мае,
Що не выйде, не прыгортае,
И на здоровье не спытае.

126.

Мы йихалы за тры мыли,
Коныченьки потомылы
И шубочкы помочылы.
Пустить насъ одпочыты,
Шубочкы посушыты.

127.

Мы вамъ, свату, не докучемо,
Тилько шубкы пересушымо,
И кубочкы испорожнемо
И Марусю соби возьмемо.

Воскресенье. Поѣздъ во дворѣ.

Когда женихъ и поѣзжане входятъ во дворъ, дружки поютъ въ хатѣ слѣдующія пѣсни:

128.

Уже тіи гости на перемости,
А Маруся по двору ходыть.
По двору ходыть, били рукы
ломыть,
Свого батенька просыть:
„Заховай же мене, батеньку, въ
себе
За горы камяныи,
Обсады мене, батеньку, въ себе
Вышнямы, черешнямы“.
„Сховають тебе, доненько моя,
За столы тесовыи,
Обсадять тебе, доненько моя,
Пышнымы дружечками!“
(Улана Выборная).

129.

Ой ходыла та Маруся по въ го-
роду,
Та садыла садъ-выноградъ зъ
прыходу,
Тай забула воритечекъ зачыныты,
Не посмила та братика попросыты:
„Тай зачыняй, та братику, нови
воритця,
Та не пускай Васылечка мого
молодця,
Бо прыйиде та Василько зъ буя-
рамы,
Та вытовче садъ-выноградъ ко-
ныкамы,
Та выносыть кориньячко за но-
гамы.
(Настасія Коломійцева).

130.

Варіантъ с. Засулья.

Ой скрыпнулы воритечка кленовыи,
Заиржалы коныченькы вороніи.
Сховай мене, матинко, въ ко-
морю,
Щобъ не взялы си гости съ собою,
Сховай мене, матинко, въ хижу,

Поки я ихъ пересыжу.
Не того жъ воны, дытя мое, пріихалы,
Щобъ воны безъ тобе поихалы.
(Марія Гриценкова).

131.

Варіантъ хут. Кремянки, матяшовской волости.

Ой скрыпнулы воритечка все новіи,
Заржали коныченькы вороніи.
Найихалы, мій таточку, гистоньки до насъ!
Молы Бога, дытя мое, щобъ у добрый часъ.
Не съ тымъ воны, дытя мое, наихалы,
Щобъ безъ тебе, дытя мое, пойихалы.
(Прасковья Заикина).

132.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой заржало два коныченька на стани [1]),
Та заграло два музыченька на двори,
Тай выбигла молода Маруся зъ комори,
Тай упала своему батенькови въ ногы.
„Не тдай мене, мій батеньку, одъ себе,
Нехай же я попошу си два виночкы у тебе!“
Ой радъ бы я, дытя мое, не тдаты,
Такъ найихалы гостонькы, щобъ взяты.
(Уляна Выборная).

133.

Гусла гудуть, до двора йдуть.
Наряжайся, дивко Марусю,
Бо возьмуть тебе.
Хочь я й наряжуся, я ихъ не боюся,
Есть у мене отецъ и матуся,
Не тдадуть мене.
(Прасковья Заикина).

134.

Тай налетило симсотъ голубивъ
На нашъ двиръ.
Ой пизнавай, сызая голубко,
А де твій?
Що биленькій и сиренькій,
Тожъ не мій,
А сызенькій, сызокрылый,
То тò мій.
Найихалы молоды бояры
На нашъ двиръ.
Ой пизнавай, Марусенько,
Аде твій?

---

[1]) Въ Литвякахъ прибавляютъ еще:
Ой крыкнулы два лебеди на води,
Ой заржало и т. д.

Що въ сынёму, на сывому,
То не мій,
А що въ голубому, та на вороному,
То то тій.

(Уляна Выборная).

135.

Ой не сиды, Марусю, не сиды,
Одсунь виконце, погляды.
Чи высоко сонечко на неби,
Чи богато бояривъ на земли,
Чи хорошій Васылько на кони?
Ой хорошій, матинко, кращій всихъ,
Скынувъ шапочку швыдче всихъ,
Поклонывся матинци нижче всихъ [1]).

(Орышка Недилькина).

136.

Ой ты Марусю,
Ты наша душечко!
Ой на хати зилья.
А въ хати весилья.
На двори бояре,
Якъ макъ процвитають,
Молодый Васылько,
Якъ золото сяе.

(Уляна Выборная).

Воскресенье. Поѣздъ у порога.

Поѣзжане остаются у порога съ молодымъ, а дружко и пиддружный входятъ въ хату при пѣніи подругами молодой слѣдующей пѣсни:

137.

Варіантъ м. Снѣтина.

Съ пидъ похылои вышни
Два дружбонькы вышло,
И маліи и невелыкіи,
Шепелявіи, недорикіи,
Ни шапочкы зняты,
Помогай би сказаты [2]).

(Уляна Выборная).

138.

Ой ты душенько,
Наша Марусенько!

---

[1]) Въ Снѣтинѣ еще прибавляютъ:
Ой хорошый, сестрыци, чорнобрывъ,
Его жъ мени, сестрыци, Богъ судывъ.

[2]) Въ с. Литвякахъ послѣдніе четыре стиха замѣняются такими:
И не сміють, и не вміють
Изъ нашимы говорыты.
Дайте имъ пыва пыты,
Щобъ умилы говорыты.
(Варвара Иваненкова).

Просы дружбоньку систы,
Билого хлиба йисты,
Червоного пыва пыты,
Щобъ умилы говорыты.
Ой щобъ умилы и розумилы
Зъ нашимы говорылы.

(Настасія Коломійцева).

Дружко и пиддружный садятся къ столу и старшая дружка сливаетъ первому на руки воду при пѣніи:

139 [1]).

Мые дружбонько рукы,
Поглядае на килочкы:
Чы не высять рушнычкы,
Потерты билы ручкы;
Йзъ Кіева прывезены,
Шовкомъ мережаны,
Золотомъ гаптованы,
Всему роду дарованы.

140.

Поглядае дружко скоса:
Чи не мае на печи проса,
Колыбъ швыдче втекты,
Щобъ не заставылы товкты.

Поѣзжане между тѣмъ все еще стоятъ у порога и свитилки поютъ:

141.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой свату, нашъ свату,
Пускай насъ у хату,
Докы мы стоятымемъ,
Твій двиръ топтатымемъ
Червоными чобиткамы,
Золотыми пидковкамы?

142.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Чи мы вамъ не сваты,
Що не выйдете съ хаты?
Не выйдете й не вышлете,
Вы намъ добра не мыслете,
Хлиба, соли не выносыте,
Насъ у хату не просыте.

(Степанида Шевченкова).

143 [2]).

Пусты, свату, перегритыся,
На молоду подывытыся.
Якъ не пустышъ, самы війдемо
И Марусю соби визьмемо.
Якъ не дасте, то мы вкрадемо,
Черезъ Дунай попровадемо,
Черезъ Дунай, черезъ ричечку
Молодую невисточку.

---

[1]) Пѣсни съ 139—141 записаны отъ Уляны Выборной.

[2]) Пѣсни съ 143—158 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

Дружки въ хатѣ отвѣчаютъ:

144.

Ой ты душенько,
Наша Марусенько!
Просы бояривъ до хаты,
Годи травыци топтаты
Червоными чобитками,
Золотыми пидковками.

Воскресенье. Одареніе поѣзжанъ.

Наконецъ изъ дверей показывается мать молодой съ маленькимъ горшкомъ въ рукахъ, который бояринъ беретъ у нея и трижды обводитъ вокругъ молодого, высыпая заключенный въ горшкѣ овесъ ему подъ ноги, а мать угощаетъ поѣзжанъ водкой и затѣмъ одаряетъ ихъ: старостамъ и дружкамъ даются рушники, а бояре, свашки и свитилки получаютъ по хусткѣ. Во время раздачи подарковъ поютъ одновременно два хора:

Дружки:

145.

Надибрана скрыня,
Надибрала маты,
Бояръ дарyваты,
Ткаными рушнычкамы,
Шытымы хусточкамы.

Свитилки:

146.

Наша сваха пряха,
У неи дочка ткаля,
Рушнычкивъ наткала,
Хусточокъ напряла,
На Дунаю билыла,
Увесь поиздъ одарыла.

Дружкы:

147.

Стришки, оришкы котятця,
Чогось наши буяре смутятця.
Не смутитця, та боярочкы,
Що коротки та подарочкы.
Нывка узенька,
Ненька старенька,
Конопелькы не вродылыся,
Подарочкы вкоротылыся.

Воскресенье. Поѣзжане въ сѣняхъ.

Затѣмъ дружко требуетъ подарка для молодого въ такихъ выраженіяхъ:

За кимъ пьемъ, гуляемъ,
Тому подарка не маемъ!

Мать даетъ сначала рушникъ, а за отказомъ дружка, платокъ, который прикрѣпляется къ поясу молодого или на его правую руку; молодой въ свою очередь даритъ сапоги тещѣ. Послѣ этого размѣна молодого впускаютъ въ сѣни и дружки поютъ:

148.

Сяють синечкы, сяють,
Бояре наступають.
Не наступай Лытва,
Буде межъ намы бытва!
Будемъ быты, воюваты
И Маруси не даваты!

Дружки продолжаютъ:

149.

Що то за ворона
Стоить край порога?
И ротъ роззявыла,

И крыла розставыла;
Хоче прылетиты,
Марусю вхопыты.

Свитилки отвѣчаютъ:

150.

Ой мы не вороны,
Мы ясны соколы.
Повставайте совы [1]).
Посидайте соколы.

Дружки:

151.

Мы сюю сову знаемо,
Мы йіи піймаемо.
Оскубымо, осмалымо,
Передъ вамы поставымо.

Воскресенье. Поѣзжане въ хатѣ.

Дружко вводитъ молодого въ хату и обводитъ три раза вокругъ стола, за нимъ слѣдуютъ поѣзжане. Дружки, ставъ на скамьи, чтобы дать имъ дорогу, поютъ:

152.

Дружечкы, паняночкы,
Ставайте на лавочкы,
Пускайте дорогу
Князеви молодому.

Дружки продолжаютъ:

153.

Королю, королю,
Короливъ сынку,

---

[1]) Послѣдніе два стиха замѣняютъ иногда слѣдующими:
Повставайте шолудывци,
Посидають чорнобривци.

Васыльку!
Чого сяешъ?
Чомъ не сидаешъ,
Якъ у батенька,
Такъ и въ тестенька
За столомъ?

Свитилки отвѣчаютъ:

154.

Ой буду сіяты,
Та буду сидаты
Въ тестенька.
Есть у тестя
Хороша дочка
Маруся.

Воскресенье. Молодые за столомъ.

Женихъ садится рядомъ съ невѣстой за столомъ, отецъ угощаетъ ихъ водкой, дружки угощаютъ бояръ, а бояре ихъ. Дружки начинаютъ пѣсенную борьбу:

155.

Здвыгнулыся сины,
Якъ буяре силы,
А ще дужче здвыгнутця,
Якъ горилкы напьютця.

156.

Затрещалы лавы,
Якъ дружкы сидалы,
А ще дужче триснутця,
Якъ горилкы напьютця.

157.

Бодай тебе, князю,
Изъ твоимы та боярамы,
Изъ такимы та погаными.
Стари та усаты,
Якъ мыши хвостаты,
Сыдять по ослонахъ,
Якъ мыши по соломахъ.

158.

Де бояре забарылыся,
Чи по степу волочылыся,
Чи сино косылы,
Чи хлиба просылы,
Чи въ соломахъ ночувалы,
Мыши уха побъйидалы?
Обметыцю йилы
Бодай вы понимилы.

Свитилки отвѣчаютъ:

159.

Йиздылы мы лугамы
Сирымы воламы,
Сиры волы потомылыся,
Мы до свита забарылыся.

(Марія Юрченкова).

Дружки:

160.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой вы старосты! вы люды стареньkiи!
Ой вы бояре! вы сыны отецькiи!
Ой чого вы до насъ не рано найихалы?
Чи вы бувалы у Львови на торговли,
Чи торгувалы коныкы вороненьки,
Чи набиралы жупаны голубеньки?

(Уляна Выборная).

Свитилки:

161.

Ой вы дружечкы! вы сывiи голубочкы!
У насъ коныкы посидланы стоялы,
У насъ жупаны посбиганы лежалы.
У нашого Васылька ласкавенькый батенько,
Забарывъ винъ насъ ласкавымы словамы,
Напувавъ винъ насъ солодкимы медамы,
Годувавъ винъ насъ булкамы й калачамы,
Выпровожавъ винъ насъ съ доброю годыною,
Щобъ мы прыйихалы съ чужою дытыною.
Выпровожавъ винъ насъ щаслывою долею,
Щобъ мы прывезлы Марусю зъ собою.

(Она же).

Дружки:

162.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Де вы сванечкы бувалы?
Чого вы до насъ не рано прыйихалы?

Свитилки:

Забарыла насъ Васылькова маты.

Дружки:

Чи вы коныкивъ добувалы,
Чи вы жупаны позычалы?

(Настасія Коломійцева).

Свитилки:

163.

У насъ коныкы запрягаы стоялы,
У насъ жупаны посбиганы лежалы.
Забарыла насъ Васылькова матинка,
Годувала насъ билимы калачамы,

Напувала насъ солодкимы медамы,
Выряжала насъ съ доброю годыною,
Щобъ прыйихалы съ чужою дытыною.
(Она же).

Дружки:

164.

Дружбоньку, сывый голубоньку,
Зрижъ мени шышечку зъ вершечку.
Якъ ты мени шышечкы не дасы,
Я тебе у поли перейму,
Я въ тебе коныченька отныму
Я тоби сорому нароблю.
(Уляна Выборная).

Дружки:

165.

Наша свашка не липашка,
Шышечкы не злипыла,
Дружечокъ не вдилыла.

Свитилки:

Напекла я шышокъ
Зъ гречаной лускы,
Щобъ подавылыся дружкы.
(Она же).

Воскресенье, Прикрѣпленіе квитки.

Послѣ этой пѣсенной борьбы, сестра молодой (свисть) пришиваетъ къ шапкѣ молодого вѣнокъ (квитку), при чемъ поетъ вмѣстѣ съ дружками слѣдующія пѣсни:

166 [1]).

Ушлы маты дочку,
Прышыты квиточку;
Та дай же йий голку
И ныточку шовку (2)
Прышыты квиточку
Къ зятевому шлычку.

167.

А я зятеви квитку прышывала,
У Кыёви шовку куповала,
Одного червоного,
Другого зеленого,
Третьего голубого.
Для зятя молодого.

168.

Ой зятю, зятю хороші́й,
Якъ тоби не стыдно безъ грошей!
Якъ тоби не стыдно безъ шлычка,
Безъ сестрыного виночка!

169.

Ой зятю, зятю! я твоя свисть.
Выкынь мени на тарилку рублывъ шисть.

[1]) Пѣсни съ 166—173 записаны отъ Уляны Выборной.

Якъ ты мени шесты рубливъ не
положышъ,
То въ мене сестрыци не возь-
мешъ.

170.

Я не хочу пятакивъ браты,
Пятакамы чоботы лататы,
Дайте мени хоть манисеньке,
Абы воно золотисеньке.

Пришивъ квитку, свисть надѣваетъ шапку себѣ на голову и скачетъ на лавѣ, дружки продолжаютъ:

171.

Скаче, свистонька, скаче,
Чогось вона хоче,
Срибного, золотого
Отъ зятя молодого.

Воскресенье. Платежъ брату невѣсты.

Уплативъ свисти заранѣе условленную плату за пришитіе вѣнка, обыкновенно 30—50 к. и 2—3 аршина ленты, молодой долженъ также заплатить (50 к., или 1 р. деньгами, чарку водки и шишку) брату молодой, который садится на лошадь молодого, или на палку, и скачетъ за ворота при пѣніи дружками:

172.

Ой ты душечко,
Наша Марусенько!
Забарніи дружкы
Забарылыся въ хати.
На двори коня взято,
Сиделечко знято,
Ничимъ одъйихаты
Одъ тестевои хаты.

Дружки также обращаются къ молодой съ слѣдующей пѣсней:

173.

Ой ты душенько,
Наша Марусенько!

Уже мы по нидылы,
Свитонька не выдилы,
Пусты насъ погуляты,
Свитонька повыдаты, (2)
Буяръ розглядаты,
Чи не крыви, не горбаты,
Чи уміють танцюваты.

Воскресенье. Молодые во дворѣ.

Первыми выходятъ изъ хаты на дворъ дружки молодой и бояре, а за ними спустя нѣкоторое время и остальные поѣзжане въ такомъ порядкѣ: дружко, свашки, свитилки съ горящимъ свѣтильникомъ, молодые и старшая дружка. Молодые и поѣзжане, кромѣ бояръ, обходятъ трижды вокругъ дижи[1]), молодые кланяются на всѣ четыре стороны, молодая беретъ свѣтильникъ у старшей свитилки, гаситъ его и въ сопровожденіи молодого и нѣсколькихъ гостей идетъ въ комору. Покуда они разговариваютъ въ коморѣ, молодежь—бояре дружки, зрители—танцуютъ во дворѣ.

Къ вечеру, молодые возвращаются за столъ и дружки начинаютъ пѣть:

174.

Добривечиръ сёмо!
А кто въ сёму дому[2]),
Старому, й малому
И сватови домовому.

(Уляна Выборная).

Такимъ образомъ исполняется это привѣтствіе въ Снѣтинѣ; въ Пѣскахъ, засульской волости, и въ Березоточѣ, волчковской, измѣняютъ такъ:

Добривечиръ сёму́,
Хто е въ сёму дому,

---

[1]) Обычай не повсемѣстный, иногда поѣздъ движется просто вокругъ пустаго мѣста, всѣ кромѣ молодыхъ слегка пританцовываютъ:

[2]) Вар. „А хто въ сёму до́ми“.

Старому, й малому
И сватови домовому.

(Пелагея Куліева и Елена Дмитренкова).

Въ х. Кремянкѣ, матяшовской волости, такъ:

Зятови молодому.

Воскресенье. Молодые на посадѣ.

Затѣмъ дружки поютъ:

175.

Ой чого, чого въ свитлонци[1])
Такъ рано засвичено?
Та лыбонь сванечка свого старосту
На вловы вырягае:
Та пойидь старосто, пойидь ста-
ренькій
Черезъ горы[2]) на вловы.
Та поймай старосто,
Поймай старенькій
Куночку та на шубочку.
Съ тіи куночкы, съ тіи куночкы
Маруси дви шубочкы,
Съ тіи лапочкы, съ тіи лапочкы
Васылькови дви шапочкы.

(Пелагея Куліева).

176.

Черезъ улыцю, въ новій свитлыци
Тамъ рано засвичено.
Ой тамъ радятця два шурыночка:
Що мы зятю подаруемъ?
Подаруймо зятю, подаруймо ему
Волыка сиренького.
Зять волыка взявъ,
Шапочкы не знявъ,
Шурыночку не подякувавъ.
Черезъ улыцю, въ новій свитлыци
Тамъ рано засвичено.
Ой тамъ радятця два шурыночка:
Що мы зятю подаруемъ?
Подаруймо зятю, подаруймо ему
Коныка вороного.
Зять коныка взявъ,
Шапочкы не знявъ,
Шурыночкамъ не подякувавъ.
Черезъ улыцю въ новій свитлыци
Тамъ рано засвичено.
Ой тамъ радятця два шурыночка:

---

[1]) Варіантъ: Ой чого, чого въ симъ новимъ доми
Такъ рано засвичено?
Острішки нызеньки, виконця маленьки,
Тимъ рано засвичено
Та лыбонь . . . и т. д.

[2]) Вар. Въ чистеи поле на вловы.

Що мы зятю подаруемъ?
Подаруймо зятю, подаруймо ему
Сестрыцю молодую.
Зять сестрыцю взявъ, шапочку знявъ
Шурыночкамъ тай подякувавъ:
Ой спасыби вамъ, шурыночкы,
Та за ваши подаруночкы!
Що волыкомъ буду хлибъ робыты,
А коныкомъ въ гости йыздыты.

(Уляна Выборная.)

177.

Та литала галочка
Чорна, маленька,
Увесь день высоченько,
А якъ стало вечориты,
Стала ныжче летиты.
Та сыдила Маруся,
Та сыдила молода,
Увесь день веселенька,
А якъ стало вечориты
Стала смутна сыдиты.
Оце тоби, галочко,
Оце тоби, чорненька
За твое литаньячко.
Що ты литала,
Перебирала
Ясными соколамы.
Оце тоби, Марусю, оце молода
За твое гуляньячко!
Що ты гуляла,
Перебирала
Молодымы молодцямы.
Выбрала соби переборчыка,
Васылька молодчыка.

(Она же).

Воскресенье. Раздѣлъ коровая.

Между тѣмъ, дружко молодого вноситъ изъ коморы коровай и начинаетъ рѣзать его на столѣ, дружки поютъ:

178.

Тоби, дружко, не дружковаты,
Тоби, дружко, свынарюваты,
Съ довгою ломакою,
Съ чорною собакою!

Дружко роздаетъ коровай всѣмъ присутствующимъ, также и и дружкамъ, которыя поютъ по полученіи коровая:

179.

Тоби, дружко, дружковаты,
Тоби, дружко, пануваты,
У Кыеви надъ водою,
Зъ хорошою уродою.

180.

Дружко коровай крайе,
Семеро дитей майе,
Та все съ кошелямы,
Весь коровай забралы.

Свитилки отвѣчають:

181.

А мы роду не такивьского,
А мы роду короливьского,
Мы кошеливъ не бралы,
Короваю не кралы.

Дружки поють:

182.

Чи бачышъ ты, дружку,
Що бояре коровай крадуть?
За гилечко захыляютьця,
Короваемъ запыхаютьця.

Воскресенье. Ужинъ.

Дружко приноситъ ужинъ [1]), во время котораго дружки поютъ:

183.

Брязнулы ложечкамы,
Червоными тарилочкамы,
Марусина челядь
Сидае вечерять.

184.

Черезъ садъ гуска летила,
Съ перцемъ юшка кипила,
Хочь съ перцемъ, не съ перцемъ,
Просымо съ чыстымъ серцемъ.

185.

Та просыла Маруся та мужа свого:
Ой вечеряй, Васыльку, вечеряй молодый
У батька мого.
Щоты въ мого батенька одынъ день,
А я въ твого—весь тыждень.
А съ того тыждня до року,
А съ того року до вику.

186.

Ой вечеряй, Марусю, вечеряй молода,
Що твоя ненька варыла,
Варыла ненька все голубочкы
За для любои дочкы.

187.

Та вечеряй, Васыльку, та вечеряй молодый,
Що твоя теща варыла,
Та варыла теща все голубьята
За для любого зятя.

Дружки продолжаютъ:

188.

Вы бояре молодесеньки,
Вы не будьте гордесеньки,
Якъ будете гордесеньки,
Пойидете голоднесеньки.

189.

Вы бояре чужесторонци,
Та не берить по повній ложци,
Берить по половынци,
Щобъ стало всій родынци.

---

[1]) Борщъ, зимой капуста, локшина съ говядиной или со свининой и водка.

190.

Йылы бояре юшку,
Та вкралы галушку,
Заховалы въ кышеню,
Дивчатамъ на вечерю.

191.

Йылы бояре, йылы,
Цилого вола зъилы,
На столи ни рисочкы,
Пидъ столомъ ни кисточкы.

Дружки продолжаютъ:

192.

Одъ стола до порога
Втоптана дорога,
Бояре втопталы,
Помыи хлёпталы.
А свашка бижыть,
А свашка крычыть:
„Оставте мени,
Хочь гущи на дни,
Хочь трошки“!

193.

Свитилочка пани,
Вечеряй изъ намы,
Яка бо ты пышна,
Якъ у саду вышня.
Не велила маты
Рота роззявляты,
Бо велыки зубы
Висять черезъ губы.

194.

Старша свитилка ласа
Попала кусокъ мяса,
За свитыльныкъ захыляетця,
Кубешою запыхаетця.

Варiантъ:

Старша свитилка ласа
Украла пличко мняса,
За братика захыляетця,
Пличкомъ мняса запыхаетця.

195.

Старша свитилка богата,
На йий сорочка чохлата,
По пидъ тымы чохлыцямы
Сыдять воши копыцямы.

Свитилки отвѣчаютъ:

196.

Ракы, дружечкы, ракы,
Брешете, якъ собакы,
А ще раченята,
Брешете, якъ щенята.

Дружки:

197.

Старшая свитилка
Пры стини,
На йий сорочка
Не йии.
Прыйшла сусида
До виконця,
Скыдай сорочку
За сонця.
Прыйшла сусида
Гукае,

Скыдай сорочку
Смеркае.

Свитилки:

198.

Брешете дружкы, панянкы,
Въ мене сорочка съ кытайкы,
Мене маты выряжала,
Зъ кытайкы сорочку давала.

Дружки:

199.

Бигла столомъ мыша,
Старша свитылка лыса,
А бояре заглядалы
Та въ лысыну цилувалы [1]).

Свитилки:

200.

Старша дружка якъ стружка,
Пидстарша якъ мотузка,
Третя якъ барыло,
Четверту розсадыло,
А пьята на дняхъ ходыть,
Семеро дитей водыть.

Дружки:

201.

У старшои та свитылоци
Тры чырякы на потылыци,
Бояре заглядалы,
Щобъ дужче роскыдалы.

Свитилки:

202.

Бигла сучка яромъ [2]),
А за нею дружкы рядомъ,
Думалы, що маты,
Та давай сучку ссаты.

Воскресенье. Уничтоженіе гильца.

Въ это время бояре хватаютъ и ломаютъ гильце [3]), а дружки поютъ:

203.

Въ лозы, дружечкы, въ лозы,
Рубайте занозы,
Боярь запрягаты,
На квиткы [4]) ораты.

---

[1]) Варіантъ: Бояре прысвичують,
Лысыну заквичують.

[2]) Варіантъ: Бигла сучка токомъ,
А за нею дружкы скокомъ и т. д.

[3]) Остатки гильця дѣвушки кипятятъ въ горячей водѣ впослѣдствіи, и этой водой моютъ себѣ головы.

[4] Вар. „На тютюнъ ораты .

Перекоры кончаются такой пѣсней:

204 [1]).

Мыръ мыромъ,
Пырогы съ сыромъ,
Вареныкы зъ масломъ,
Вы дружечкы красны,
Помырымось!

Воскресенье. Расплетеніе косы.

Часовъ въ 8 или 9 вечера братъ молодой входитъ въ избу и говоритъ присутствующимъ:

— Старосты, пани старосты! Благословить сестри косу росплесты.

Присутствующіе отвѣчаютъ:

— Богъ благословыть!

Тогда молодая склоняется надъ столомъ и братъ, расплетая кончикъ косы, вынимаетъ оттуда „косныкъ", который вдѣваетъ себѣ въ рубашку и отходитъ, а двѣ молодыя женщины, родственницы молодой становятся по обѣ стороны за ней на скамью и машутъ надъ ней девять разъ кускомъ кисеи (намиткой) или платкомъ, затѣмъ обвязываютъ ее („запынають"). Дружки въ это время поютъ:

205 [2]).

Що братъ сестрыцю росплитавъ,
Де тіи росплиткы подивавъ?
Чи винъ ихъ пропывъ, чи продавъ,
Чи меньшій сестрыци такъ отдавъ?

---

[1]) Пѣсни съ 178—204 №№ записаны отъ цѣлой улицы литвяковскихъ дивчатъ: Варвары Иваненковой, Оришки Недильвиной, Степаниды Шевченковой, Настасіи Коломійцевой, Оришки Мартыщенковой, съ участіемъ Уляны Выборной.

[2]) Пѣсни съ 205—207 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

Воскресенье. Покрыванье молодой.

Женщины поютъ:

206.

Чи бачешъ ты, диво,
Несуть твое дило?
Якъ биль билесеньке,
Якъ папиръ тонесеньке.

207.

Покрывальныця плаче,
Порыватыся хоче.
Билого завывання,
Вичного покрывання.

208.

Оттакъ мы зробылы,
Якъ самы схотилы,
Изъ кныша паляныцю,
Изъ дивчыны молодыцю.

Дружки поютъ:

209.

Якъ бы мы схотилы,
Мы бъ йіи розвертилы,
Та повелы въ густы лозы,
Та заплелы въ дрибніи косы,
Дивкою нарядылы,
Зъ собою посадылы.

210.

Зумилася, та Маруся,
Зумилася,
Ой де йіи руса коса
Подилася.
Коло неи дви сванечкы
Блызько сыдилы,
Воны йіи русу косу
Десь заподилы.
А ще блыжче та Васылько,
То тȏ йіи панъ,
Сховавъ йіи русу косу
Пидъ сыній жупанъ.

211.

Ой глянь, маты, на мій посадъ,
Уси дружечкы въ косахъ сыдять,
А на мою та роса впала,
Що матинка росчесала.

(Устинья Калениченкова).

Воскресенье. Удаленіе дружекъ.

Дружки обращаются къ молодой еще съ слѣдующей пѣснью:

212.

Чи мы тоби, та Маруся, не казалы,
Чи мы тебе словечкамы не огорчалы,
Що не ходы та до броду рано по воду,
Та не слухай голубонькивъ де въ пари гудуть,
Воны гудуть, воны гудуть, да израдять,
Одъ батенька до свекорка переманять,

А свекорко не батенько, не бье, та болыть,
А свекруха не матинка, та рано сбудыть,
Та ще пиде до сусиды тай осудыть:
Сонлывее, дримлывее, чужее дытя,
И синечокъ, присинечокъ тай не вымита,
И ложечокъ, тарилочокъ не перемыва,
И билои постилоньки не перестыла.
Ой неправда, сусидоньки, неправда йіи,
Я вымыла сины й хату при ясній свичи,
Я заплела русу косу зовыци.

(Дарья Котова).

213 [1]).

Прощай, прощай, Марусю!
Сестра наша!
Теперь же мы та не твойи,
Ты не наша (2)
Найшла соби та Васылька
Товарыша.
Прощай, прощай, та Марусю,
Бо вже мы йдемо,
Коло тебе та Васылька
Покыдаемо!

Воскресенье. Выряжанье молодой.

Съ этой прощальной пѣсней дружки уходятъ, а молодыци продолжаютъ пѣть:

214.

Тай уже ненько, уже не раненько,
Научай мене, моя матинко,
Ой навчай, навчай, щобъ знала звычай,
Якъ свекрови годыты.
Якъ тебе вчыты, жаль тебе быты,
Будь сама розумненька.
Свекоркови годы, вечерять вары,
Годы, доненько, годы.
А свекруси годы, головоньку гляды,
Годы, доненько, годы.
А диверкамъ годы, хустыночку перы,
Годы, доненько, годы.
А зовыцямъ годы, русу косу плеты,
Годы, доненько, годы.
Васыльковы годы, билу постель стелы,
Годы, доненько, годы.
Та держы свитлоньку, якъ у віночку,
И рушнычокъ на килочку,
Та держы видерця вси чыстесеньки
И водыци повнесенькы.

[1]) №№ съ 213—215 записаны отъ Уляны Выборной.

Та будуть до тебе сусиды ходыты,
Будуть тебе хвалыты:
Яка Маруся чепурнесенька
И до людей прыятнесенька.

215.

Чого жъ ты, Марусе, такъ сыдышъ?
Чому батенькови не дякуешъ?
Уже рыдваны позавертаны,
Свекрови кони позапряганы.
Тилько систы та пойихаты.
Та велю коныкамъ та вивса дать,
А визныченькамъ пидождать,
А покы прыйде та мій батенько
Изъ того саду—выноград у
Та до мене на пораду.
Скоро батенько на поригъ,
А Маруся нызько до нигъ:
Ой спасыби вамъ, мій таточку,
За ваше гулянячко.
Та скилькы я въ васъ гуляла,
Важкого дила не знала,
А тилько знала змытьця, счосатьця,
Да хороше прыбраться.
А тилько знала кисоньку змыты
Та въ таночку походыты.

216.

Варіантъ х. Кремянки:

Чи я тоби, матинко, не дытятко,
Що ты мене противъ ничкы,
Та шлешь прички?
Исправь мени, моя маты,
Дорогый нарядъ,
Червоныи черевыкы, голубый жупанъ.
А якъ буде, моя доню,
Твій мылый ревнывый,
То вжежъ тоби, моя доню,
И нарядъ не мылый.
Червоныи черевыкы пыломъ прыпадуть,
Голубіи жупаныкы—зовыци порвуть.

(Прасковья Заикина).

217.

Варіантъ м. Сињтина.

Чи я въ тебе, моя матинко,
Не дытятко,
Що ты мене протывъ ничкы
Шлешъ прички?
Ой дай мени провидныччка,
Хочь братичка,
Ой дай мени провидныцю,
Хочь сестрыцю!
Будуть тоби провидныкы
Та диверкы,
А провидныци
Зовыци.

(Уляна Выборная).

Воскресенье. Отъѣздъ молодой.

Затѣмъ отецъ и мать даютъ молодымъ въ руки хлѣбъ, соль, восковыя свѣчи и образа („богивъ"). Молодые бьютъ поклоны передъ образами, кланяются родителямъ и идутъ во дворъ за дружкомъ,

послѣ того какъ онъ испроситъ разрѣшенія „молодыхъ въ Божу путь весты“. Молодыцы поютъ:

218 [1]).

Маты Марусю родыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Зорею пидперезала,
До свекра выряжала:
Цежъ тоби, Марусю, дорога,
Йидь до свекорка здорова.

Свашки и свитилки поютъ:

219.

Загрибай, маты, жаръ, жаръ,
Буде тоби дочкы жаль, жаль,
Кыдай у пичъ дрова,
Зоставайсь здорова,
Кыдай у пичъ трискы,
Дожыдай соби невисткы!

Во дворѣ молодые, свашки, свитилки съ пылающей свѣчей еще разъ обходятъ вокругъ дижи, поѣзжане танцуютъ при этомъ обхожденіи и поютъ:

220.

Выкотылы, выкотылы смоляную бочку,
Высваталы, выдурылы въ пана свата дочку.
Выкотылы, выкотылы та щей медяную,
Высваталы, выдурылы та щей молодую.
Буде свату добренька, буде кожухъ тепленькій,
А якъ буде лыхая, нагаечка дротяная,
Нагаечка дротяная у тры дроты звыта,
Ой будешь ты, та Марусю, симъ разъ на день быта.

Наконецъ молодая становится на возъ (или сани) крестится и кланяется на всѣ четыре стороны, дружко обводитъ молодого во-

[1]) Пѣсни съ 218—220 № записаны отъ Уляны Выборной.

кругъ повозки, а мать выводитъ[1]) его за платокъ со двора, и поѣздъ мчится къ жилью молодого.

Воскресенье. Послѣ отъѣзда молодыхъ.

Послѣ отъѣзда молодыхъ, молодыцы, гулявшія на весильи, поютъ опечаленной матери молодой:

221.

Закувала зузуленька въ зеленимъ
вивси,
Оглядилась стара маты, ажъ дочкы
не вси.
Сюды-туды по куточкахъ розглядае,
Найстаршои Марусенькы тай
не мае.

(Марія Гриценкова).

222.

Ой пиду я въ коморю—скрыни
нема,
А ввійду въ свитлоньку—дочкы
нема.
Одчыню я кватырочку, ажъ и
слидъ
По дорози васылечкы порослы,
Туды мою донечку повезлы.

(Пелагея Куліева).

223.

Засвиты маты свичку,
Подывыся у запичку:
Чи велыка щербына,
Що не майе семьянына?

(Уляна Выборная)

224.

Сусидонькы мои,
Жалуйте мене!
Не майе дочкы въ мене!
Та не майе дочкы,
Ни скрынечкы,
Ни Маруси челядыночкы.
Якъ дождемо лита,
Та насіемо жыта,
Та никому буде жаты,
Та займу постатьку
Малу, невелыку,
Та никому й пидогнаты,
Якъ схочется холодной воды
Та никого посылаты.
Якъ найде печаль,
Велыка досада,
Та никому розважаты.

(Уляна Выборная).

---

[1]) Иногда мать выводитъ подъ уздцы лошадь съ возомъ, на которомъ выѣзжаютъ молодые.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Грпнцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. I. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печатн. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.